

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 14. Часть 2

(№83)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2025

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

8 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60х84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 12,25

Главный редактор

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., доктор философских наук, член Союза писателей России.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Абдулатипов Р.Г., доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации. Директор Центра научно-методического обеспечения государственной культурной политики и традиционных ценностей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия».

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующего Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологи-

ческого симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Комлева В.В., доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточно-европейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Чжан Вэй, КНР.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 14. Issue 2 (№83)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2025

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project.
The mission of the journal is the consolidation of progressive forces,
constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

**The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of
the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.**

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal
abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and
far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only
beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the
scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and
open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free
access to all publications, unless the contract with the author presupposes other condi-
tions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in
case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Editorial Board

Abdulatipov R.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. Director of the Center for Scientific and Methodological Support of State Cultural Policy and Traditional Values of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, researcher of the VUNC of the "Naval Academy".

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People's Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Komleva V.V., Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Pro-

fessor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

Матющенко В.С. Старообрядчество Дальнего Востока: исследование онлайн-активности.....	14
---	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Петрова С.И., Жидяева Е.С. О взаимосвязи философии и культуры.....	24
Зинатуллин Р.Ф., Барсуков Р.Р., Федорчукова Л.А. Песни периодов ВОВ и СВО: сравнительный анализ.....	31
Гарин М.Ю. Критерии элитарности в исторической перспективе.....	38
Аграфонова М.В., Семина Н.В. Явление молодежного самовыражения: обзор современных подростковых субкультур и их правовое регулирование.....	43
Сафонова Е.А. Игровая логика квест-технологий в условиях метамодерна.....	50

СОЦИОЛОГИЯ

Кравченко В.И., Капелюш М.Б. Искусственный интеллект в рекламе: угроза или союзник для креативных решений?.....	59
Кангина Е.Н. Компаративный анализ понятий «вовлеченность», «участие» и «партиципаторность» в социологии управления.....	65
Зарянова А.С. Коммуникационная стратегия в реализации эффективного антикризисного PR-реагирования.....	74
Насипова С.Б. Коллективная ответственность как основа устойчивого развития: от локальных сообществ к глобальным инициативам.....	82
Сунь Чао Динамика традиционных социальных отношений в Китае - распад «Общество дальних родственных отношений».....	87

ФИЛОСОФИЯ

Лукинова И.А. Человек и общество в дебрях современного информационного пространства: философский ракурс.....	96
Россинский А.Г., Родин К.В., Россинская Е.А., Пьянзина И.В., Костерина М.Г. Русский Мир: история и современность.....	105
Антипов М.А. Антропологический аспект в учении Н.А. Бердяева о будущем России.....	116
Дружкин С.М. Биоэтика как практическая философия в Латинской Америке: современный философский дискурс.....	122
Завгородний Т.О. Рефлексия о пререфлексивном: самосознание и его неконцептуальный аспект.....	128
Корсак М.В., Чудина Т.В., Золотухина Н.В., Дудник А.В. Философская экспликация архитектуры как развивающейся системы.....	137
Ли Юйчжэнь Основные подходы к сущности понятия жизненных ориентаций личности.....	146
Цзя Мэнтянь, Ульянова Л.Н. Концептуальная система древнекитайской эстетической мысли в контексте музыкальных практик.....	152
Чарикова Т.В. Блог как социокультурный феномен.....	159
Сафьянов В.И. Коммуникативный контакт как предмет социогуманитарного анализа.....	165
Гладышева Е.В. Соотношение понятий «соборность», «коммунитарность» и «коллективизм» в русской религиозной философии.....	173
Аннотации.....	179
Авторы.....	193

CONTENT

RELIGION AND SOCIETY

Matyushchenko V.S.

Old Believers of the Far East: online activity research.....	14
--	----

CULTURAL STUDIES

Petrova S.I., Zhidyaeva E.S.

On the relationship between philosophy and culture.....	24
---	----

Zinatullin R.F., Barsukov R.R., Fedorchukova L.A.

Songs from the periods of the Great Patriotic War and the special military operation: a comparative analysis.....	31
--	----

Garin M.Y. Criteria of elitism in historical perspective.....38

Agrafonova M.V., Semina N.V.

The phenomenon of youth self-expression: a review of modern adolescent sub-cultures and their legal regulation.....	43
--	----

Safonova E.A. Game logic

of quest technologies in the context of metamodernism.....	50
--	----

SOCIOLOGY

Kravchenko V.I., Kapelyush M.B. Artificial intelligence

in advertising: a threat or an ally for creative solutions?.....	59
--	----

Kangina E.N. Comparative analysis

of the concepts of «engagement», «involvement» and «participation» in the sociology of management.....	65
---	----

Zaryanova A.S. Communication strategy

in the implementation of an effective anti-crisis PR response.....	74
--	----

Nasipova S.B. Collective responsibility

as the basis for sustainable development: from local communities to global initiatives.....	82
--	----

Sun Chao The dynamics

of traditional Chinese social relations: the dissolution of the ‘distant relatives society’	87
--	----

PHILOSOPHY

Lukinova I.A. Man and society in the wilds of modern information space: a philosophical perspective.....	96
Rossinsky A.G., Rodin K.V., Rossinskaya E.A., Pyanzina I.V., Kosterina M.G. Russian world: history and modernity...	105
Antipov M.A. Anthropological aspect in N.A. Berdyayev's teaching on the future of Russia.....	116
Druzhkin S.M. Bioethics as a practical philosophy in Latin America: modern philosophical discourse.....	122
Zavgorodniy T.O. Reflection on the pre-reflexive: self-awareness and its non-conceptual aspect.....	128
Korsak M.V., Chudina T.V., Zolotukhina N.V., Dudnik A.V. Philosophical explication of architecture as a developing system.....	137
Li Yuzhen The main approaches to the essence of the concept of personal life orientations.....	146
Jia Mengtian, Ulyanova L.N. Conceptual system of ancient Chinese aesthetic thought in the context of musical practices.....	152
Charikova T.V. Blog as a socio-cultural phenomenon.....	159
Safianov V.I. Communicative contact as a subject of socio-humanitarian analysis.....	165
Gladysheva E.V. The relationship between the concepts of «conciliarity», «communitarianism» and «collectivism» in Russian religious philosophy.....	173
Abstracts	186
Authors	195

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

RELIGION AND SOCIETY

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «**Миссия конфессий**»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта

**«Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Матющенко В.С.

Кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой,
ФГБОУ ВО Амурская государственная медицинская академия, Благовещенск. SPIN-код: 5264-8218

Старообрядчество Дальнего Востока: исследование онлайн-активности*

Аннотация. Статья впервые анализирует онлайн-присутствие старообрядцев Дальнего Востока (поповцев и беспоповцев), рассматривая использование ими различных интернет-ресурсов и классифицируя их активность как «introverbum» (создаваемый старообрядцами контент) и «extraverbum» (контент внешних источников). Исследование актуально ввиду растущего влияния цифровых технологий на религию. В статье изучается отношение старообрядцев к интернету, а также положительные и отрицательные последствия цифровизации их религиозной жизни. Анализ показывает ограниченное использование онлайн-платформ на Дальнем Востоке (представленное в основном в Забайкальском и Бурятском регионах), что связывается с малочисленностью общин, возрастом прихожан, техническими ограничениями и отсутствием миссионерской активности. В статье рассматривается информационная, коммуникативная и образовательная роль интернета в жизни дальневосточных старообрядцев.

Ключевые слова: старообрядчество, киберпространство, киберрелигия, интернет-ресурсы, цифровизация, традиционная религия, Дальний Восток.

Matyushchenko V.S.

PhD, Associate Professor. Head of Department, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education Amur State Medical Academy, Blagoveshchensk.

Old Believers of the Far East: online activity research

Abstract. The article is the first to analyze the online presence of Old Believers of the Far East (popovtsy and bezpopovtsy), considering their use of various Internet resources and classifying their activity as “introverbum” (content created by Old Believers) and “extraverbum” (content from external sources). The study is relevant in view of the growing influence of digital technologies on religion. The article examines the attitude of Old Believers to the Internet, as well as the positive and negative consequences of the digitalization of their religious life. The analysis shows a limited use of online platforms in the Far East (represented mainly in the Transbaikalian and Buryat regions), which is associated with the small number of communities, the age of parishioners, technical limitations and the lack of missionary activity. The article examines the informational, communicative and educational role of the Internet in the life of Far Eastern Old Believers.

Key words: Old Believers, cyberspace, cyberreligion, Internet resources, digitalization, traditional religion, Far East.

* © Матющенко В.С., 2025.

Старообрядчество Дальнего Востока: исследование онлайн-активности

Цифровизация оказывает всё большее влияние на религиозную практику. Хотя существуют исследования использования цифровых технологий различными религиозными группами и зарубежный опыт изучения киберрелигии, систематическое изучение старообрядчества в киберпространстве, в том числе на Дальнем Востоке, отсутствует. Данная статья восполняет этот пробел, рассматривая старообрядчество как показательный пример взаимодействия традиционной религии и цифровых технологий, и влияние этого процесса на эволюцию религиозности в цифровом мире.

Старообрядчество, несмотря на свою традиционность и историческую приверженность к сохранению старых обрядов и традиций, адаптируется к вызовам современности, включая цифровизацию. Хотя старообрядцы исторически сопротивлялись инновациям в религиозной сфере, они всегда использовали достижения прогресса в других областях жизни. Этот парадокс делает актуальным вопрос о взаимоотношении старообрядчества и интернета. Исследование направлено на анализ онлайн-присутствия старообрядцев Дальнего Востока, рассматривая возможность и формы их взаимодействия с киберпространством, включая потенциальный переход к киберрелигии.

Территориальные границы исследования охвачены рамками современного Дальневосточного федерального округа (далее – ДВФО), куда входят 11 регионов: Амурская область, Республика Бурятия, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Камчатский край, Магаданская область, Приморский край, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Хабаровский край, Чукотский автономный округ.

Киберрелигия: вызовы и возможности для старообрядчества.

Под киберрелигией мы будем понимать новую форму религиозной практики и веры, основанную на использовании современных технологий, интернета и виртуальных миров. Влияние цифровых технологий на религию привело к появлению киберрелигии. Стремительное развитие технологий, а также изменение потребностей молодого поколения, активно использующего интернет для удовлетворения духовных запросов, подтолкнули традиционные религиозные организации к адаптации и переходу в онлайн-пространство. Это обусловлено рядом факторов: снижение интереса молодежи к традиционным религиозным практикам, трудности коммуникации между духовными лидерами и молодым поколением, необходимость религиозного образования в цифровом формате и ускорение темпа жизни [1].

Киберрелигия предоставляет ряд преимуществ: доступность религиозных практик для всех, независимо от местоположения и физических возможностей; участие в онлайн-ритуалах; создание персонализированных цифровых архивов; и возможность выбора контента. Онлайн-платформы, социальные сети и другие цифровые инструменты обеспечивают новые возможности для религиозной практики и общения, создавая более инклюзивную среду и предоставляя равный доступ к религиозной информации и поддержке.

Географическая удаленность, неразвитая инфраструктура (недостаток храмов, приходов и религиозных материалов), нехватка священнослужителей, а также малочисленность и разрозненность старообрядческих общин на Дальнем Востоке создают дополни-

тельные препятствия для полноценной религиозной жизни. Использование цифровых технологий может частично компенсировать эти ограничения.

Распространение киберрелигии может привести к снижению посещаемости храмов, утрате традиционных практик и ослаблению социальной роли религиозных институтов, если виртуальное общение полностью заменит реальное взаимодействие. Это особенно опасно для молодежи, которая рискует стать пассивной и социально изолированной. Хотя цифровые инструменты могут дополнять традиционные религиозные практики, полная замена нежелательна из-за важной роли религиозных общин в социализации. Необходимо просвещение, подчеркивающее значение как традиционных, так и онлайн-форм религиозной жизни. Таким образом, исследование роли интернета для старообрядчества является крайне актуальным. Необходимо определить роль интернет-пространства для старообрядцев.

Онлайн-платформы предоставляют старообрядчеству новые возможности: распространение информации о событиях и мероприятиях (информационная функция), общение между общинами и привлечение внимания к старообрядческой культуре (коммуникативная функция), доступ к образовательным ресурсам и изучению священных текстов (образовательная функция), и представление старообрядческого наследия широкой аудитории (культурно-просветительская функция). Цифровизация может способствовать росту числа верующих, но одновременно может снизить значимость традиционных форм религиозной практики. Однако онлайн и офлайн-деятельность могут эффективно дополнять друг друга, обеспечивая до-

ступ к информации и проведение религиозных обрядов соответственно.

Изучение онлайн-присутствия старообрядчества на Дальнем Востоке предполагает разделение на два аспекта: «extraverbum» (информация о старообрядчестве от внешних источников) и «introverbum» (информация, созданная самими старообрядцами). Поисковый запрос о дальневосточном старообрядчестве выдает большое количество материалов (82 700 страниц), включая научные работы и публикации средств массовой информации, часто фокусирующиеся на миграции беспоповцев из Латинской Америки.

Помимо этого, к числу внешних источников (extraverbum) относится также государственный информационный портал, посвященный поддержке переселения старообрядцев на Дальний Восток [2].

Сайт «Семейские РФ», созданный Координационным центром по культуре семейских старообрядцев Забайкалья при Республиканском центре народного творчества в рамках программы сохранения и развития культуры старообрядцев Бурятии [3], посвящен истории, культуре, вероисповеданию, этнографии и традициям семейских старообрядцев. На сайте представлены научные статьи, уникальные архивные и современные записи семейских песен, разделенные по тематическим разделам. Видеозаписи старообрядческих песен, танцев и обрядов также доступны на Rutube-канале центра [4].

В статье мы сосредоточимся на присутствии старообрядцев в киберпространстве (феномен «introverbum»). Современные старообрядцы, как в России, так и за ее пределами, активно используют интернет для духовных практик, общения и трансляции своих вероучений. Они задействуют широ-

кий спектр ресурсов, которые, следуя классификации Хелланда, можно разделить на два типа: «религия онлайн» (односторонняя трансляция информации, например, сайты церквей) и «онлайн-религия» (интерактивное, децентрализованное общение без иерархии) [5, с. 30]. Дальневосточное старообрядчество представлено в обоих типах. Наше исследование структурировано по трем категориям онлайн-присутствия: информационные, коммуникативные и интерактивно-познавательные ресурсы.

1. Информационные ресурсы – официальные сайты религиозных организаций, принадлежащие епархиям, приходам и общинам. Представляют собой информационные ресурсы с вертикальной структурой и односторонним потоком информации. В качестве примера можно привести официальный сайт Русской Православной Старообрядческой Церкви (далее – РПСЦ), демонстрирующий использование цифровых технологий для предоставления верующим актуальной информации, новостей, фото- и видеоматериалов, контактных данных и расписаний служб [6]. Сайт имеет типичную структуру: разделы «Главная», «Новости», «Публикации», «Митрополит», «Документы», «Медиа», «Храмы». На главной странице размещены календарь, ссылки на полезные ресурсы, новости и контакты. Раздел «Новости» содержит информацию о событиях в РПСЦ, приходах и общинах, взаимодействии с государством и обществом, а также новости культуры и объявления о богослужениях и конференциях. В «Публикациях» представлена информация об истории, структуре, догматах и канонах РПСЦ. Раздел «Митрополит» посвящен информации о патриархе, его биографии и публикациях. «Храмы» содержит

информацию о храмах РПСЦ, их фотографии, расписание богослужений, контакты и адреса. «Медиа» включает фотографии и видеоматериалы, отображающие жизнь церкви. В целом, сайт является официальным информационным ресурсом для членов РПСЦ и интересующихся старообрядчеством. На сайте РПСЦ представлена ограниченная информация о дальневосточном старообрядчестве: о двух епархиях региона и храмах, расположенных на их территории.

В отличие от РПСЦ, дальневосточные старообрядцы-беспоповцы характеризуются разобщенностью, разнообразием течений и отсутствием единой структуры. Их стремление к обособленности и нежелание обсуждать вопросы веры с представителями других религий, вероятно, объясняют отсутствие у них официального сайта. Основная часть современных беспоповцев на Дальнем Востоке – это переселенцы из Латинской Америки. Интересный пример – Агриппина Ануфриева-Егорофф, староверка из Бразилии, проживающая в Амурской области. Она организовала сыроварню, у которой есть свой сайт и страницы в социальных сетях, однако эта деятельность не связана с религиозной жизнью старообрядцев.

Старообрядцы-семейские Забайкалья, в отличие от других групп, демонстрируют большую активность в интернет-пространстве. Сайт «Семейские – староверы Забайкалья», существовавший до 2017 года, прекратил работу и не обновляется [7]. Сайт отличался богатым содержанием и включал множество разделов. Здесь представлены научные статьи о дальневосточном старообрядчестве от исследователей как светского, так и старообрядческого происхождения. «Библиотека» содержит множество вероучительных книг

и статей. «Энциклопедия» охватывает историю старообрядчества XVII-XX веков, включая информацию о вероучении и биографиях ключевых деятелей. Раздел «Паломник» предлагает интерактивное путешествие по Болгарии с картами, фотографиями и информацией. Таким образом, сайт являлся ценным источником информации об истории, культуре и жизни старообрядцев-семейских до 2017 года.

В итоге, самостоятельные, актуальные информационные ресурсы, непосредственно связанные с дальневосточным старообрядчеством, обнаружены не были. Информация о храмах и епархиях дальневосточных старообрядцев РПСЦ размещается на общем сайте митрополии. Религиозная деятельность беспоповцев не отражена на интернет-сайтах.

2. Коммуникативные ресурсы – платформы для общения и взаимодействия, включают форумы, блоги и социальные сети с горизонтальной структурой, обеспечивающие активное взаимодействие пользователей. Российское старообрядческое сообщество представлено в различных социальных сетях, где участники обмениваются новостями, ведут дискуссии, публикуют объявления о мероприятиях и делятся духовными размышлениями. Рассмотрим примеры использования социальных сетей дальневосточными старообрядцами.

1) В Контакте (VK). В VK обнаружено несколько сообществ, связанных с дальневосточными старообрядцами-семейскими.

«Староверы мира! Семейские». Страница, посвященная семейским Забайкалья, активно публикует новые сообщения и обсуждения. Представлены фотографии, статьи и новости. Особенностью является возможность

финансовой поддержки автора («донаты»). Сообщество насчитывает 1024 подписчика. Несмотря на наличие раздела «Обсуждения», активность пользователей в нем невелика [8].

«Старообрядцы-семейские Забайкалья». Группа, созданная для публикации информации об истории и традиционной культуре старообрядцев-семейских, насчитывает 2188 подписчиков. Представлено большое количество фото, видео и музыки. В файлах содержатся статьи о старообрядчестве. Раздел «Обсуждения» содержит 17 тем с достаточно развитыми дискуссиями. Наиболее актуальная тема для подписчиков «Фамилии семейских», насчитывающая 227 сообщений [9].

2) Одноклассники. Несмотря на снижение популярности среди молодежи, в Одноклассниках, где преимущественно присутствуют пользователи старше 40 лет, обнаружены аккаунты староверов-семейских.

Сообщество «Староверы Семейские» насчитывает 87 участников, администратор – Дмитрий Егоров. Активность поддерживается большим количеством фотографий (887), возможностью обсуждений и загрузки видео подписчиками. Новые посты публикуются практически ежедневно участниками группы [10].

Еще одно сообщество – «Древлеправославные семейские» (г. Улан-Удэ). Администратор аккаунта – Елена Жогова (Мордвинова), на аккаунт подписано 33 участника. Последняя запись датирована 8 июля 2024 года. Содержит видео, фото и публикации, преимущественно репосты о старообрядцах-семейских из других источников. Обсуждения и комментарии к публикациям отсутствуют [11].

3) Telegram. Из-за сложного алгоритма поиска в Telegram обнаружить

группы, созданные непосредственно дальневосточными старообрядцами, не удалось. Как правило, старообрядческие сообщества дублируют одну и ту же информацию на различных социальных платформах. Например, информация с сайта РПСЦ ретранслируется на официальном Telegram-канале РПСЦ и в ВК.

Социальные сети Instagram и Facebook, запрещенные на территории РФ в 2022 году, в данном исследовании не рассматривались, хотя до 2022 года присутствие аккаунтов старообрядцев на этих платформах было значительным.

В целом, социальные сети играют важную роль в жизни современных общин, включая старообрядческие сообщества, предоставляя пространство для обмена информацией, обучения, распространения и укрепления духовных практик и традиций. Приведенные примеры демонстрируют разнообразие подходов старообрядческих сообществ к использованию различных платформ для поддержания и продвижения своих духовных и культурных традиций. Однако, среди дальневосточных старообрядцев в социальных сетях наблюдается низкий уровень коммуникаций, что ограничивает их использование преимущественно информационными и культурно-просветительскими целями, а не для полноценного взаимодействия.

3. Интерактивно-познавательные – комбинированные ресурсы, сочетающие онлайн и оффлайн деятельность (например, интерактивные сайты отдельных структурных подразделений старообрядцев, сообществ, ресурсы с аудио и видео контентом), с высокой степенью интерактивности и активным привлечением пользователей. Эти платформы осуществляют важные функции.

I. Сохранение и распространение культурного и религиозного наследия: онлайн-трансляции богослужений, праздников и обрядов; сохранение и распространение духовных песнопений и музыки, предоставление материалов для изучения Библии, канонов и других священных текстов; информация о культурной и религиозной истории, традициях и обрядах; информация о молитвах, богослужебном пении и других духовных аспектах.

II. Образование и коммуникация: видео- и аудио лекции по духовным текстам, традициям и обрядам; обучение церковнославянскому языку и духовной литературе; платформы для обмена мнениями и обсуждения духовных тем; создание онлайн-сообщества для обсуждения духовных текстов, песнопений и культурных событий; представление музыкальных и культурных аспектов старообрядчества в цифровой форме.

В январе 2024 года Московская Митрополия РПСЦ получила президентский грант на реализацию проекта «Открытая просветительская площадка уникальных материалов о старообрядчестве». Этот проект, реализуемый на сайтах и в социальных сетях (ВКонтакте и Telegram), направлен на популяризацию и сохранение старообрядческих традиций через информационно-просветительскую деятельность. Цели грантового проекта включают: освещение деятельности РПСЦ в России, создание фотолетописи старообрядческой жизни, сохранение и популяризацию знаменного пения (включая обучение клирошан), распространение научно-просветительских материалов, улучшение доступа англоязычных старообрядцев к информации и развитие методического обеспечения для приходских воскресных школ. Все эти

задачи направлены на сохранение и продвижение старообрядческой культуры и традиций [12]. Рассмотрим, как дальневосточное старообрядчество представлено на интерактивно-познавательных платформах.

Старообрядческие онлайн-журналы являются важным источником информации о религиозных практиках, культурных традициях и событиях, касающихся старообрядцев, помогая собирать, сохранять и распространять информацию, делиться духовным опытом и обучать последователей. Например, можно отметить канал Gor Ivanov с видеоконтентом «Старообрядцы Семейские и их история расселения» [13].

Многие российские старообрядцы ведут онлайн-дневники, где делятся своими мыслями, рассказывают о духовных практиках, рассматривают важные вопросы для сообщества и представляют свои религиозные взгляды. Примеры онлайн-журналов и дневников дальневосточных старообрядцев найти не удалось.

Старообрядческие порталы на видео- и аудио-платформах играют важную роль в сохранении и продвижении духовной музыки, богослужебных практик, образовательного контента и других аспектов старообрядческой культуры. Например, канал «Старообрядческая Мысль» – это видео-приложение к Telegram-каналу СМЫСЛЪ, содержащее редчайшие записи старообрядческих богослужений, крюкового знаменного пения, зарисовки из жизни современных старообрядцев в различных регионах России и мира, а также проповеди старообрядческих священников, отвечающих на актуальные вопросы [14]. Из дальневосточных ресурсов можно отметить канал на Youtube «Музей старообрядцев Забайкалья с. Тарбагатай. В гостях у семейских», где

представлены видео о быте старообрядцев Забайкалья, транслируются песни и освещаются некоторые обряды [15].

Онлайн-платформы предоставляют возможность получать и обмениваться информацией, изучать священные тексты и транслировать обучающие материалы. Старообрядческий проект «Посвятим воскресный день Богу» [16] организует душеполезные беседы, освещающие темы, связанные со старообрядческой верой, проводимые на бесплатной основе старообрядческими священнослужителями с возможностью задавать вопросы онлайн. В марте 2011 года стартовало старообрядческое интернет-радио «Голос веры» [17], созданное по инициативе прихожан из Санкт-Петербурга и Новосибирска, где освещаются новости епархий, публикуются проповеди, проводятся онлайн-богослужения и интервью со священниками, учеными и общественными деятелями. К сожалению, собственные онлайн-платформы дальневосточных старообрядцев в ходе исследования обнаружены не были.

Старообрядчество в России активно использует интернет-ресурсы для образовательной, просветительской и катехизаторской деятельности. Дальневосточные старообрядцы, за исключением старообрядцев-семейских, не используют интерактивно-познавательные ресурсы для информационной и коммуникативной деятельности. Развитие присутствия семейских в киберпространстве осуществляется благодаря государственной поддержке через музеев и образовательный институт.

Заключение

Современное старообрядчество в России адекватно реагирует на актуальные вызовы, включая цифровизацию. Оно положительно оценивает исполь-

зование интернета для созидательной деятельности, однако не может существовать только как киберрелигия. Старообрядцы применяют интернет для поддержки традиционной церкви, но консервативные взгляды не допускают проведения исповеди и таинств в онлайн-формате; все церковные действия предполагают личное общение верующего и священника.

Старообрядческие социальные сети не служат для общения, публикации не вызывают откликов, а выполняют лишь информационную и образовательную функции. Недостаточное присутствие дальневосточного старообрядчества в интернете связано, по нашему мнению, с возрастными трудностями прихожан и преобладанием сельского населения, что усложняет доступ к цифровым технологиям. Старообрядцы не ведут активной миссионерской деятельности, полагая, что истинно желающие найти веру сами обратятся к старообрядчеству. Образование и информирование происходят на богослужениях и личных встречах со священниками. Молодежь, активно использующая интернет, не спешит принимать старообрядчество из-за его строгих требований. В итоге, дальневосточное старообрядчество не полностью использует возможности киберпространства.

Старообрядчество России активно представлено в интернете, особенно в некоторых регионах, таких как Новосибирск и Алтай, однако дальневосточное старообрядчество имеет ограниченное присутствие в сети – в основном это Забайкалье и Бурятия, где информация о старообрядцах «семейских» размещается на различных платформах. Интернет используется главным образом для передачи новостей и культурной информации, без онлайн-богослужений и интерактивных элементов.

Список литературы

1. Потеряева Н. Администратор сайта «Современное Древлеправославие» А. Писаревский: «Надеюсь с Божьей помощью создать нормальный христианский старообрядческий сайт» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/178478.html> (Дата обращения: 02.02.2025).
2. Переселение соотечественников – старообрядцев на Дальний Восток [Электронный ресурс] // Сайт «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики». // URL: <http://navostok.info> (Дата обращения: 03.02.2025).
3. Семейские РФ [Электронный ресурс] // Координационный центр по культуре семейских старообрядцев. // URL: <https://xn--e1aaeglg2be.xn--p1ai/index/novosti/itogi-raboty-i-zentra-v-2024-godu> (Дата обращения: 03.02.2025).
4. Центр народного творчества Бурятии [Электронный ресурс] // URL: <https://rutube.ru/channel/3834158/videos/> (Дата обращения: 03.02.2025).
5. Helland C. Ritual // Digital Religion. Understanding Religious Practice in New Media Worlds. New York; London: Routledge, 2013. P. 25-40.
6. Русская Православная Старообрядческая Церковь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московской митрополии. // URL: <https://rpsc.ru/> (Дата обращения: 02.02.2025).
7. Семейские – староверы Забайкалья [Электронный ресурс] // URL: <https://www.semeyskie.ru/> (Дата обращения: 03.02.2024).
8. «Староверы мира! Семейские» — страничка семейских Забайкалья // URL: <https://vk.com/semeyskie03> (Дата обращения: 03.02.2025).
9. Старообрядцы-«семейские» Забайкалья [Электронный ресурс] // URL: <https://vk.com/club5146345> (Дата обращения: 03.01.2025).
10. Староверы Семейские [Электронный ресурс] // URL: <https://ok.ru/group/52372070989908> (Дата обращения: 03.02.2025).
11. Древлеправославные семейские [Электронный ресурс] // URL: <https://ok.ru/group/52492654870694> (Дата обращения: 02.02.2025).
12. Два президентских гранта — в помощь старообрядческой культурной деятельности [Электронный ресурс] // Русская Православная Старообрядческая Церковь: Официальный сайт Московской митрополии. // URL: <https://rpsc.ru/news/mitropoliya/grant-mitropolii-2024/> (Дата обращения: 02.02.2025).
13. Старообрядчество РФ [Электронный ресурс] // Интернет-журнал. // URL: <https://mitropoliya.livejournal.com/> (Дата обращения: 03.02.2025).
14. Старообрядческая Мысль [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/@staroveru5070> (Дата обращения: 03.02.2025).
15. Музей старообрядцев Забайкалья с. Тарбатарай. В гостях у семейских // URL: <https://www.youtube.com/@user-nb3qb7fe2t> (Дата обращения: 02.02.2025).
16. Посвятим воскресный день Богу [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/@user-zc5zobeg5n> (Дата обращения: 02.02.2025).
17. Старообрядческое интернет-радио «Голос веры» [Электронный ресурс] // URL: <https://golosveri.ru> (Дата обращения: 03.02.2025).

References

1. Poteryaeva N. Administrator of the site "Modern Old Orthodoxy" A. Pisarevsky: "I hope with God's help to create a normal Christian Old Believer site" // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/178478.html> (02.02.2025).
2. Resettlement of compatriots - Old Believers to the Far East // Website "Corporation for the Development of the Far East and the Arctic". // URL: <http://navostok.info> (03.02.2025).
3. Semey RF // Coordination Center for the Culture of Semey Old Believers. // URL: <https://xn--e1aaalegl2be.xn--p1ai/index/novosti/itogi-raboty-i-czentra-v-2024-godu> (03.02.2025).
4. Center of Folk Art of Buryatia // URL: <https://rutube.ru/channel/3834158/videos/> (03.02.2025).
5. Helland C. Ritual // Digital Religion. Understanding Religious Practice in New Media Worlds. New York; London: Routledge, 2013. P. 25-40.
6. Russian Orthodox Old Believer Church // Official website of the Moscow Metropolitanate. // URL: <https://rpsc.ru/> (02.02.2025).
7. Semeyskie - Old Believers of Transbaikalia // URL: <https://www.semeyskie.ru/> (03.02.2024).
8. "Old Believers of the World! "Semeyskie" — page of the Semeyskie of Transbaikalia // URL: <https://vk.com/semeyskie03> (02.03.2025).
9. Old Believers-"Semeyskie" of Transbaikalia // URL: <https://vk.com/club5146345> (01.03.2025).
10. Old Believers Semey // URL: <https://ok.ru/group/52372070989908> (02.03.2025).
11. Old Orthodox Semey // URL: <https://ok.ru/group/52492654870694> (02.02.2025).
12. Two presidential grants — to help Old Believer cultural activities // Russian Orthodox Old Believer Church: Official website of the Moscow Metropolitanate. // URL: <https://rpsc.ru/news/mitropoliya/grant-mitropolii-2024/> (02.02.2025).
13. Old Believers of the Russian Federation // Internet magazine. // URL: <https://mitropoliya.livejournal.com/> (03.02.2025).
14. Old Believer Thought // URL: <https://www.youtube.com/@starove.ru--staroveru5070> (03.02.2025).
15. Museum of Old Believers of Transbaikalia, Tarbagatai village. Visiting the Semeyskie // URL: <https://www.youtube.com/@user-nb3qb7fe2t> (02.02.2025).
16. Let us dedicate Sunday to God // URL: <https://www.youtube.com/@user-zc5zo6eg5n> (02.02.2025).
17. Old Believer Internet radio "Voice of Faith" // URL: <https://golosveri.ru> (03.02.2025).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTURAL STUDIES

Петрова С.И.

Кандидат культурологии, доцент.

Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Жидяева Е.С.

Кандидат социологических наук, доцент.

Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

О взаимосвязи философии и культуры*

Аннотация. Философский взгляд позволяет увидеть культуру в предельно широкой перспективе - как специфически человеческий способ бытия, систему надбиологических программ деятельности, поведения и общения. Философия ставит вопросы о сущности и смысле культуры, ее генезисе, структуре, динамике, функциях в жизни человека и общества. Она выявляет наиболее общие закономерности и механизмы культурного творчества и трансляции культурного опыта. В статье показывается, что союз философии и культуры необходим для целостного и всестороннего постижения многогранного универсума культуры во всем богатстве его проявлений - от повседневных практик до высших достижений человеческого духа. Опираясь на философский базис, культурология как интегральная наука углубляется в более детальный анализ конкретных культурных форм, практик, институций в синхроническом и диахроническом измерении. Она привлекает данные истории, антропологии, психологии, социологии, искусствоведения и других дисциплин для всестороннего описания культурных феноменов.

Ключевые слова: философия, культура, античность, взаимодействие, культурология, наука, человек.

Petrova S.I.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor.

Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar.

Zhidyayeva E.S.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,

Academy of Marketing and Social Information Technologies, Krasnodar.

On the relationship between philosophy and culture

Abstract. The philosophical view allows us to see culture in an extremely broad perspective - as a specifically human way of being, a system of supra-biological programs of activity, behavior and communication. Philosophy raises questions about the essence and meaning of culture, its genesis, structure, dynamics, and functions in human and social life. It identifies the most common patterns and mechanisms of cultural creativity and translation of cultural experience. The article shows that the union of philosophy and culture is necessary for a holistic and comprehensive

* © Петрова С.И., Жидяева Е.С., 2025.

О взаимосвязи философии и культуры

understanding of the multifaceted universe of culture in all its richness of manifestations - from everyday practices to the highest achievements of the human spirit. Based on a philosophical basis, cultural studies as an integral science delves into a more detailed analysis of specific cultural forms, practices, institutions in a synchronic and diachronic dimension. It draws on data from history, anthropology, psychology, sociology, art history, and other disciplines to comprehensively describe cultural phenomena.

Key words: philosophy, culture, antiquity, interaction, cultural studies, science, man.

Идея о том, что культура и философия тесно взаимосвязаны, уходит своими корнями во времена античных мыслителей. Однако в ту эпоху понятие культуры трактовалось несколько иначе, чем в наши дни. Античные философы воспринимали культуру, прежде всего, как феномен духовной жизни, как некое свойство, присущее человеческой душе. Именно культура души была тем водоразделом, который отличал образованных, просвещенных людей от невежественных варваров. Обладание внутренней культурой рассматривалось как признак развитого ума и благородства духа. Ярким примером такого понимания связи культуры и философии служит убеждение римского оратора и мыслителя Цицерона. В своих трудах Цицерон неоднократно подчеркивал, важность для каждого человека возвращать в себе культуру души [7, с. 252]. Причем культивирование этого внутреннего богатства Цицерон приравнивал непосредственно к занятиям философией. Иными словами, в его представлении, совершенствование души через приобщение к мудрости и было сутью культурного развития личности. Таким образом, уже в античную эпоху сформировалось представление о неразрывной связи философии и культуры. Последняя мыслилась не столько как набор внешних признаков, сколько как глубинное духовное измерение человеческого бытия.

Философия задает общие концеп-

туальные рамки, методологию и мировоззренческие основания для культурологического знания. Философия культуры как раздел философии разрабатывает фундаментальные вопросы о природе и сущности культуры, ее генезисе, структуре, функциях, закономерностях развития. Она выявляет онтологические, гносеологические, аксиологические аспекты бытия культуры, ее место в системе «человек-мир». Опираясь на этот философский базис, культурология как интегральная наука углубляется в более детальный анализ конкретных культурных форм, практик, институций в синхроническом и диахроническом измерении. Она привлекает данные истории, антропологии, психологии, социологии, искусствоведения и других дисциплин для всестороннего описания культурных феноменов. При этом культурология не только пользуется готовыми философскими схемами, но и сама «подпитывает» философию культуры эмпирическим и теоретическим материалом, ставит перед ней новые вопросы и проблемы. Происходит постоянный обмен идеями и взаимообогащение этих двух областей знания. Кроме того, философская рефлексия пронизывает все уровни культурологии - и фактологический (сбор и систематизация данных), и теоретический (построение моделей и концепций), и прикладной (диагностика и регуляция актуальных культурных процессов). Она придает культурологи-

ческим исследованиям большую глубину, масштабность и мировоззренческую значимость. Таким образом, союз философии и культурологии необходим для целостного и всестороннего постижения многогранного универсума культуры во всем богатстве его проявлений - от повседневных практик до высших достижений человеческого духа. Этот междисциплинарный синтез открывает новые перспективы как для теории, так и для практики современного социокультурного знания.

Безусловно, философия культуры играет ключевую интегрирующую и методологическую роль в комплексе культурологических дисциплин. Она задает самые общие принципы, категории и подходы к пониманию феномена культуры, которые затем находят более конкретное применение в различных областях изучения культуры. Философский взгляд позволяет увидеть культуру в предельно широкой перспективе - как специфически человеческий способ бытия, систему надбиологических программ деятельности, поведения и общения. Философия ставит вопросы о сущности и смысле культуры, ее генезисе, структуре, динамике, функциях в жизни человека и общества. Она выявляет наиболее общие закономерности и механизмы культурного творчества и трансляции культурного опыта. Разрабатываемые в философии культуры концептуальные модели (например, деятельностьная, семиотическая, игровая, диалогическая концепции культуры) становятся теоретико-методологической основой для более специализированных культурологических исследований - исторических, социологических, антропологических, лингвистических и т.д. При этом философия сохраняет более высокий уровень абстрактности и обобщенности.

Философский анализ также позволяет выявить глубинные взаимосвязи культуры с другими фундаментальными измерениями человеческого бытия - природой, обществом, личностью, познанием, ценностями, смыслами. Это дает возможность понять культуру как целостный феномен в многообразии ее проявлений и функций. Важно отметить, что влияние философии культуры выходит за рамки собственно гуманитарного знания. Ее идеи оказывают воздействие на мировоззрение эпохи в целом, на доминирующие стили мышления, на практику социального управления и культурной политики. Философская рефлексия над культурой становится неотъемлемой частью самой культуры. При этом философия культуры не претендует на роль готовой объяснительной схемы. Скорее она задает общие ориентиры и перспективы понимания, открытые для творческого развития, диалога и взаимодополнения с другими подходами. В этом плане она выступает как своего рода «метатеория» культуры, интегрирующая различные концептуальные модели. Поэтому представляется справедливым утверждение, что только философия культуры способна ухватить феномен культуры в его подлинной целостности и многомерности, не редуцируя его к отдельным аспектам. Она дает наиболее общий и фундаментальный взгляд на культуру как уникальную человеческую реальность, пронизывающую все формы индивидуальной и социальной жизни.

В своей знаменитой статье «Понятие культуры: Критический обзор концепций и дефиниций» американские антропологи Альфред Кребер и Клайд Клакхон провели масштабный анализ огромного массива определений культуры, накопленных гуманитарными на-

уками к середине XX века. Они выделили шесть основных типов дефиниций:

1. Описательные - определяющие культуру через перечисление ее компонентов (обычаи, верования, традиции и т.д.).

2. Исторические - акцентирующие роль социального наследования, традиции в существовании культуры.

3. Нормативные - рассматривающие культуру как совокупность норм, правил, идеалов, регулирующих поведение.

4. Психологические - видящие в культуре особый способ адаптации человека к среде, удовлетворения его потребностей.

5. Структурные - описывающие культуру как системное целое, элементы которого функционально связаны.

6. Генетические - объясняющие происхождение культуры, ее связь с человеческой деятельностью [9].

Тем самым А. Кребер и К. Клакхон убедительно продемонстрировали, что культура - чрезвычайно сложное и многоаспектное явление, которое невозможно исчерпывающе определить в рамках какой-то одной дефиниции. Различные подходы высвечивают те или иные грани этого феномена. Описательные определения фиксируют наблюдаемые проявления культуры, исторические - ее преемственность, психологические - роль в человеческой жизни и т.д. Каждое из этих определений, взятое по отдельности, неизбежно оказывается неполным и односторонним. Для понимания культуры во всей ее полноте нужен комплексный междисциплинарный подход, учитывающий и интегрирующий достижения философии, культурологии, антропологии, социологии, истории и других наук. Именно такой синтетический взгляд на культуру утвердился в науке второй половины XX века во

многом благодаря работе А. Кребера и К. Клакхона.

Следует отметить тесную взаимосвязь и взаимообусловленность индивидуальной творческой активности человека и объективных форм культуры. Любая культура развивается и обогащается благодаря уникальному экзистенциальному опыту конкретных личностей, их способности выходить за рамки устоявшихся норм и традиций, генерировать новые смыслы и ценности. В то же время, эта индивидуальная активность всегда так или иначе укоренена в определенном культурном контексте, обусловлена теми концептуальными и ценностными рамками, которые задает конкретная культурно-историческая среда. Даже самые радикальные новаторы в искусстве, философии, науке неизбежно опираются на некие предзаданные культурные основания, вступают в диалог с предшествующей традицией. Таким образом, культура и экзистенция человека находятся в состоянии постоянного динамического взаимодействия и взаимопроникновения. Объективные культурные формы рождаются из глубин индивидуального опыта, но и сам этот опыт всегда *kulturgeprägt*, «окрашен» теми смысловыми структурами, которые индивид усваивает из своего социокультурного окружения. Поэтому, следует согласиться с тем, что любые попытки «беспристрастно-объективистского» анализа культуры, игнорирующие ее экзистенциальное измерение, ее укорененность в жизненном мире человека, неизбежно будут неполными и ограниченными. Для адекватного понимания культуры необходимо учитывать оба полюса - и объективированные культурные формы, и субъективный опыт индивидов, в творческом усилии которых эти формы создаются и воспроизводятся [1, с. 256].

Феноменологический и герменевтический подходы при исследовании культурной динамики позволяют учесть как объективное, надындивидуальное измерение культурных смыслов, так и их творческое преломление в горизонте понимания конкретного интерпретирующего субъекта. С феноменологической точки зрения, культура предстает как система объективных значений, своего рода «жизненный мир» (*Lebenswelt*), в котором укоренено наше сознание и который задает интенциональную направленность нашего опыта. Эти значения не произвольны, но обладают своей имманентной предметной логикой, раскрывающейся в процессе феноменологического анализа. В то же время, феноменология подчеркивает фундаментальную роль субъекта как «функционирующего Я», конституирующего смысл в актах интенционального синтеза. Герменевтика, в свою очередь, делает акцент на историчности понимания, его обусловленности традицией и культурно-языковым контекстом интерпретатора. Смысл текста или феномена культуры не задан раз и навсегда, но раскрывается лишь в диалоге, в котором сталкиваются разные исторические горизонты - автора и читателя, традиции и современности. Понимание оказывается творческим освоением иного, «слиянием горизонтов», ведущим к обогащению и трансформации исходных смысловых структур.

Таким образом, феноменолого-герменевтический анализ культуры позволяет понять ее динамику как живой процесс смыслопорождения, в котором объективные значения постоянно переосмысляются и актуализируются в экзистенциальном опыте познающего и действующего субъекта. Культура предстает здесь не как застывшая

система норм и образцов, но как открытое поле интерпретации, приглашающее к творческому диалогу. Феноменология и герменевтика снимают позитивистскую ограниченность узко эмпирического подхода к культуре и ее истории. Они возвращают культурологическому знанию философскую глубину и масштабность, позволяют раскрыть онтологический статус культурных феноменов как бытийствующих смыслов, конституируемых трансцендентальной субъективностью и постигаемых в акте интерпретации. В рамках феноменологической герменевтики культура предстает уже не просто как сумма социальных практик или продуктов деятельности, но как символическая реальность, пронизанная интенциональными связями и требующая творческого понимающего усвоения. Историчность культуры раскрывается не через внешнюю хронологию событий, но через внутреннюю логику смыслообразования, диалектику традиции и интерпретации. При этом философский анализ культуры не подменяет, но дополняет и обогащает конкретно-научные исследования, задавая для них общие мировоззренческие и методологические рамки. Он позволяет связать разрозненные факты в целостную картину, высветить в многообразии явлений фундаментальные структуры и закономерности культурного бытия как способа экзистенции человека в мире смыслов.

Философия является важнейшим элементом культуры, который позволяет осмыслить ее глубинные основания, ценностно-смысловое ядро. Философия выступает своего рода «отражением культуры», в котором запечатлены ее базовые мировоззренческие установки, идеалы, представления о мире и человеке [6, с. 33]. В отличие от част-

ных наук, которые исследуют отдельные фрагменты реальности, философия стремится дать целостный образ мира, понять место и роль человека в нем. Она задается «пределными вопросами» о сущности бытия, границах познания, природе сознания, источниках нравственности, смысле истории и т.д. Пытаясь ответить на эти вопросы, философия формирует систему мировоззренческих ориентиров, которые направляют развитие культуры. При этом философия не просто пассивно отражает культуру, но и активно участвует в ее формировании. Философские идеи и концепции становятся катализатором культурных инноваций, задают вектор духовных исканий целых эпох. Достаточно вспомнить, какое колоссальное влияние на европейскую культуру оказали идеи Просвещения, немецкой классической философии, марксизма, экзистенциализма и т.д. Одновременно философия выполняет критически-рефлексивную функцию по отношению к культуре. Она подвергает рациональному анализу глубинные основания культурного опыта, вскрывает его противоречия и проблемы, намечает новые перспективы развития. В этом смысле философия является своеобразным «самосознанием культуры», позволяющим ей осмыслить собственные пределы и исторически меняющиеся формы. Наконец, философия обеспечивает диалог между различными сферами культуры - наукой, искусством, религией, политикой, правом и т.д. Она предлагает общий язык для их взаимодействия, выявляет точки пересечения и концептуальные связи между ними. Тем самым философия способствует интеграции культуры, не позволяя ей распасться на изолированные фрагменты. Таким образом, философия является не просто одним из элементов

культуры наряду с другими, но ее рефлексивным стержнем, скрепляющим ее изнутри. Она задает мировоззренческие рамки культурного творчества, служит индикатором его проблем и противоречий, намечает пути их разрешения. Без развитой философской традиции культура утрачивает способность к саморефлексии и самообновлению, оказывается незащищенной перед лицом внешних и внутренних вызовов.

В заключение отметим, что в XIX веке под влиянием позитивистских и сциентистских тенденций произошла своего рода «атомизация» культуры и ее философского осмысления. Целостный взгляд на культуру как органическую систему, характерный для романтиков и философов-идеалистов начала века, постепенно сменяется аналитическим подходом, стремлением расчленить ее на отдельные составляющие. Этому способствовало бурное развитие конкретных социально-гуманитарных дисциплин - истории, антропологии, языкознания, искусствоведения и т.д. Каждая из них сосредоточилась на изучении специфического среза культурной реальности, используя собственные методы и подходы. Представление о культуре как целостности распадается на множество частных ракурсов и интерпретаций. Одновременно внутри самой философии происходит выделение философии культуры (культурфилософии) как особой области знания: «...сейчас становится все более ясной тотальность изменений социокультурной сферы бытия» [3, с. 386]. Если ранее проблемы культуры растворялись в общепhilosophических построениях, то теперь они становятся предметом специального анализа. Усилиями таких мыслителей как В. Дильтей [2], Г. Риккерт [3], Э. Кассирер [4], О. Шпенглер [8] и др., философия культуры оформляется

в самостоятельную философскую субдисциплину со своей проблематикой и концептуальным аппаратом. С одной стороны, автономизация философии культуры позволила глубже проанализировать специфику культуры как уникальной человеческой реальности, выявить ее базовые закономерности и механизмы. С другой стороны, это привело к определенному разрыву с общепhilosophической традицией, сужению предметного поля. Осмысление культуры перестало быть делом философии как таковой, а закрепилось за одной из ее частных ветвей. В дальнейшем эта тенденция продолжилась. Возникает множество школ и направлений в понимании культуры - неокантианство, философия жизни, феноменология, структурализм, герменевтика и т.д. Каждое из них предлагает свою модель культуры, свой категориальный аппарат и методологию. Целостный образ культуры окончательно расщепляется на спектр концептуальных проекций и интерпретаций. Вместе с тем, во второй половине двадцатого века обозначилось и встречное движение - стремление вернуть философии культуры общекультурный масштаб, воссоздать холистический взгляд на мир культуры. Это выразилось в появлении таких синтетических концепций как философская антропология, интегральный традиционализм, универсальная прагматика и т.д. Дальнейшее развитие культурфилософии, вероятно, будет связано с диалектикой аналитических и синтетических стратегий.

Список литературы

1. Губман Б.Л. Современная философия культуры. – Москва: РОССПЭН, 2005. 535 с.
2. Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. – Москва; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 462 с.
3. Кagan M.C. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. 414 с.

4. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. – Москва: Гардарика, 1998. 779 с.
5. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – Москва: Республика, 1998. 410 с.
6. Туrowsкий М.Б. Философские основания культурологии. – Москва: Росспэн, 1997. 437 с.
7. Цицерон М.Т. Избранные сочинения: пер. с латин. – Москва: Худож. лит., 1975. 454 с.
8. Шпенглер О. Закат Европы. – Москва: Искусство, 1993. 298 с.
9. Kroeber A.L., Kluckhohn A. Cretical Review of Concept and Definitions. Harvard Univ. 1952.

References

1. Gubman B.L. Modern Philosophy of Culture. – Moscow: ROSSPEN, 2005. 535 p.
2. Dilthey V. Worldview and Study of Man since the Renaissance and Reformation. – Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2013. 462 p.
3. Kagan M.S. Philosophy of Culture. – St. Petersburg: Petropolis, 1996. 414 p.
4. Cassirer E. Selected Works. An Essay on Man. Introduction to the Philosophy of Human Culture. – Moscow: Gardarika, 1998. 779 p.
5. Rickert G. Natural Sciences and Cultural Sciences. – Moscow: Respublika, 1998. 410 p.
6. Turovsky M.B. Philosophical Foundations of Cultural Studies. – Moscow: Rosspen, 1997. 437 p.
7. Cicero M.T. Selected Works: trans. from Latin. – Moscow: Art. Literature, 1975. 454 p.
8. Spengler O. The Decline of the West. – Moscow: Art, 1993. 298 p.
9. Kroeber A.L., Kluckhohn A. Cretical Review of Concept and Definitions. Harvard Univ. 1952.

Зинатуллин Р.Ф.

Саратовское высшее артиллерийское командное училище, начальник кафедры тактики и боевой работы, кандидат военных наук, полковник, г. Саратов. ORCID: 0009-0009-4904-6193

Барсуков Р.Р.

Саратовское высшее артиллерийское командное училище.
Преподаватель кафедры тактики и боевой работы, майор, г. Саратов. ORCID: 0009-0008-1008-9471

Федорчукова Л.А.

Саратовское высшее артиллерийское командное училище.
Лаборант кафедры тактики и боевой работы, г. Саратов. ORCID: 0000-0003-0507-9371

Песни периодов ВОВ и СВО: сравнительный анализ*

Аннотация. Во «Введении», исходя из названия, формулируется цель, основные задачи и методология исследования. «Теоретическая часть» содержит последовательный анализ песенного материала ВОВ и СВО и основные отличия, созданных в указанные периоды произведений. В «Заключении и выводах» подводятся итоги исследования, выявляющие ценностные отличия в менталитете человека двух периодов истории. К которым относятся коллективизм и индивидуализм, готовность жертвовать собой и стремление к сохранению собственной жизни, а также профессионализм и дилетантизм, повлекшие за собой качественную дифференциацию произведений периода СВО. Отмечается факт, что наиболее качественными оказались произведения, в той или иной степени связанные с отечественной традицией военной песни.

Ключевые слова: военная песня, форма, содержание, менталитет, ценности, качество произведения, традиция, дифференциация.

Zinatullin R.F.

Saratov Higher Artillery Command School. Head of the Department of Tactics and Combat Work, Candidate of Military Science, The Colonel, Saratov.

Barsukov R.R.

Major. Saratov Higher Artillery Command School. Lecturer of the Department of Tactics and Combat Work, Saratov.

Fedorchukova L.A.

Saratov Higher Artillery Command School. Assistant of the Department of Tactics and Combat Work, Saratov.

**Songs from the periods of the Great Patriotic War
and the special military operation: a comparative analysis**

* © Зинатуллин Р.Ф., Барсуков Р.Р., Федорчукова Л.А., 2025.
Песни периодов ВОВ и СВО: сравнительный анализ

Abstract. In the introduction, based on the title, the purpose of the work, its main objectives and research methodology are formulated. The theoretical part contains a consistent analysis of the song material of the Great Patriotic War and the Special Military Operation and the main differences between the works created in these different periods. The conclusion summarizes the results of the study, revealing the value differences in the mentality of a person from the two periods. These are collectivism and individualism, the willingness to sacrifice oneself and the desire to preserve one's own life, as well as professionalism and amateurism, which led to a qualitative differentiation of the works of the period of the Special Military Operation. It is noted that the works of the highest quality turned out to be more or less related to the national tradition of military song.

Key words: military song, form, content, mentality, values, quality of the work, tradition, differentiation.

Введение

Как явствует из названия, целью данного исследования является проведение сравнительного анализа двух периодов нашей истории: Великой Отечественной войны и Специальной военной операции. Промежуточным звеном является совокупность произведений периода войны в Афганистане. Песни как бы накладываются одна на другую так, что порой невозможно разобраться, о какой войне идет речь. «Афганский след» остается и, в современном исполнении, обретает новую жизнь, являясь исторической и идеологической основой СВО.

Вообще такой материал является чрезвычайно интересным для изучения, поскольку отражает исторические трансформации менталитета не только военнослужащих, но также и гражданских лиц. Как всякое произведение искусства песня может быть исследована со стороны формы и содержания. В этой связи логичным представляется решение следующих задач:

1. Анализ формальной стилистики (особенности подачи материала, исполнения и т.п.)

2. Исследование смыслового, семантического наполнения произведения.

3. Сравнительный анализ песенного материала двух отмеченных исторических периодов.

4. Критический анализ произведений современных авторов.

Основой исследования является эмпирический материал, почерпнутый из ряда источников. Прежде всего, это информация, содержащаяся в радиопередачах («Наше радио», радио «Комсомольская правда», радио «Маяк»), а также в ряде интернет-источников. Конечно, произведенная авторами выборка не способна отразить всего многообразия песен военных лет, но в итоге позволит создать некую многомерную картину и решить поставленные выше задачи. Из множества источников хотелось бы выделить книгу Андрея Сергеева «OMNIBUS. Роман, рассказы, воспоминания», содержащую значительное количество текстуального материала, в том числе фольклорного, сформировавшегося в народной среде в различные годы существования СССР. Проблема в том, что далеко не всё из этого можно печатать в научной литературе [1]. Народ часто шутит «ниже пояса», как мог бы сказать М.М. Бахтин, выстраивает свои тексты на основе представлений о значимости телесного низа.

Теоретическая часть

Вероятно, предваряя анализ песен периода ВОВ, следует упомянуть одну веселую и бравую вещь, написанную еще в 1939 г. и отражающую время боев

на Халхин-Голе. Это песня «Три танкиста, три веселых друга», полюбившаяся всем и имевшая огромную популярность: «И летели наземь самураи под напором стали и огня». Кстати, этот экипаж в действительности существовал и принимал активное и эффективное участие в боевых действиях.

Анализ же собственно песен периода ВОВ следует, на наш взгляд, начать с произведения, ознаменовавшего самое начало данного трагического периода. Конечно, это «Вставай, страна огромная» (1941 г.). Песня прекрасно сбалансирована и по музыке, и по тексту. И хотя в ней содержится определенный патетический момент, она действительно как бы наплывает на слушателя мощной волной праведного народного гнева.

Любопытно, но в песнях Великой Отечественной войны нет никакого личного трагизма, никакого надрыва. Когда Марк Бернес исполняет (блестяще исполняет) «Темную ночь», его интонации спокойны и уверенны: «Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи». Вот, собственно, и все: «не раз встречались» ... Остальное пространство отдается лирике, тоске по дому, любимой, сидящей неуспынно у детской кровати.

В песне «Землянка» о войне догадываешься практически только по тому, что действие происходит, если так можно выразиться, именно в данном заглубленном убежище. И все те же спокойные и нежные интонации: «Я хочу, чтобы слышала ты, как тоскует мой голос живой». И то же спокойное отношение к смерти, точнее, к возможности собственной смерти: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага».

Еще интересным моментом является то, что многие песни любимые в рассматриваемый период имеют как

бы косвенное отношение к боевым действиям. Например, в песне «Смуглянка» дважды упоминается некий молдаванский партизанский отряд. Вот, собственно, и все. А сама песня-то, по сути, не о войне, а о влюбленности. Вспомним: там и про зорьки вешние над рекой, и про встречу в отряде: «Здравствуй, парень, мой хороший, мой родной». Да и по мотиву это какая-то молдавская плясовая, веселая, никак не соответствующая представлениям о реалиях военного времени.

Да и любимая всеми «Катюша» имеет к войне весьма опосредованное отношение. Ну, вышла девушка на высокий крутой берег, завела песню «Про того, которого любила, про того, чьи письма берегла». Возможно, вся эта лирика служила компенсацией сурового военного быта, но об этом в наше время можно только догадываться. Впрочем, невозможно отрицать и наличие чистой и подлинной любви на войне.

Есть варианты еще более веселые и оптимистичные, например, «С неба звездочка упала». Есть еще не вполне приличное продолжение, что она упала «прямо Гитлеру на нос» (второй вариант «милому в штаны»), но мы не будем их воспроизводить в полном виде. Или перепетая в наше время Сергеем Чиграковым («Чижом») «На честном слове и на одном крыле». И стилистика в стиле «кантри», выбранная названным исполнителем, как нельзя кстати ей подходит.

Подводя некоторые итоги, необходимо сделать практически парадоксальный вывод о том, что в песнях периода Великой Отечественной войны практически нет самой войны. Есть констатация любви к близким, к семье и детям, тоска от пространственного отрыва от них, желание встретиться. То есть все, что угодно, но не война как таковая.

Как уже было сказано, вероятно таким образом, посредством песен осуществлялась компенсация тяжелого военного быта.

И еще следует подчеркнуть один момент: чем дальше война уходила в прошлое, тем больше становилось переделок текстов военных песен, порой издевательских, порой просто пошлых. Переделывали «Землянку», но более всего от народных «поэтов» досталось «Смуглянке», текст которой переделывался несколько раз, и всякий раз в него вкладывались смыслы, которые просто стыдно фиксировать в научном исследовании. Так советский народ в период «перестройки» стремился дистанцироваться от страшных реалий войны, от прошлого, а, фактически, от собственной исторической памяти. Как точно сформулировали составители книги воспоминаний ветеранов «Суровая правда войны»: «К большому сожалению в нашем обществе еще существуют Иваны, не помнящие родства, которые осуждают кровью завоеванную Победу, поют с чужого голоса» [2, С. 3]. Память вернулась только в настоящее время, когда уцелевших ветеранов стали окружать славой и почетом.

Плавню переходя к анализу творчества поэтов-песенников периода СВО, следует, прежде всего, отметить, что современных песен о войне в разы больше и они имеют совершенно иной характер. Во многих из них царит какой-то сумбур из слов и образов, как будто авторы еще не могут подобрать точных определений и четко выразить собственную мысль.

Песни периода афганской войны содержат более четкие формулировки. Приведем только несколько примеров, поскольку подробное изучение данного наследия (весьма обширного) не входит в зафиксированные во «введении»

задачи. Примеры песен интересны тем, что они не относятся к собственно «афганскому» наследию. Это не те вещи, которые в свое время исполняли «Голубые береты», но это произведения, исполненные профессионалами и нашедшие отклик в душах многих поколений бойцов. Почему именно такой подход важен для нас? Потому что он позволяет ответить на вопрос «как передается культурная традиция?». А передается она, как ни странно, через стилизацию. Новые поколения, поначалу не ощущают всей глубины полученного культурного наследия, но с течением времени понимают его все полнее и полнее. Опять же, как ни странно, в стилизации под традицию афганской песни «отличилась» группа «Сектор Газа».

Например, песня «Туман» (1995 г.), основной лейтмотив которой состоит в том, что отряд бойцов, среди которых есть раненые, должен пройти через облако тумана, окутавшее окрестности. В течении всего произведения красной нитью проходит идея уверенности советских¹ бойцов в своих силах: «Но мы пройдем опасный путь через туман» [11]. Или «Пора домой» [10] (1997 г.), ставшая гимном всех, кто готовился к дембелю.

Хотелось бы отметить песню «Бетонка», стилистически явно восходящую ко времени войны в Афганистане. Песня очень нежная и романтическая, что роднит ее с песнями времен ВОВ: «А помнишь, как гуляли мы с тобой улочкой со звездною оправой? Здесь же счет иной звезд, открытый мной через трафарет на дверце правой» [4]. К сожалению, в свое время эту песню исполнял запрещенный в РФ украинский

¹ Понятие «советских» в данном случае отражает общий колорит, а не реальность, поскольку в реальности Афганистан был оставлен в 1988 году.

певец Захар Май. Запрещенный, кстати, совершенно справедливо, за откровенно экстремистский текст другой песни. Так «Бетонка» исчезла из массового оборота ...

Если говорить о совсем современном творчестве, то в качестве примеров музыки и текстов высокого качества следует отметить творчество Джанго: «Даже если волком смотрит заря, даже если небо крестит огнем, даже если рукой до смерти подать, здесь наша земля, мы не уйдем» [8]. Совсем недавно певец вместе с С. Бобунцом выпустил еще одну пронзительную песню с названием «Звездный десант», в которой есть такая фраза: «Вечной юности звездный отряд» [7]. Процитированная строчка, плотно перекликающаяся с тем, что «герои остаются вечно молодыми, а подвиг – это песня молодых» [9]. Кстати, Джанго часто бывает в зоне СВО, выполняя еще и гуманитарную миссию, так что в данном конкретном случае поэт и гражданин органично сочетаются в одном человеке.

Творчество Юлии Чичериной не выглядит столь однозначно. С одной стороны, есть песня «Когда закончится война» [14], и к ней никаких претензий нет, как нет и к созданному в тандеме С. Бобунцом треку «Мой Сталинград» [16]. С другой стороны, есть «Русский лес» [15] и здесь возникают определенные вопросы. Точнее, создается впечатление, что автор решила вместить в текст все, в том числе и откровенно несовместимые вещи. Благодаря этому песня получилась довольно «рыхлой». Здесь и собственно русский лес, по каким-то причинам называемый «зодчим и творцом», здесь и Донбасс, который как-то сочетается со Сталинградом (кстати, по каким причинам?), и посадка елей и дубов, и еще много чего. И есть ли вообще основания писать та-

кую длинную и неуклюжую вещь? Ну, к слову сказать, автор также как Джанго, плотно работает с зоной СВО, за что ее можно уважать.

Еще одним интересным персонажем современного, если так можно выразиться «военного рока» является Иван Демьян. Его тексты часто сюрреалистичны, порой непонятны, построены на тонких ассоциациях. Интересный не похожий ни на кого и в то же время профессиональный вокал, сложные аранжировки. Пара примеров из текстов песен: «Сердце зашкалило в клетке, грудь устала от пуль» [6]; «Твой парашют раскуют стаи сдвинутых птиц» [5]. Демьян с группой «7Б» также давно и плотно «прирос» к пространству СВО, но движется в каком-то одному ему ведомом направлении.

Теперь о произведениях, которые каким-то образом либо предвосхитили СВО, либо оказались в ее орбите. Еще в 2014 г. Александр Ф. Скляр написал песню «Когда война на пороге». Несмотря на массу хвалебных отзывов во всемирной паутине, текст местами кажется каким-то курьезом. Проанализируем несколько строк: «Когда война на пороге, Появляются триста стрелков, А за ними миллионы, миллионы, Миллионы, миллионы, миллионы, миллионы - И каждый готов! [12]» Итак, откуда появляются триста стрелков и отчего их именно триста? Это неловкий отсыл к тремстам спартамцам? Из чего стреляют эти стрелки, из лука? Арбалета? Пальца? И откуда берутся появляющиеся вслед за ними несколько раз миллионы? Но, даже если отбросить эти вопросы, следует дать ответ на последний: к чему все эти люди (если это люди) готовы? Короче, можно ли подобное творчество воспринимать всерьез?

Отметился и Вадим Степанцов в песне «Панк/ я смотрю на курс €» (2023 г.),

в которой, с одной стороны «цепляется» тема СВО: «В каждой бьется зародыш войны. Я в страшном сне представить не мог, что мне украинец не брат» [13]. С другой стороны, данное положение как-то увязывается с тем, что «Панк либо сдыхает, либо становится краше». Здесь вопрос в том, что для панка хуже: сдохнуть или «стать краше»? По-видимому, все-таки, второе, поскольку став «краше» панк одновременно становится таким же нелепым, как хиппи-культурист. А вообще, смешивать войну, курс евро и заботу о внешности кажется неуместным и даже постыдным.

Наконец, группа «Casual» с композицией «Сквозь дым» (2017 г.) [3]. Ребята явно не страдают оптимизмом, отчего и песня получилась какой-то нервной: «Сквозь дым сигарет я видел, идет война. На памяти лет война со злом добра. Ничья не возьмет». Что тут можно сказать? Если нет веры в Победу остается только курить в стороне и переживать.

Заключение и выводы

Как было отмечено во Введении, исторические изменения военной песни отражают трансформации менталитета, основным компонентом которого является ценностная составляющая. В этой связи на основании уже проведенного анализа песенного материала можно сделать вывод о том, как менялся ценностный компонент, в конечном итоге как постепенно менялся человек, его сознание, его ценностные ориентации. Попробуем представить данный процесс через призму бинарных оппозиций.

Начнем с того, что коллективизм, характерный для сознания человека периода ВОВ, со временем сменился установкой на индивидуализм, в связи с чем стремление отдать жизнь за Родину было заменено стремлением к сохране-

нию собственной жизни. На материале военных песен периода ВОВ было продемонстрировано не то, чтобы презрение к смерти, но достаточно спокойное к ней отношение и, в то же время доминирование ценности семьи, коллектива, общества в целом.

При этом человек указанного периода характеризовался отсутствием коммерческого интереса. Идея служения стране являлась главным стимулятором любого рода деятельности. В период СВО произошла явная коммерциализация военной деятельности: очевидно, что далеко не все бойцы отправляются воевать по идейным соображениям.

Если в период ВОВ исполнением военных песен занимались профессионалы, обладающие соответствующими талантами и навыками, то в период СВО некоторые авторы и исполнители стали искать коммерческой выгоды от приобщения к «горячей» теме. В итоге это повлекло за собой, с одной стороны, скачкообразное увеличение массы произведений, а, с другой, их невооруженным глазом заметную качественную дифференциацию. Помимо качественной продукции пространство военной песни наполнилось произведениями, порой не выдерживающими никакой критики. Данный факт, по сути, означает, что исследование военной песни, особенно созданной в период СВО, имеет определенные перспективы и, безусловно, обладает очевидным правом на существование.

И еще один значимый для нас вывод. Как показало исследование, наиболее качественными оказались произведения, в той или иной мере связанные с отечественной песенной традицией, проходящей от песен периода ВОВ, через песни периода войны в Афганистане (которые до сих пор нуждаются в отдельном исследовании) к песням пе-

риода СВО. А реально последние созда-ет относительно небольшая группа лю-дей. Эта группа органично привязана к соответствующей пространственной локации, в рамках которой непосред-ственно происходят события, зачастую не отражающиеся даже в новостных лентах.

Список литературы

1. Сергеев А. OMNIBUS. Роман, рассказы, воспоминания / А. Сергеев – М.: Новое литературное обозрение, 1997. 548 с.
2. Суровая правда войны: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1994. 416 с.
3. Casual. Сквозь дым. // URL: <https://l-hit.com/ru/395685>
4. Бетонка. // URL: <https://tekstipesen.com/song.php?id=286503>
5. Демьян И. Некрещённая Луна. // URL: <https://tekst-pesni.online/7b-nekreshhyonaya-luna/>
6. Демьян И. По дорогам ветра. // URL: <https://tekst-pesni.online/7b-po-dorogam-vetra/>
7. Джанго и С. Бобунец. Звездный десант. // URL: https://txtsong.ru/sergej-bobunec/dzhango-sergey-bobunets-zvyozdnyy-otryad/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
8. Джанго. Мы не уйдем. // URL: <https://www.shazam.com/ru-ru/song/1619944266/my-ne-ujde>
9. Пахмутова А., Довронравов Н. Герои остаются молодыми. // URL: www.notarhiv.ru
10. Сектор Газа. Пора домой. // URL: <https://genius.com/Sektor-gaza-time-to-go-home-lyrics>
11. Сектор Газа. Туман. // URL: <https://stihi.ru/2014/12/05/10992>
12. Скляр А.Ф. Когда война на пороге. // URL: <https://www.shazam.com/song/1465227996/d0b-cd0b8d0bbd0bbd0b8d0bed0bdd18b-d0bad0bed0b3d0b4d0b0-d0b2d0bed0b9d0bdd0b0-d0bdd0b0-d0bfd0bed180d0bed0b3d0b5>
13. Степанцов В. Панк / я смотрю на курс €. // URL: https://t.me/stepantsov_z/3406
14. Чичерина Ю. Когда закончится война. // URL: <https://rutube.ru/video/c8373564564f1f5311ac972324189166/>
15. Чичерина Ю. Русский лес. // URL: <https://chicherina.info/album/russkij-les/>
16. Чичерина Ю., Бобунец С. Мой Сталинград. // URL: <https://www.nashe.ru/news/moj-stalingrad>

References

1. Sergeev A. OMNIBUS. Novel, stories, memories / A. Sergeev – M.: New literary review, 1997. 548 p.
2. The harsh truth of war: Memories of veterans of the Great Patriotic War. – Saratov: Privolzh. kn. publ., 1994. 416 p.
3. Casual. Through the smoke. // URL: <https://l-hit.com/ru/395685>
4. Concrete. // URL: <https://tekstipesen.com/song.php?id=286503>
5. Demyan I. Unbaptized Moon. // URL: <https://tekst-pesni.online/7b-nekreshhyonaya-luna/>
6. Demyan I. Along the roads of the wind. // URL: <https://>

- tekst-pesni.online/7b-po-dorogam-vetra/
7. Django and S. Bobunets. Starship Troopers. // URL: https://txtsong.ru/sergej-bobunec/dzhango-sergey-bobunets-zvyozdnyy-otryad/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
8. Django. We Will Not Leave. // URL: <https://www.shazam.com/ru-ru/song/1619944266/my-ne-ujde>
9. Pakhmutova A., Dovronravov N. Heroes Remain Young. // URL: www.notarhiv.ru
10. Sektor Gaza. Time to Go Home. // URL: <https://genius.com/Sektor-gaza-time-to-go-home-lyrics>
11. Sektor Gaza. Fog. // URL: <https://stihi.ru/2014/12/05/10992>
12. Sklyar A.F. When the war is on the doorstep. // URL: <https://www.shazam.com/song/1465227996/d0b-cd0b8d0bbd0bbd0b8d0bed0bdd18b-d0bad0bed0b3d0b4d0b0-d0b2d0bed0b9d0bdd0b0-d0bdd0b0-d0bfd0bed180d0bed0b3d0b5>
13. Stepantsov V. Punk / I look at the € rate. // URL: https://t.me/stepantsov_z/3406
14. Chicherina Yu. When the war ends. // URL: <https://rutube.ru/video/c8373564564f1f5311ac972324189166/>
15. Chicherina Yu. Russian forest. // URL: <https://chicherina.info/album/russkij-les/>
16. Chicherina Yu., Bobunets S. My Stalingrad. // URL: <https://www.nashe.ru/news/moj-stalingrad>

Гарин М.Ю.*Аспирант кафедры Культурологии. Институт кино и телевидения (ГИТР).***Критерии элитарности в исторической перспективе***

Аннотация. Объектом исследования является становление критериев элитарной культуры в исторической перспективе. Рассматриваются элементы культурологической рефлексии в античной, средневековой философии, а также в эстетической мысли раннего нового времени. Особое внимание автор уделяет представлениям о социальной и воспитательной роли культуры, как она осмыслялась в трудах основных мыслителей каждого из обозреваемых исторических периодов. Предметом исследования, таким образом, являются философские и культурологические работы, в которых мы находим критерии элитарной культуры.

Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как античный культурный идеал, понимаемый в качестве упорядоченного космоса, а также трансформация этого идеала в последующие эпохи, в частности, в рамках культуры христианского средневековья. Помимо анализа и интерпретации классических философских и культурологических трудов, автор также обращается к современным теоретическим подходам, например, к концепциям «постистины» и «знания как борьбы за власть» Стива Фуллера. При работе с текстами и отдельными понятиями используются методы исторической реконструкции, а также компаративного анализа. Новизна исследования заключается в том, что в фокусе исследования находятся размышления об элитарном характере культуры, которым уделяется не так много внимания в исследовательской литературе. Таким образом, настоящее исследование закрывает лауну в отечественной культурологии. Особым вкладом автора можно считать выделение ряда критериев элитарности, свойственных разным историческим эпохам. Автор полагают, что выделенные критерии обладают эвристической ценностью и могут быть использованы в дальнейшей работе. Основным вывод, который делает автор, заключается в том, что в целом ряде ключевых философских работ, затрагивающих проблему культуры, может быть найдено описание элитарной культуры, а также критерии элитарности. Это представляет особенный интерес для нас сегодня, поскольку, согласно современному культурологическому мейнстриму, границы между элитарной и массовой культурой являются размытыми, как и критерии отнесения конкретных культурных объектов к тому или иному типу культуры.

Ключевые слова: культура, элитарность, критерии элитарности, типологизация культуры, культурология, философия, социология, Стив Фуллер, тенденции культуры, культура античности.

Garin M.Y.*Postgraduate student of the Department of Cultural Studies. Institute of Cinema and Television (GITR).***Criteria of elitism in historical perspective**

Abstract. The object of the study is the formation of criteria of elite culture in a historical perspective. The elements of cultural reflection in ancient and medieval philosophy, as well as in the aesthetic thought of the early modern period, are considered. The author pays special attention

* © Гарин М.Ю., 2025.

Критерии элитарности в исторической перспективе

to the ideas of the social and educational role of culture, as it was conceptualized in the works of the main thinkers of each of the surveyed historical periods. The subject of the study, therefore, is philosophical and cultural studies, in which we find criteria of elite culture.

The author examines in detail such aspects of the topic as the ancient cultural ideal, understood as an ordered cosmos, as well as the transformation of this ideal in subsequent epochs, in particular, within the framework of the culture of the Christian Middle Ages. In addition to analyzing and interpreting classical philosophical and cultural works, the author also turns to modern theoretical approaches, for example, to the concepts of “post-truth” and “knowledge as a struggle for power” by Steve Fuller. When working with texts and individual concepts, methods of historical reconstruction and comparative analysis are used. The novelty of the research lies in the fact that the focus of the research is on reflections on the elitist nature of culture, which are not given much attention in the research literature. Thus, this study closes a gap in Russian cultural studies. A special contribution of the author can be considered the identification of a number of criteria of elitism peculiar to different historical epochs. The author believes that the selected criteria have heuristic value and can be used in further work. The main conclusion drawn by the author is that in a number of key philosophical works dealing with the problem of culture, a description of elite culture can be found, as well as criteria of elitism. This is of particular interest to us today, because, according to the modern cultural mainstream, the boundaries between elite and mass culture are blurred, as are the criteria for classifying specific cultural objects to a particular type of culture.

Key words: culture, elitism, criteria of elitism, typologization of culture, culturology, philosophy, sociology, Steve Fuller, cultural trends, the culture of antiquity.

Понятие элитарной культуры, как и критерии элитарности, возникают в XX веке, и во многом являются реакцией на возникновение и экспансию культуры массовой, которая традиционно противопоставляется элитарной, или высокой культуре. Прежде, чем начать разговор о границах понятия и критериях элитарности, необходимо предпринять краткую ретроспективу философской рефлексии о культуре и искусстве в широкой исторической перспективе. Важно отметить, что культура как таковая не находилась в фокусе рассмотрения мыслителей вплоть до 18 века, когда дискуссии о природе искусства и значимости культуры становятся полноценной частью европейской философии. Тем не менее, это не значит, что мы не можем выделить элементы культурологической рефлексии в трудах мыслителей античности, средневековья и раннего нового времени. В приводимой ретроспективе мы не стремимся к всеохватности: такое

предприятие выходит за рамки нашего исследования, но мы попытаемся выделить основные пункты, опорные точки в размышлении о культуре и искусстве разных эпох. В древних обществах культура и искусство были доступны исключительно представителям элиты, высших слоев, будь то вожди или шаманы дописменных племен, китайские литераты, брахманы и кшатрии в древней Индии, мифологические поэты архаического периода античности и тд.

Однако, важно отметить, что древняя мифология существовала и передавалась как бы на нескольких уровнях и в различных формах. С одной стороны, мы можем говорить о «высокой» мифологии героической поэзии [1] Гомера и Гесиода, в трудах которых уже наблюдается более абстрактный подход к мифологическим героям и сюжетам, предпринимаются попытки классификации и типологизации культурных тенденций и выделение моральных и нравственных составляющих мифо-

логических сюжетов. Так, изучение гомеровских поэм было необходимой и неотъемлемой частью образования античного грека [2]. Культура в античном мире по определению доступна ограниченному кругу лиц. Есть элементы народной культуры, которые как бы прорываются на поверхность – в аттической комедии – в карнавальных мотивах Аристофана, в Риме был Катулл, весьма часто заигрывавший с «низкими жанрами». Но все же речь о массовой культуре в отсутствие этих самых масс идти не может. На этом этапе вся культура является элитарной, поскольку единственным возможным ее потребителем был аристократ, обеспеченный средствами и временем. Культурный идеал древних греков – это космос, или упорядоченное для жизни пространство. У Гесиода мы встречаем описание появления космоса из хаоса, которому посвящена его поэма «Теогония» [3]. Также у Гесиода мы находим одну из первых типологий культуры. Гесиод в своей поэме «Труды и дни» описывает историю культурного упадка нескольких поколений, или веков – от золотого века до железного. Платон считал, что искусство искажает реальность, а потому в целом вредно для граждан полиса. Из своего идеального полиса, описанного в диалоге «Государство», философ решил изгнать поэтов, поскольку те рассказывают небылицы, а музыкантам разрешил использовать лишь те лады, что благотворно влияют на нрав граждан. Для Платона красота и благо неразрывно связаны в идеале каллокатии, искусство же, если не направлено на воспитание в человеке гражданских чувств, развращает.

Современный философ и социолог знания Стив Фуллер предлагает довольно провокативную интерпретацию политической философии Платона,

согласно которой платоновское идеальное государство представляется в виде некоторой технократической утопии: Платон, выступая с позиции того, что Фуллер называет «постистиной», считает, что необходим тщательный отбор людей, способных к осознанию того, какие мнения, убеждения и, если говорить о культуре как о наборе артефактов (воспользуемся таким, предварительным и максимально широким определением), создавать особый тип искусства, который выполняет определенную общественно значимую функцию [4]. В своем проекте социологии знания внутри и вне академии Фуллер во многом опирается на разработки Вильфредо Парето – одного из основателей и классиков социальной науки, наряду с Максом Вебером и Эмилем Дюркгеймом. Именно Парето ввел в широкий оборот термин «Элита» и строил свою социологическую теорию на основе анализа элит. Во многом подход Парето и внимание к элитам в целом оказались дискредитированы отношением итальянского ученого к Муссолини и фашистской партии. Гнев Платона во многом направлен на такое явление современного ему духовно-исторического периода в истории демократизированных Афин как софисты.

Софисты были, как мы сказали бы мы сейчас, преподавателями гуманитарных дисциплин и считали, что знание может и должно быть доступно каждому, кто стремится к нему и способен оплатить обучение. Обучали софисты в основном риторике, логике, математике и философии, так как именно эти искусства относятся к числу наиболее полезных для будущих государственных деятелей. Софисты готовили будущую элиту, и именно здесь кроется причина радикального несогласия Платона. Отнюдь не всякий человек может

и должен быть допущен к управлению другими людьми, но лишь тот, кто посвятил долгие годы изучению наук, подтвердив тем самым свое стремление к истине и красоте, а не личный интерес того или иного рода. Науки и искусства становятся тем, что может оказать разрушительное влияние на тот самый космос как пространство упорядоченной совместной жизни людей, если этими науками и искусствами овладеют недостойные люди. Аристотель в отличие от Платона не был настроен к искусству столь скептически, что объясняется в том числе и его происхождением из другой, более низкой по меркам классической античности культуры – македонской. Политический проект Филиппа, продолженный его сыном (и учеником Аристотеля) Александром, расширяет свойственным грекам культурный плюрализм и на другие, варварские культуры. Именно в рамках македонской империи появляется единый греческий язык (койне) и начинается складываться литературный канон. Культура становится реальным фактором объединения людей, живущих за километры друг от друга, а знакомство с ней – необходимым условием участия в общественной жизни. В древнем Риме мы наблюдаем главным образом синтетические тенденции в области культуры. Римские мыслители, не будучи, по общему признанию современных исследователей особенно оригинальными, стремились взять все лучшее, что было им доступно из греческого наследия. Именно Риму мы обязаны пониманием традиции как того, что передается из поколения в поколение, что должно быть сохранено.

Цицерон расширил привычное греческое понятие культуры как упорядоченного пространства для совместной жизни и деятельности до интимной

сферы, предложив понятие *Cultura animae*, или культура (буквально – воспитание) души [5]. Христианская отношение к культуре двояко: с одной стороны, необходимо сохранять лучшие образцы научного знания духовной культуры прошлого, с другой же – все эти образцы принадлежат миру, гибель которому не только неизбежна, но и желанна для всякого верующего христианина. Наиболее полное выражение такого восприятия культуры мы находим в сочинениях Аврелий Августина. В своем труде «О граде Божьем» Августин разделяет всех людей на принадлежащих граду Божьему и граду земному. Те, кто принадлежат Богу, относятся с презрением ко всему мирскому, поскольку знают, что мир умрет, но именно эти люди, живущие исключительно духовной жизнью, способны к сохранению подлинной культуры как традиции, вбирающей в себя наиболее значимые достижения духовной жизни прошлых эпох и поколений. Люди земные же в своем ведении жизни стремятся лишь к посюсторонним и сиюминутным благам и развлечениям, для них недоступны высшие духовные ценности и смысл, которые несет в себе культурная традиция [6].

В рамках данной работы не представляется ни в полной мере возможным, ни необходимым подробное рассмотрение культурологической рефлексии средневекового периода, хотя стоит отметить, что, вопреки распространенному мнению, средневековые мыслители создали внушительный корпус размышлений о культуре и искусстве. Для нашего контекста более принципиальное значение имеет тот факт, что именно в средневековых институтах начинает складываться новая модель университета, где и происходит, главным образом, как

подготовка образованной элиты, так и рефлексия о культуре и искусстве. Одним из главных споров о природе культуры и искусства в раннее новое время можно по праву считать так называемый спор о древних и новых, в котором принимали участие такие видные деятели французской культуры, как Шарль Перро, Жак Расин, Бернар де Фонтенель и другие. Суть спора сводилась к противопоставлению двух позиций по вопросу о сущности искусства: являются ли культурные нормы и ценности, заложенные в произведениях искусства вечными и неизменными, или же они меняются в ходе исторического процесса, и тогда мы можем говорить о прогрессе (или регрессе) наук и искусств. Сторонники древних полагали, что такие вечные и неизменные ценности и нормы существуют, современное же общество все дальше и дальше отходит от них, отчасти по причине более массового доступа к образованию и культурным артефактам. Партия новых утверждала, напротив, что в искусствах и науках наблюдается прогресс, а доступ к культурному наследию не должен быть ограничен узкими рамками образованной и обеспеченной элиты [7]. В рамках философии просвещения возникли дискуссии о воспитательной функции и задаче искусства, в русле которых развивались представления о высокой культуре и творчестве, как о необходимых аспектах нравственного характера целых наций.

Список литературы

1. Боура С.М. Героическая поэзия / Сесил Морис Боура ; [пер. с англ. и вступ. ст. Н.П. Гринцера, И.В. Ершовой] – М.: Новое литературное обозрение, 2002.
2. Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. – М.: Греко-латинский кабинет ЮА Шичалина. 2014
3. Гесиод Теогония // Эллинистические поэты VII—III вв. до н. э. Эпос, Элегия, Ямбы. Мелика / Отв. ред. МЛ Гаспаров. – М.: Ладомир. 1999.
4. Фуллер С. Постправда : знание как борьба за власть / под ред. А. Смирнова ; пер. с англ. Д. Кралечкина. –

М.: ИД ВШЭ, 2021.

5. Марк Туллий Цицерон Тускуланские беседы // Избранные сочинения. – М.: «Художественная литература», 1975.
6. Августин О граде Божием. Мн.: Харвест, – М.: АСТ. 2000.
7. Спор о древних и новых: антология. – М.: Искусство, 1985.

References

1. Bowra S.M. Heroic Poetry / Cecil Morris Bowra; [translated from English and with an introduction by N.P. Grintser, I.V. Ershova] – Moscow: New Literary Review, 2002.
2. Jaeger V. Early Christianity and Greek Paideia. – Moscow: Greco-Latin Cabinet of Yu.A. Shichalin. 2014
3. Hesiod Theogony // Hellenic Poets of the 7th-3rd Centuries BC. Epic. Elegy. Iambic. Melika / Ed. M.L. Gasparov. – Moscow: Ladomir. 1999.
4. Fuller S. Post-truth: knowledge as a struggle for power / edited by A. Smirnov; translated from English by D. Kralechkin. – M.: ID HSE, 2021.
5. Marcus Tullius Cicero Tusculan Conversations // Selected Works. – М.: "Khudozhestvennaya Literatura", 1975.
6. Augustine On the City of God. Minsk: Harvest, – М.: AST. 2000.
7. The Debate on the Ancients and the New: Anthology. – М.: Iskuststvo, 1985.

Аграфонова М.В.

Магистрант. ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза.

Семина Н.В.

*Кандидат исторических наук, доцент. ФГБОУ ВО
«Пензенский государственный университет», г. Пенза.*

Явление молодежного самовыражения: обзор современных подростковых субкультур и их правовое регулирование*

Аннотация. С 1960 - 1970-х годов наблюдается стойкий интерес исследователей по отношению к молодежи вообще и молодежной субкультуре в частности. Это объясняется тем, что молодежные субкультуры являются важным средством изменения современного общества. Научные работы, касающиеся молодежи и молодежных субкультур всегда будут актуальны, так как от молодого поколения зависит будущее развитие общества и государства. Именно подростки являются носителями тех ценностей, с которыми общество войдет в следующий этап своей жизнедеятельности. От молодого поколения зависит культура, которая будет в социуме.

Кроме того, молодежь поддается влиянию, их взгляды и ценности изменчивы, поэтому важно сформировать у представителей данной социальной группы правильные ценности, направленные на общественный прогресс.

Авторы рассматривают современные подростковые субкультуры. Проводится анализ возникновения и развития различных молодежных движений, их положительных и негативных сторон.

Особое внимание исследователи уделяют правовому регулированию существования различных субкультур в мировом сообществе.

Ключевые слова: субкультура, правовое регулирование, подростковые движения, юридическая ответственность, самовыражение, социальные сети, альт, квадерберы, темная академия, интернет.

Agrafonova M.V.

*Master's student. Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Penza State University», Penza.*

Semina N.V.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Penza State University», Penza.*

The phenomenon of youth self-expression: a review of modern adolescent sub-cultures and their legal regulation

* © Аграфонова М.В., Семина Н.В., 2025.

Явление молодежного самовыражения: обзор современных подростковых субкультур и их правовое регулирование

Abstract. Since the 1960s and 1970s, there has been a persistent interest among researchers in relation to youth in general and youth subculture in particular. This is explained by the fact that youth subcultures are an important means of changing modern society. Scientific works concerning youth and youth subcultures will always be relevant, since the future development of society and the state depends on the younger generation. It is teenagers who are the bearers of those values with which society will enter the next stage of its life. The culture that will be in society depends on the younger generation.

In addition, young people are susceptible to influence, their views and values are changeable, so it is important to form the right values in representatives of this social group, aimed at social progress.

The authors consider modern teenage subcultures. An analysis of the emergence and development of various youth movements, their positive and negative sides is carried out.

The researchers pay special attention to the legal regulation of the existence of various subcultures in the world community.

Key words: subculture, legal regulation, teenage movements, legal responsibility, self-expression, social networks, alt, quadrobbers, dark academy, internet.

В современном динамичном мире актуализируется довольно сильное влияние онлайн-пространства на подростковую среду. Это связано, прежде всего, с тем, что подростки в силу своего психологически уязвимого положения способны быстро вовлекаться во все новые движения и моду, которые предлагают либо соседние продвинутые страны, либо глобальная сеть интернет. С недавнего времени среди подростков стало модно быть вовлеченным в ту или иную субкультуру, которая так или иначе отражала бы их личностные особенности и ценности.

В данном исследовании имеется необходимость обратиться к ключевому термину – субкультура. Область применения понятия «субкультура» в современном научном мире достаточно широка: во-первых, оно является термином научной литературы (культурология, социология, психология) и в связи с этим используется в практических пособиях (педагогика), а во-вторых, выступает ключевым элементом самоопределения молодежных сообществ.

На данный момент стоит говорить о двух формулировках определения «субкультура» – в широком и узком

смыслах. В широком смысле «субкультура» – это культурные особенности любой группы, выделяющейся внутри национальной культуры и обычно объединенной каким-либо социальным признаком: этническим происхождением (русские эмигранты в США, коренные народы, живущие на территории России), религией (католики или православные христиане в протестантском обществе), профессией (врачи, летчики, военные и т.д.), возрастом (дети, пенсионеры) или совокупностью таких признаков. В узком смысле «субкультура» – это культурные образования, объединенные произвольно выбранным признаком, обычно каким-либо увлечением – музыкой, видом спорта и т.п.

На основе анализа современных субкультур, которые имеют популярность среди подростков, были выделены следующие виды: квадромеры, альт, темная академия. Данные субкультуры активно символизируют свое движение, создают определенный имидж для своих участников, придумывают отличительные знаки и даже проецируют на членов сообщества определенный тип поведения. Все это не может не отражаться на

психологическом, умственном и физическом развитии подростков. Как было сказано ранее, подростки психологически уязвимая категория, поэтому они активнее остальных отождествляют себя с тем или иным движением. Современный подросток стремиться к лидерству среди своих сверстников, а самый легкий путь – это принадлежность к популярной субкультуре. В данной статье будут рассмотрены современные подростковые субкультуры и правовое регулирование их деятельности в разных странах.

Современное молодежное движение квадроберов зародилось в Японии в 2015 году, но особую популярность приобрело в США в 2019 году, а в России достигло пика в 2024 году. Изначально квадробинг являлся спортивным направлением, поскольку зарождение данного движения связано с достижениями атлета из Японии, который установил рекорд Гиннеса по бегу на четвереньках. Вскоре после этого события в Америке начали разрабатываться авторские фитнес-программы «animal flow», что в переводе означает «естественные движения животных», которые обрели популярность среди молодежи. Через пару лет данное направление постепенно перешло на интернет-платформы и распространилось в самых популярных социальных сетях, таких как: ТикТок, Instagram, Вконтакте. Сторонники данного направления начали выкладывать ролики, на которых они демонстрируют свои тренировки.

О квадробинге, как о субкультуре начали говорить в период пандемии и после нее. Спортсмены-квадроберы активно выкладывали в сеть свои тренировки, что привлекло внимание субкультуры «Фурри». Данное движение было создано как сообщество, увлека-

ющееся человекоподобными чертами животных. Их стилю было свойственно одеваться как животные. Поэтому данное направление решило интерпретировать тренировки квадроберов в свой имидж. Вскоре квадроберами стали называть не только спортсменов данного направления, но и переодетых в животных и двигающихся на четвереньках людей. Особенно данное течение завлекло детей в возрасте от 10 до 14 лет, для привлечения внимания к себе они одевали маски, перчатки, имитирующие конечности животных. По данным исследований ВЦИОМ многие российские граждане по-разному оценивают данную субкультуру, одни считают, что это негативно сказывается на психическом развитии детей, другие напротив положительно относятся к увлечению детей и говорят о том, что данная спортивная субкультура развивает физически подростков. Также в обществе доминирует мнение о том, что квадробинг – это способ самовыражения ребенка [1].

С появлением квадроберов в России в 2024 году начали проявляться негативные стороны этого движения. Масовость, которую обрела данная субкультура, породила множество точек зрения российских экспертов в области психологии, физической культуры, медицины. Психологи и врачи высказались о том, что подростки-квадроберы часто теряют связь с реальной жизнью и их психика значительно трансформируется. В частности, на основе медицинских исследований было выявлено, что подросток может заимствовать агрессивные формы активности животного, что может приводить не только к физическим травмам его самого и окружающих, но и травмировать еще неокрепшую подростковую психику, происходит «расчеловечивание», ак-

центрирование животных инстинктов, а значит, осложняется социальная адаптация и полноценная социализация, возникают сложности и дискомфорт в общении, освобождение себя от социальных ролей и связанных с ними обязанностей.

Квадроберы быстро набрали популярность среди детей и это движение стремительно перерастало в антиобщественное направление. В сети появлялись видео с демонстрацией того, как родители выгуливают своего ребенка на поводке, как ребенок кусает окружающих, нападает на них, считая себя собакой и т.д. В мировом сообществе в связи с этим был поднят вопрос о правовом регулировании деятельности квадроберов.

Многие страны стали задумываться о сохранении общественного порядка в рамках различных демонстраций субкультур. В США на правовом уровне разрешены различные шествия и демонстрации различных субкультур, в том числе и квадроберов, но власти внимательно следят за отсутствием среди участников насилия и неадекватного поведения по отношению к окружающим. Также власть активно вмешивается в подбор костюмов участников, следит за тем, чтобы на костюмах не были размещены материалы порнографического характера, и одежда была приемлема для детей всех возрастов.

В России деятельность квадроберов регулируется Кодексом об административных правонарушениях, нарушение общественного порядка влечет за собой наложение штрафа или административного ареста. Также в России депутаты Государственной Думы высказывают свое мнение о запрете данной субкультуры. Начали разрабатывать законопроект о запрете «пропаганды деструктивной идеологии, в частности

субкультуры квадроберы». Также на уровне местных властей были введены меры по предотвращению популярности данной субкультуры, в том числе в школах и техникумах ввели обязательные инструктажи по теме «Влияние квадробинга на подростков», детей стали активно просвещать в этой теме и показывать негативные стороны данного движения, а также рассказывать об ответственности за нарушение прав человека и общественного порядка.

В Германии, Великобритании и Франции деятельность квадроберов регулируют законы об охране общественного порядка, к действиям участников данной субкультуры предъявляют различные требования, в частности: запрет на агрессивные действия со стороны участников, запрет на публичные сборы, различные штрафы за нарушение общественного порядка [2, С. 13].

Разработчики социальных сетей также предпринимают меры по защите детей от негативного влияния данной субкультуры. С 2020 года во всех социальных сетях была введена функция ограничения пропаганды физически и психологически опасных челленджей, в связи с чем, подобные видео квадроберов блокировались.

Не менее популярной среди подростков считается субкультура «Альт». Впервые данное движение получило распространение в 2021 году. Появление данной субкультуры было спровоцировано социальными сетями. В одном из видео молодая девушка высказала пожилой женщине свое мнение о моде, назвав свой стиль «альт». Подростки завирусировали это видео, и оно было в ленте почти у каждого пользователя. С того времени, подросток, отличающийся своим внешним видом, характерным для альт-субкультуры, считался ее участником. Требования-

ми к имиджу подростков данного движения являются: черная одежда, яркие аксессуары, многочисленный пирсинг, присутствие в образе шипов, ношение массивной обуви не всегда соответствующей погоде. Таким образом, основное требование данного движения – отличаться от остальных [3, С. 7].

Вскоре после нарастания пика популярности данная субкультура стала вызывать негативную реакцию общества. Стремление подростков «быть не как все» породило «буллинг» со стороны их сверстников и тревогу со стороны родителей. В 2023 году был запущен тренд с высмеиванием и оскорблением участников данной субкультуры, что повлекло за собой интернет-травлю детей.

В связи с нарастанием травли в интернете социальными сетями и развлекательными платформами были введены ограничения на публикацию видео, в которых содержатся материалы, оскорбляющие другого человека или группу людей. За аккаунтами субкультуры начали следить разработчики и блокировать негативные комментарии, унижающие достоинство личности.

В России деятельность людей, носящих нестандартную одежду, защищает Конституция РФ, а также в рамках российского законодательства за унижения личности за ее внешний вид можно понести ответственность. В рамках Кодекса об административных правонарушениях за оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме, влечет наложение административного штрафа. Вместе с тем, в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. 23.11.2024) были внесены изменения, в связи с чем, деятель-

ность в социальных сетях стала регулироваться на государственном уровне. Владелец страниц в социальных сетях на данный момент обязан следить за тем, чтобы на его странице и от его имени не было информации, выраженной в неприличной форме и оскорбляющей человеческое достоинство [4].

В США имеется ряд законов, которые защищают личность от оскорблений и унижений. В частности, это закон «О гражданских правах», он запрещает дискриминацию по множеству признаков. Также в законе «О равных возможностях в трудоустройстве» имеется пункт о запрете дискриминации, включая оскорбления по поводу внешнего вида работников. Также в штатах активно практикуются социальные программы по борьбе с буллингом и оскорблениями [5].

Во Франции в рамках Уголовного кодекса запрещается дискриминация по разным признакам, включая внешний вид. Также в законе «О свободе прессы» также запрещается оскорбление и клевета в сторону другого человека. В Германии оскорбление является уголовным преступлением, за которое назначаются штрафы и уголовные наказания. В рамках гражданского законодательства оскорбленная личность может подать иск за моральный ущерб, если кто-то оскорбляет ее по поводу внешнего вида. В Австралии согласно закону «О морали и порядках» можно привлечь к ответственности за оскорбительное поведение, которое вызвано внешним видом, на основании нарушения морали.

Субкультура «Темная академия» возникла в начале 2020-х годов, но многие исследователи связывают ее происхождение с существованием готического и романтического течений. Зародилась данная субкультура в США

и Великобритании, но благодаря интернет-пространству быстро набрала свою аудиторию в странах Европы и Азии. Как говорилось ранее, подросткам свойственно желание отличаться от остальных, в связи с чем, привлечение в данное движение стало актуальным. Субкультура характеризуется тем, что особое внимание уделяет классической и викторианской моде, которой свойственны темные цвета в одежде, пальто и юбки. Имидж участников данной субкультуры украшают элементы, символизирующие ученость и романтизм.

Интересами темной академии являются: чтение книг, изучение философии, прослушивание классической музыки и приобщение к искусству. Несомненно, своих сторонников субкультура ищет в социальных сетях, таких как TikTok, ВКонтакте и т.д. Там также происходит общение между сторонниками движения, обсуждение хобби, поиск новых увлечений, подростки в том числе публикуют свой уникальный контент, в виде необычных арт-дизайнов, стиля в одежде, стихов и т.п.

Вместе тем, для темной академии характерна тематика, связанная с меланхолией, депрессивным состоянием и мрачными эмоциями, что может спровоцировать у подростков развитие тревожных расстройств.

В целом, приобщение к культуре темной академии имеет положительные отзывы со стороны родителей и окружающих людей. Субкультура не имеет как такового правового регулирования, поскольку является культурным движением. Но многие страны по-разному реагируют на ее деятельность.

В США и странах ЕС активно поддерживают данную субкультуру, поскольку государства защищают произведение искусства и литературы и

обеспечивают права на распространение творческих работ. ЮНЕСКО активно работает над сохранением культурного пространства, а также всегда поддерживает и привлекает подростков в проекты, направленные на включение детей в культурную деятельность. International Youth Foundation поддерживает молодежные течения в сфере культуры, в частности темную академию и предлагает различные культурные проекты, способствующие самовыражению подростков. Вместе с тем, деятельность участников субкультуры может быть ограничена законом об авторском праве, поэтому в процессе своей деятельности необходимо избегать копирования работ других авторов.

Таким образом, подростковые субкультуры в современном мире достаточно разнообразны и имеют различные направления: спортивные, культурные, основанные на внешней самореализации ребенка. Каждая субкультура имеет уникальные черты, что не может не привлекать в их ряды подростков. На современном этапе источником популярности субкультур является онлайн-пространство, которое способствует приобщению детей в то или иное течение. Как было сказано ранее, подростковые субкультуры разнообразны и имеют как позитивные, так и негативные стороны, в связи с чем они требуют активного вмешательства государства. Правовое регулирование не всегда учитывают уникальность субкультур и их специфику. Тем не менее законы, касающиеся авторских прав, общественного порядка, дискриминации могут быть применены к большому количеству субкультур. Появление различных подростковых субкультур также актуализирует необходимость в просвещении детей и подростков об

их правах и обязанностях, а также о законодательстве, которое регулирует их активное самовыражение.

Список литературы

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): официальный сайт. // URL: <https://wciom.ru> (Дата обращения: 06.01.2025).
2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.06.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024). // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/a3cba9a7c2ac9aa487df2d4172734dd5139376f5/ (Дата обращения: 23.04.2024).
3. Пасынкова С.Д. Молодежные субкультуры в современной России // Вестник науки. 2022. № 4 (49). С. 8-9.
4. Назметдинов Р.Р. Защита от дискриминации в Соединенных штатах Америки // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 3. С. 66-70.
5. Фазилов Ф.М. Попытка правового регулирования квадрибок // Экономика и юриспруденция. 2024. № 11 (121). С. 12-15.

References

1. All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM): official website. // URL: <https://wciom.ru> (06.01.2025).
2. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated 27.06.2006 No. 149-FZ (as amended on 23.11.2024). // SPS "ConsultantPlus" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/a3cba9a7c2ac9aa487df2d4172734dd5139376f5/ (23.04.2024).
3. Pasyunkova S.D. Youth subcultures in modern Russia // Bulletin of science. 2022. № 4 (49). P. 8-9.
4. Nazmetdinov R.R. Protection from discrimination in the United States of America // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2016. № 3. P. 66-70.
5. Fazilov F.M. Attempt at legal regulation of quad bikes // Economics and jurisprudence. 2024. № 11 (121). P. 12-15.

Сафонова Е.А.

*Соискатель ученой степени кандидата наук
Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского,
магистр театрального искусства, художественный руководитель Театра «Фортуна»,
заведующий структурным подразделением МАУ КДК «Красногорье».*

Игровая логика квест-технологий в условиях метамодерна*

Аннотация. В представленной работе исследуется эволюция игры с точки зрения темпоральных трансформаций в контексте культурной парадигмы. Отдельное внимание уделяется игровому характеру праздников и их видоизменениям от обрядов к зрелищным мероприятиям. Также рассматривается формирования квестов из игр-испытаний. Кроме того, материал анализирует ключевые особенности эпохи метамодерна. При этом, особое внимание акцентируется на игровой логике квест-технологий и их влиянии на современное общество.

Ключевые слова: игровая логика, квест-технологии, игра-испытание, метамодерн.

Safonova E.A.

Applicant for the academic degree of candidate of sciences of the Luhansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky, master of theater arts, artistic director of the Fortuna Theater, Head of the structural division of the MAU KDK Krasnogorye.

Game logic of quest technologies in the context of metamodernism

Abstract. The presented work examines the evolution of the game from the point of view of temporal transformations in the context of the cultural paradigm. Special attention is paid to the game nature of holidays and their modifications from rituals to spectacular events. The formation of quests from test games is also considered. In addition, the material analyzes the key features of the metamodern era. At the same time, special attention is focused on the game logic of quest technologies and their influence on modern society.

Key words: game logic, quest technologies, challenge game, metamodern.

Вопрос изучения значения досуга и игры в истории человеческой культуры позволяет выделить несколько ключевых тем, способствующих пониманию их роли в организации общества и формировании коллективной идентичности. Таким образом, можно

выделить три основные направления: сущность досуга и его значение, функции праздников и ритуалов в обществе, а также изменение культурных ценностей.

В первую очередь, само понятие досуга в человеческой культуре тра-

* © Сафонова Е.А., 2025.

Игровая логика квест-технологий в условиях метамодерна

диционно воспринимается как цель и способ удовлетворения разнообразных потребностей.

С точки зрения игровой механики, массовые зрелища уходят корнями в ритуалы, обряды и игры, которые служили отправной точкой для развития любительского творчества. Быт заложил основу для возникновения народных зрелищ, отражающих потребности и предпочтения общества.

С древних времен, досуг рассматривался не только как свободное от работы время, но и как необходимая часть человеческого существования, способствующая развитию и социальной сплоченности. В этом контексте игра воспринимается как форма сознания, где открывается возможность для выхода за рамки привычных социальных норм, позволяя человеку экспериментировать с ролями, эмоциями и состояниями бытия. Игра связана с процессом познания, в котором происходит переосмысление актуальных реалий и предвосхищение будущих возможностей.

Следующим важным вопросом является культурная функция праздников, которые, как и игра, всегда носили в себе элемент игрового характера. Праздники можно рассматривать как специфические формы досуга, которые переосмысливают жизнь общества. Смысл праздника заключен в его способности коллективно объединяться и торжественным образом обновлять жизненные циклы и традиции. Концепцию праздника наиболее точно сформулировал А.И. Мазеев, считающий его символом освобождения от повседневной рутины и средством временного забвения от трудовой деятельности. Праздник сплавляет людей, порождает чувство принадлежности и характеризуется свободой и весельем. Праздники имеют свои корни в глубо-

кой древности и изменяются в зависимости от социокультурного контекста, в котором они проходят. Важно отметить, что в прошлом главное внимание уделялось не столько пониманию церемоний, сколько их функциональности и способности удовлетворять запросам общества. Это подчеркивает, как культура формирует организованные и закреплённые традицией формы, подобные праздникам, которые имеют непосредственное отношение к организованной жизни сообщества.

При этом, возникновение театрализации культа постепенно формировало различные оксюмороны. Так, процесс трансформации игры через праздники к драматургии привел к первым театрализованным гуляниям на славянских землях, которые датируются концом XVII века и были отражением протеста против тяжелой жизни общества. Основоположником режиссуры XVIII века стал Фёдор Волков, оказавший значительное влияние на развитие театрального искусства. Однако, определяющая роль режиссёра стала заметной только к концу XIX — началу XX века.

С переходом к секуляризации культуры, приходит расцвет светского искусства и освобождение человека от традиционных рамок. Ценности начинают четко очерчивать поле возможной деятельности для индивидов, позволяя им осознанно выбирать свое место в мире и предсказывать ход событий. Это освобождение подпитывает новую волну креативности и самовыражения, что, в свою очередь, влияет на форму игровых практик. В этом контексте, М.М. Бахтин выделяет основы карнавализации как присущую культуре игру противоположными смыслами, что позволяет людям воспринимать реальность под новым углом, освобождая их от устоявшихся норм и рамок. Соз-

давая мост между анализом досуга как важной составляющей человеческой культуры и концепцией карнавала, предложенной М.М. Бахтиным, можно увидеть, как игра и сосредоточение на досуге выступают в роли средств, способствующих культурной трансформации. М.М. Бахтин отмечает, что карнавалы связаны с профанацией ценностей и релятивизацией культурных приоритетов. Это подчеркивает особую природу досуга как пространства, где традиционные иерархии и жесткие правила подвергаются переосмыслению, открывая возможности для новых форм самовыражения и социальных взаимодействий. Например, в контексте карнавала, происходит временное уничтожение социальных границ, что позволяет участникам свободно взаимодействовать, менять социальные роли и генерировать новые значения.

Дальнейшее развитие культуры встречает множество вызовов, большинство из которых, заключаются в необходимости сохранить культурное наследие и способствовать взаимопониманию между различными народами. В этом контексте игра и досуг становятся не только проявлением индивидуальной свободы, но и важным инструментом для налаживания межкультурных связей.

Понимание повседневности, в работах П. Бергера и Т. Лукмана, фокусируется на концептуализации реальности, которая формируется через социальное взаимодействие. Это указывает на то, что даже в случаях, когда игра кажется лишь способом проведения досуга, она на самом деле создает новые социальные конструкции. Игровая индустрия, становясь все более значимой частью культуры, демонстрирует как игра переосмысливается в приходящем мире,

становясь важным аспектом не только досуга, но и способа познания мира, поиска идентичности и построения культурного капитала.

Таким образом, игра и досуг, пронизанные культурными и историческими значениями, служат мощным катализатором для социокультурных изменений, способствуя созданию новых форм общения и понимания. Стремление к саморазвитию, самостоятельным поискам и обогащению культурного опыта в нашем быстро меняющемся мире становится неотъемлемой частью социальной жизни, подчеркивая важность культурного взаимодействия и укрепления связей как между индивидуумами, так и между целыми народами.

Игра и праздники, как элементы человеческой культуры, играют важную роль в формировании общественной структуры и индивидуальной идентичности. Их способность к обновлению и исследованию делает их незаменимыми в контексте эволюции человеческого сознания и культуры в целом.

При этом, квесты, которые историческими корнями восходят к игре, в настоящее время активно развиваются как часть игровой индустрии, а также служат платформой для изучения новых реальностей и преодоления культурных барьеров. Квесты, изначально представлявшие собой испытания, развиваясь в современных условиях, приобрели новые формы и значимости при взаимодействии с культурными и социальными контекстами.

В разрезе эволюции квеста, саванским его аналогом вполне можно рассматривать классическую игру-испытание «Принеси то, не знаю что. Поди туда, не знаю куда» или «Игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в ларце, ларец на дубу». Традиционная струк-

тура игры-испытания (или игры-путешествия) представлена в народных сказках, где герой проходит последовательные испытания для достижения определённой цели, находя предметы и решая головоломки. Преодоление препятствий для перехода на следующий уровень, в данном случае, является процессом инициации, а цель квеста зависит от сюжета и определяет разнообразие и сложность уровней, которые могут быть разделены на подуровни с собственными задачами.

В мифологических произведениях квест используется для построения сюжетной линии, например, в «Двенадцати подвигах Геракла» или «Легенде о короле Артуре и рыцарях Круглого стола: в поисках Святого Грааля».

Таким образом, генезис квестов показывает эволюцию игр от древних обычаев до современных игр-испытаний.

Эпоха метамодерна, начавшаяся в начале 1990-х годов, представляет собой новый этап в развитии культурной динамики. Новый способ описания реальности стремились найти различные исследователи. Голландские философы Р. Аккер и Т. Вермюлен пришли к выводу, что метамодерн отражает кризисное состояние современного общества, характеризующееся тревогой, непониманием и нестабильностью.

Термин «метамодерн» происходит от греческого «метаксис» и означает колебание противоположностей. Метамодерн сочетает сложную терминологию, отражающую логику эпохи, и доступное содержание.

Ключевые особенности метамодерна включают эмоциональность, просвещенную наивность, самопринятие, ответственность, осцилляцию между модерном и постмодерном, перформативность, синтетичность и постиронию. Метамодерн возрождает искренность,

которая не противоречит индивидуальности и самовыражению.

В метамодерне, в отличие от постмодерна, акцент делается на проживании мира в его целостности и полноте, а не на переосмыслении устоявшихся традиций. В этой парадигме традиционные форматы обретают новое видение и становятся понятными новым поколениям. Синтез искусств служит новой формой преемственности поколений и национальным ориентиром.

Таким образом, метамодерн представляет собой естественный и последовательный этап развития, отражающий состояние и веяния эпохи. Он не отменяет идеологии прошлого, а трансформирует их в новую парадигму, стремясь гармонизировать традиционное наследие с современными культурными тенденциями для сохранения самих традиций.

В метамодерне помпезные шоу стали неотъемлемой частью культурной жизни общества и несут важную социальную значимость. Современные люди стремятся к живым эмоциям и атмосфере праздника, что приводит к трансформации культурных мероприятий и формированию синтетических направлений в искусстве.

В контексте культуры метамодерна праздник состоит из различных компонентов, которые вызывают яркие эмоции у участников. В связи с этим режиссура таких мероприятий становится ее ключевым аспектом.

Таким образом, вполне логично сделать вывод, что квест следует рассматривать как продукт современной массовой культуры и естественное следствие метамодерна.

Игровая логика квест-технологий в условиях метамодерна представляет собой сложное и многогранное явление, которое затрагивает различные аспек-

ты культуры, искусства, образования и взаимодействия человека с информационными технологиями.

Изначально, игровая логика любой игры служит фундаментальным компонентом игрового процесса, устанавливая правила эффективного и захватывающего взаимодействия и определяя функционирование игры. Многогранный характер игровой логики способствует формированию целостного и увлекательного игрового опыта, обеспечивая структурированную и динамичную среду. Правила игры, определяя условия победы и поражения, регулируют границы взаимодействия участников с игровым миром и между собой. Системы прогресса, включающие уровни и достижения, служат мотивационными механизмами, побуждая игроков к непрерывному участию в игровом процессе и достижению новых рубежей. При этом, для обеспечения беспрепятственного прохождения игрового сюжета необходимо, чтобы правила игры были четко сформулированы и доступны для понимания игроками, предотвращая возникновение недоразумений или потери интереса.

Однако, чтобы глубже понять это игровую логику квестов в реалиях эпохи метамодерна, необходимо рассмотреть несколько краеугольных аспектов. Метамодерн ориентирован на поиск синтеза, междисциплинарности и эмоциональной подключенности. Это открывает новые горизонты для изучения игровых форматов, таких как квесты.

В условиях метамодерна игры-испытания становятся более интерактивными и мультисенсорными. Квест-технологии, с каждым новым витком развития, все активнее позволяют участникам погружаться в игро-

вой процесс. Игровая логика в данном контексте включает в себя множество элементов: от сюжетных линий и характеров, до механик, которые поддерживают интерес и вовлеченность. В условиях метамодерна квесты могут рассматриваться как способ активного участия индивида в создании и интерпретации смыслов, что, в свою очередь, способствует формированию критического мышления и эмоциональной грамотности.

Активные ролевые игры живого действия – принципиально новый синтетический вид искусства эпохи метамодерна, игровая логика которого основана на принципах социальной интеракции и непременно включает в себя сотрудничество и кооперацию между игроками. В процессе игры участники должны принимать решения, основанные не только на своих индивидуальных ролях и целях, а также учитывать интересы и потребности других. Это способствует развитию у игроков таких навыков, как лидерство, коммуникация и работа в команде.

Одним из ключевых аспектов игровой логики квестов является их связь с реальностью. Игроки должны учитывать физические и психологические аспекты игры, такие как ограничения по времени, ресурсы и риски. Это помогает игрокам развивать способность принимать обоснованные решения в реальной жизни.

В современном мире игры-испытания играют важную роль в культуре, образовании и даже бизнесе. Они могут использоваться для обучения детей социальным навыкам, развитию лидерских качеств и формированию командного духа. В бизнесе они помогают развивать коммуникационные навыки и умение работать в команде, а также способствуют формированию корпо-

ративной культуры. В сфере культуры активные ролевые игры живого действия используются для создания интерактивных мероприятий и фестивалей, которые благоприятствуют культурному обмену и укреплению международных связей.

Кроме того, важным достоинством квест-технологий является их способность адаптироваться к социальным и культурным контекстам. В условиях метамодерна квесты могут отражать актуальные проблемы общества — от экологических кризисов до социальных неравенств. Посредством прохождения игр-испытаний могут распространяться знания и культурные идеи, а также развиваться новые навыки, необходимые для успешной адаптации в быстро меняющемся мире. Всё чаще квест-технологии становятся средством формирования не только теоретических знаний, но и практических навыков.

Квесты также открывают возможности для формирования сообществ по интересам, поскольку они часто требуют сотрудничества и взаимодействия между участниками. Это обеспечивает создание эмоциональных связей и служит инструментом развития социальной ответственности. В условиях метамодерна, где важна не только индивидуальная позиция, но и коллективный опыт, такие элементы становятся неотъемлемой частью игрового процесса. И в качестве игры здесь порой выступает сама жизнь.

Таким образом, игровая логика квестов представляет собой важный инструмент для развития социальных навыков и формирования культуры общения в современном мире. Она способствует формированию устойчивых навыков командной работы и лидерства, что является необходимым условием для успешной адаптации и инте-

грации в обществе.

Однако, наряду с положительными аспектами, стоит учитывать и потенциальные вызовы, связанные с использованием квест-технологий. Во-первых, необходимо понимать, что игры, в том числе квесты, могут стать инструментом манипуляции, если их содержание не будет продуманным и этичным. Во-вторых, избыточная игровизация образовательного и социального процессов может привести к снижению глубины анализа и критического подхода. Следовательно, важно придерживаться баланса между развлекательностью и образовательной ценностью квестов.

В заключение, игровая логика квест-технологий в условиях метамодерна представляет собой динамичное поле, которое актуализирует вопросы идентичности и ценностей в современном обществе. Это позволяет участникам не только глубже познавать себя и окружающий мир, но и способствует формированию нового, более ответственного и вовлеченного поколения. Эффективное применение квестов в различных контекстах требует комплексного подхода, который должен учитывать как их развлекательный потенциал, так и необходимость критического осмысления современности.

Список литературы

1. Сафонова Е.А. Квест как культурный феномен и средство формирования атмосферы причастности // Культура и время перемен. – Краснодар, 2024. № 2 (45).
2. Сафонова Е.А. Квест – современный подвид массовой режиссуры // Актуальные вопросы общества, науки и образования: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. (г. Пенза, 20 мая 2024 г.). – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. 294 с.
3. Сафонова Е.А. Эволюция исторически удаленных и современных культурных явлений // Начала русского мира (БАК). – Москва, 2024. № 6.
4. Сафонова Е.А. Квест как форма культуры метамодерна // Культура и цивилизация (БАК). – Ногинск, 2024. Том 14. №8А.

5. Сафонова Е.А. Метамодерн: новый культурный код // Русская идентичность в искусстве, культуре и образовании: междисциплинарный подход. Международная научно-практическая конференция ГОБУК ВО «Волгоградский государственный институт искусств и культуры» (г. Волгоград, 9 декабря 2024 г.)
6. Сафонова Е.А. Апробация действенности командообразования средствами квест-технологий // Культура мира (BAK). – Москва, 2025. № 1.
7. Сафонова Е.А. Культурный код эпохи метамодерна // Современная наука, общество и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. (г. Пенза, 20 февраля 2025 г.). – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2025.
8. Алехина Н.В., Лепешкина Л.Ю., Овсянникова Н.В. Региональная повседневная культура: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА, 2013. 263 с.
9. Бардаченко Н.А. Технологизация музыкального творчества в культуре постмодерна // Диссертационная работа. – Луганск, 2021.
10. Гапоненко А.В. Формы народной художественной культуры как основа организации современных социально-культурных проектов в условиях мегаполиса // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4 (95).
11. Гейлер М.Е., Хусайнов Р.Э., Бабилова А.С. Квест как эффективная форма повышения двигательной активности // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: сборник статей V Международной научно-практической конференции. 2020. № 1. С. 499-502.
12. Герасимова С.А. Культурология и теория коммуникации: элементарный курс: учеб. пособие – М.: Гардарики, 2007. 173 с.
13. Донковцева А.А. Влияние квестов в реальности как совместной игровой деятельности на уровень тревожности и агрессивности и их проявление в межличностном взаимодействии // Автореферат бакалаврской работы. – Саратов, 2019.
14. Драч Г.В., Королев В.К., Штомпель О.М. Культурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Изд. 14-е. – Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 570 с.
15. Загладин Н.В., Семененко И.С. Отечественная культура XX – начала XXI века: Искусство и художественная жизнь, наука, образование, спорт: Учебное пособие для учащихся старших классов общеобразовательных учреждений. – М.: ООО «ТИД «Русское слово - РС», 2005. 304 с.
16. Зименков Н.А. По направлению к метамодернизму: феномен «медленного» кино // Вестник ВГИК. 2024. Т. 16. № 1 (59). С. 122-133.
17. Крылова А.В. Парадоксы и загадки метамодерна // Южно-Российский музыкальный альманах. 2022. № 2. С. 56-62.
18. Лазебникова А.Ю., Савельева О.О., Ерохина Е.В., Захаров А.В. Массовая культура: Учебное пособие для 10-11 классов общеобразовательных учреждений. – М.: ООО «ТИД «Русское слово - РС», 2005. 256 с.
19. Мантуш А.С. Паратеатральный характер современных досуговых форм // Endless light in science. 2024. Т. 22. №22.
20. Минеева О.А., Ляшенко М.С., Поваренкина И.А. Исследование эффективности использования технологии веб-квест в образовательном контексте // Проблемы современного педагогического образования. 2022. С. 250-254.
21. Олешкевич К.И., Чумакова Е.Н. Феномен текстовых ролевых игр и их реализация в учреждениях культуры // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86).
22. Пушнова Ю.Б. Теория и история искусства. Конспект лекций. – М.: Приор-издат, 2004. 128 с.
23. Соколовская Е.В. Иммерсивность в социогуманитарном дискурсе: к систематизации подходов // Вестник культуры и искусств. 2023. №4 (76). С. 82-91.
24. Урсавев А.С. Квест как медиапродукт // Медиасреда. 2024. № 1. С. 116-121.
25. Филиновская Т.А. Коллаборации в контексте социокультурных особенностей периода метамодерна // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. 2022. № 2 (79).
26. Филиндаш П.В. Социально-психологические детерминанты командообразования // Автореферат диссертационной работы. – Москва, 2009.

References

1. Safonova E.A. Quest as a cultural phenomenon and a means of creating an atmosphere of involvement // Culture and the time of change. – Krasnodar, 2024. № 2 (45).
2. Safonova E.A. Quest - a modern subspecies of mass directing // Current issues of society, science and education: a collection of articles from the XIII International scientific and practical conference, (Penza, May 20, 2024). – Penza: MCNS "Science and Education", 2024. 294 p.
3. Safonova E.A. Evolution of historically remote and modern cultural phenomena // The beginnings of the Russian world (HAC). – Moscow, 2024. № 6.
4. Safonova E.A. Quest as a form of metamodernism culture // Culture and civilization (HAC). – Noginsk, 2024. Vol. 14. № 8A.
5. Safonova E. A. Metamodern: New Cultural Code // Russian Identity in Art, Culture and Education: An Interdisciplinary Approach. International Scientific and Practical Conference of the Volgograd State Institute of Arts and Culture (Volgograd, December 9, 2024)
6. Safonova E. A. Testing the Effectiveness of Team Building by Means of Quest Technologies // Culture of the World (Higher Attestation Commission). – Moscow, 2025. № 1.
7. Safonova E. A. Cultural Code of the Metamodern Era // Modern Science, Society and Education: Current Issues, Achievements and Innovations: Collection of Articles from the XII International Scientific and Practical Conference. (Penza, February 20, 2025). – Penza: MCNS "Science and Education", 2025.
8. Alekhova N.V., Lepeshkina L.Yu., Ovsyannikova N.V. Regional Everyday Culture: Textbook. manual. – M.: INFRA, 2013. 263 p.
9. Bardachenko N.A. Technologization of Musical Creativity in Postmodern Culture // Dissertation. – Lugansk, 2021.
10. Gaponenko A.V. Forms of Folk Art Culture as the Basis for Organizing Modern Socio-Cultural Projects in a Megalopolis // World of Science, Culture, Education. 2022. № 4 (95).
11. Geiler M.E., Khusainov R.E., Babikova A.S. Quest as an Effective Form of Increasing Physical Activity // Current Issues of Modern Medical Science and Healthcare: Collection of Articles from the V International Scientific and Practical Conference. 2020. № 1. P. 499-502.
12. Gerasimova S.A. Cultural Studies and Theory of Communication: Elementary Course: Textbook. Manual - M. :

- Gardariki, 2007. 173 p.
13. Donkovtseva A.A. The Influence of Reality Quests as a Joint Gaming Activity on the Level of Anxiety and Aggression and Their Manifestation in Interpersonal Interaction // Abstract of a Bachelor's Thesis. – Saratov, 2019.
 14. Drach G.V., Korolev V.K., Shtompel O.M. Cultural Studies: A Textbook for Students of Higher Education Institutions. 14th Ed. – Rostov n / D.: Phoenix, 2008. 570 p.
 15. Zagladin N.V., Semenenko I.S. Domestic Culture of the 20th – Early 21st Century: Art and Artistic Life, Science, Education, Sports: A Textbook for Senior Students of General Education Institutions. – M.: OOO "TID "Russkoe Slovo - RS", 2005. 304 p.
 16. Zimenkov N.A. Towards Metamodernism: The Phenomenon of "Slow" Cinema // VGIK Bulletin. 2024. Vol. 16. № 1 (59). P. 122-133.
 17. Krylova A.V. Paradoxes and Riddles of Metamodernism // South-Russian Musical Almanac. 2022. № 2. P. 56-62.
 18. Lazebnikova A.Yu., Savelyeva O.O., Erokhina E.V., Zakharov A.V. Mass Culture: A Textbook for Grades 10-11 of General Education Institutions. – M.: OOO "TID" Russkoe Slovo - RS ", 2005. 256 p.
 19. Mantush A.S. Paratheatrical Character of Modern Leisure Forms // Endless Light in Science. 2024. Vol. 22. № 22.
 20. Mineeva O.A., Lyashenko M.S., Povarenkina I.A. Study of the Efficiency of Using Web Quest Technology in the Educational Context // Problems of Modern Pedagogical Education. 2022. P. 250-254.
 21. Oleshkevich K.I., Chumakova E.N. The Phenomenon of Text Role-Playing Games and Their Implementation in Cultural Institutions // World of Science, Culture, Education. 2021. № 1 (86).
 22. Pushnova Yu.B. Theory and History of Art. Lecture Notes. – M.: Prior-publishing house, 2004. 128 p.
 23. Sokolovskaya E.V. Immersion in socio-humanitarian discourse: towards systematization of approaches // Bulletin of Culture and Arts. 2023. № 4 (76). P. 82-91.
 24. Ursaev A.S. Quest as a media product // Media environment. 2024. № 1. P. 116-121.
 25. Filanovskaya T.A. Collaborations in the context of socio-cultural features of the metamodern period // Bulletin of the Vaganova Academy of Russian Ballet. 2022. № 2 (79).
 26. Filindash P.V. Social and psychological determinants of team building // Abstract of dissertation work. – Moscow, 2009.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

Кравченко В.И.

*Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Реклама и связь с общественностью»,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.*

Капелюш М.Б.

*Старший преподаватель кафедры «Реклама и связь с общественностью»,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.*

Искусственный интеллект в рекламе: угроза или союзник для креативных решений?*

Аннотация. В последние годы искусственный интеллект (ИИ) стал неотъемлемой частью рекламной индустрии, вызывая множество дискуссий о его роли и влиянии на маркетинг. Эксперты разделились на два лагеря: одни считают ИИ потенциальной угрозой для рекламного рынка, другие — его ценным союзником. В статье рассматривается главный вопрос, - является ли искусственный интеллект угрозой для креативных профессий или, наоборот, союзником, который помогает улучшить работу? Авторы не дают однозначного ответа на поставленные вопросы, но приводят примеры использования ИИ в современных условиях.

Ключевые слова: реклама, искусственный интеллект, ИИ, маркетинг, экономика, нейросети, главный вопрос.

Kravchenko V.I.

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Kapelyush M.B.

Senior Lecturer of the Department of Advertising and Public Relations, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Artificial intelligence in advertising: a threat or an ally for creative solutions?

Abstract. In recent years, artificial intelligence (AI) has become an integral part of the advertising industry, causing many discussions about its role and impact on marketing. Experts are divided into two camps: some consider AI a potential threat to the advertising market, while others consider it a valuable ally. The article examines the main question - is artificial intelligence a threat to creative professions or, on the contrary, an ally that helps improve work? The authors do not give a clear answer to the questions posed, but provide examples of the use of AI in modern conditions.

Key words: advertising, artificial intelligence, AI, marketing, economics, neural networks, the main question.

* © Кравченко В.И., Капелюш М.Б., 2025.

Искусственный интеллект в рекламе: угроза или союзник для креативных решений?

Введение.

С развитием технологий искусственный интеллект (далее – ИИ) проникает во многие сферы нашей жизни, в том числе и в рекламу. ИИ способен не только самообучаться, но и выявлять интеллектуальные задачи, которые раньше решались исключительно человеком. Если рассматривать именно маркетинг, то в данном случае ИИ способен генерировать изображения, создавать контекстную рекламу, анализировать рынок и многое другое. Можно сказать, что в последние годы искусственный интеллект становится неотъемлемой частью различных отраслей. С увеличением объемов данных и развитием таких технологий, рекламные агентства и компании все чаще используют ИИ для оптимизации своих стратегий, таргетирования аудитории и даже создания контента.

В 2019 году было проведено исследование Высшей школой экономики, в ходе которого было выявлено, что к 2025 году ИИ оставит без работы значительную долю маркетологов [1]. Дело в том, что алгоритмы, которые лежат в основе искусственного интеллекта, способны анализировать и обрабатывать большие объемы данных. Они без проблем могут выявлять модные тенденции и на их основе создавать рекламные кампании. Это, без сомнения, может привести к сокращению рабочих мест, к примеру, для креативщиков, дизайнеров или копирайтеров.

В основном, выделяя два вида искусственного интеллекта – сильный и слабый. Хотя, на самом деле, слабый ИИ уже давно используется в маркетинге. В данном случае нейросети выполняют ограниченный круг задач. К примеру, они могут обработать фотографии или угадывать предпочтения потребителя, но они не могут научиться чему-то но-

вому. Проще говоря, слабый ИИ не способен выполнять задачи, выходящие за пределы своей узкой специализации.

Например, различные чат-боты или рекомендательные системы. Алгоритмы, используемые на платформах «Кинопоиск» или «Яндекс Музыка», анализируют поведение пользователей и предлагают фильмы, книги или музыку на основе их предпочтений. Сюда можно отнести и голосовые помощники, такие как «Алиса» или «Siri».

Сильный искусственный интеллект – это концепция, согласно которой машина обладает способностями, аналогичными человеческому разуму. Такой ИИ способен понимать, обучаться и применять знания в различных областях, решать новые задачи и адаптироваться к новым ситуациям. Он может обладать самосознанием, пониманием контекста и иметь возможность рассуждать на уровне, сопоставимом с человеческим [2]. Именно сильный ИИ представлен в таком фильме, как «Терминатор» и др.

В основном к искусственному интеллекту прибегают для того, чтобы уменьшить расходы на ту или иную услугу. Как и говорилось ранее ИИ способен предлагать готовые тексты, предлагать интересные темы или подготавливать какие-то отчеты.

Содержание

На данный момент сильный искусственный интеллект еще не существует, и его создание является предметом активных исследований и дебатов в области науки и философии среди экспертов. Они продолжают обсуждать, как избежать возможных рисков и обеспечить безопасное развитие технологий, однако они предполагают, что в ближайшем будущем скорее всего стоит ожидать устройства, которые будут

разработаны на основе сильного ИИ.

Если рассматривать ИИ как «союзника», то из основных аргументов противников использования нейросетей является способность автоматизировать рутинные задачи, которые ранее выполняли сами люди. Кроме того, использование ИИ может привести к стандартизации контента. Алгоритмы могут генерировать тысячи рекламных объявлений за считанные минуты, но они часто не способны создать уникальный и эмоциональный контент, который способен привлечь внимание потребителей. В результате реклама может стать более предсказуемой и менее привлекательной для аудитории, иными словами, не сможет найти «отклик» у аудитории.

Другими «угрозами» для рекламы может стать:

– Фальшивый контент и манипуляции. Дело в том, что с развитием технологий появляются различные боты, многие из которых уже упоминались

выше. С недавними обновлениями с их помощью можно создавать высококачественные фальшивые новости, видео и различные изображения.

– Дезинформация. В целом, можно отнести и к предыдущему пункту, однако в данном случае, может рассматриваться фальшивая рекламная кампания или, к примеру, поддельные отзывы о различных продуктах.

– Изменение восприятия рекламы. В случае, если потребители будут воспринимать потенциальную рекламу как фальшивую или увидят манипулятивный контент, который создает ИИ – это может повлиять на привлечение и удержание клиентов компаниями.

С другой стороны, искусственный интеллект способен стать мощным инструментом для специалистов в сфере рекламы. Дело в том, что уже в настоящее время ИИ способен освободить большую часть специалистов различных сфер от рутинной работы, предоставив им новые возможности для творчества. Кроме того, искусственный интеллект изначально использовался, в первую очередь, для генерации идей. На данном этапе уже существуют инструменты, которые могут предложить креативные решения на основе заданных параметров. Это может помочь командам быстрее находить вдохновение и генерировать новые идеи, что в итоге улучшает качество рекламных кампаний.

Существует пример, когда нейросети впервые использовались для создания обложки журнала «Cosmopolitan» в 2022 году. «Широкоугольный снимок снизу женщины-космонавта с атлетической и женственной фигурой, развязно идущей вперёд к объективу камеры, находясь на Марсе внутри бесконечной вселенной. В стиле синтвейв, цифровой арт» [3]. Именно так была сгенериро-

Рисунок 1. обложка журнала «Cosmopolitan», созданная нейросетью.

на обложка журнала (рис. 1).

Хоть это и первая обложка, созданная нейросетью, это не значит, что она не предполагала человеческого вмешательства. На самом деле, чтобы добиться такого результата обложка изменялась огромное количество раз и корректировалась уже не самой нейросетью, а человеком.

Получается, что ИИ в рекламе может выступать и в роли «союзника»:

- Оптимизация времени и каналов размещения. ИИ может анализировать, в какое время и на каких платформах аудитория наиболее активно реагирует на рекламу.

- Создание адаптивного контента. ИИ может автоматически генерировать различные версии рекламных объявлений, адаптируя их под конкретную аудиторию.

- Измерение эффективности. ИИ может отслеживать результаты рекламных кампаний в реальном времени, анализируя, какие объявления работают лучше, а какие — хуже.

Существуют примеры успешного

взаимодействия ИИ и известных компаний. Например, Coca-Cola уже давно использует алгоритмы для анализа потребительских предпочтений и создания персонализированного контента. Помимо этого, относительно недавно компания объявила о выходе нового напитка, вкус которого был создан совместно с ИИ. Компания также создала необычный дизайн упаковки, символизирующий «светлое будущее». Он был также создан с помощью нейросетей (рис. 2).

На данный момент существует огромное количество ботов, которые выполняют различные функции. Существует пример, когда популярная американская газета The Washington Post с 2016 года стала использовать бота Heliograf, помогающий быстрее собирать новости [4]. Изначально этого бота использовали для публикации текста, подготовленного журналистами, на различных площадках. Позже журналисты стали подготавливать базу ключевых фраз, а данный бот просто подставлял в шаблоны фразы и необ-

Рисунок 2. напиток Coca-Cola, созданный с помощью ИИ.

ходимые данные и практически сразу выдавал готовый текст.

Для компаний с ограниченным бюджетом, ИИ может быть спасением, так как использование нейросетей не предполагает больших затрат. Можно использовать такие платформы как «Magisto» и «Animoto», которые позволяют пользователям создавать видеоролики на основе загруженных материалов и заданных параметров.

Существуют примеры рекламных кампаний с участием ИИ, которые оказались провальными. В 2017 году кампания «Pepsi» использовала алгоритмы для таргетирования аудитории. Реклама была воспринята как попытка компании использовать социальные движения для продвижения своего продукта, что вызвало огромный негативный отклик. В результате Pepsi быстро сняла рекламу и извинилась [5]. Годом ранее компания «Microsoft» представила чат-бота «Tay» в «Twitter», который использовал ИИ для взаимодействия с пользователями. Однако всего через несколько часов после запуска бот начал публиковать оскорбительные и расистские сообщения, что в итоге привело к его отключению [6]. Эта ситуация продемонстрировала риски, связанные с использованием ИИ без должного контроля.

В последние годы искусственный интеллект стал неотъемлемой частью рекламной индустрии, вызывая множество дискуссий о его роли и влиянии на маркетинг. Эксперты разделились на два лагеря: одни считают ИИ потенциальной угрозой для рекламного рынка, другие — его ценным союзником. Это противоречие подчеркивает сложность и многогранность данной темы.

С одной стороны, эксперты утверждают, что использование ИИ в рекламе может привести к снижению уров-

ня креативности и оригинальности. Автоматизация процессов, таких как создание контента и таргетинг, может привести к стандартизации рекламы, что в свою очередь уменьшает её привлекательность для потребителей. Более того, существует опасение, что алгоритмы могут формировать «узкие рамки» для рекламных стратегий, основываясь на данных, которые могут не отражать разнообразие и индивидуальность самой аудитории. Это может создать риск игнорирования уникальных потребностей и предпочтений потребителей.

С другой стороны, некоторые эксперты подчеркивают потенциал искусственного интеллекта как инструмента для оптимизации рекламных кампаний. ИИ способен анализировать огромные объемы данных, выявлять тренды и предпочтения потребителей, а также прогнозировать их реакцию. Это позволяет компаниям более точно настраивать свои рекламные стратегии, повышая их эффективность и рентабельность. ИИ может значительно улучшить персонализацию рекламы, делая её более релевантной и привлекательной для целевой аудитории. Кроме того, автоматизация рутинных задач освобождает время креативным специалистам для разработки более инновационных и оригинальных концепций.

Заключение.

1. Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос о том, является ли ИИ угрозой или союзником в рекламе, не имеет пока однозначного ответа в силу «юного» возраста ИИ. Однако, заданная реальность ни в коей мере не снижает актуальности вопроса. Успехи в области научных исследований зависят от того, как именно будет

использоваться технология и какие меры будут предприняты для минимизации рисков. Важно, чтобы рекламные компании находили баланс между использованием ИИ для повышения эффективности и сохранением креативности и индивидуальности своих кампаний. Только так можно обеспечить гармоничное сосуществование технологий и человеческого креатива в мире маркетинга.

Выводы

2. Успешная интеграция ИИ и рекламы требует осознанного подхода, учитывающего как преимущества, так и возможные недостатки этой технологии.

3. Будущее рекламы с использованием ИИ остается неопределенным и многообещающим одновременно. С течением времени будет необходимо продолжать исследовать влияние ИИ на рекламную индустрию, учитывая как его возможности, так и вызовы.

4. В условиях цифровой экономики, ИИ остается хорошим инструментом в руках человека для оптимизации своих стратегий, таргетирования аудитории и даже создания контента.

Список литературы

1. Маркетологи останутся без работы, если не научатся применять новые технологии. // URL: https://www.hse.ru/news/science/246793814.html?fbclid=IwAR0vgkPL22c7lAolgi2u1_G89SQfD35sCmESigAlKorUvAGvr4Fabc0samQ (Дата обращения: 05.10.2024).
2. Горновой А.Е. Влияние искусственного интеллекта на трансформацию рынков труда // Экономика: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 ноября 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 108-115. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54816315> (Дата обращения: 08.10.2024).
3. The World's Smartest Artificial Intelligence Just Made Its First Magazine Cover. // URL: <https://www.cosmopolitan.com/lifestyle/a40314356/dall-e-2-artificial-intelligence-cover/> (Дата обращения: 10.10.2024).
4. The Washington Post's robot reporter has published 850 articles in the past year. // URL: <https://digiday.com/media/washington-posts-robot-reporter-published-500-articles-last-year/> (Дата обращения: 20.10.2024).

5. Реклама Pepsi с Кендалл Дженнер возмутила пользователей соцсетей. // URL: <https://adindex.ru/news/creative/2017/04/5/159067.phtml> (Дата обращения: 24.10.2024).
6. Тэй высказалась в поддержку геноцида и заявила, что ненавидит феминисток. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2946349> (Дата обращения: 24.10.2024).

References

1. Marketers will be left without work if they do not learn to apply new technologies. // URL: https://www.hse.ru/news/science/246793814.html?fbclid=IwAR0vgkPL22c7lAolgi2u1_G89SQfD35sCmESigAlKorUvAGvr4Fabc0samQ (05.10.2024).
2. Gornovoy A.E. The Impact of Artificial Intelligence on the Transformation of Labor Markets // Economics: topical issues of theory and PRACTICE: collection of articles from the V International Scientific and Practical Conference, Penza, November 15, 2023. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2023. P. 108-115. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54816315> (08.10.2024).
3. The World's Smartest Artificial Intelligence Just Made Its First Magazine Cover. // URL: <https://www.cosmopolitan.com/lifestyle/a40314356/dall-e-2-artificial-intelligence-cover/> (10.10.2024).
4. The Washington Post's robot reporter has published 850 articles in the past year. // URL: <https://digiday.com/media/washington-posts-robot-reporter-published-500-articles-last-year/> (20.10.2024).
5. Pepsi ad with Kendall Jenner outraged social media users. // URL: <https://adindex.ru/news/creative/2017/04/5/159067.phtml> (24.10.2024).
6. Tay spoke out in support of genocide and said that she hates feminists. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2946349> (24.10.2024).

Кангина Е.Н.

*Аспирант. Преподаватель. Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
Российский технологический университет МИРЭА.*

Компаративный анализ понятий «вовлеченность», «участие» и «партиципаторность» в социологии управления*

Аннотация. Статья посвящена теоретическому разграничению понятий «вовлеченность», «участие» и «партиципаторность» в социологии управления, что актуально в условиях антропоцентричного поворота в государственном и муниципальном управлении. На основе компаративного анализа зарубежных и российских концепций выявлены смысловые различия терминов, препятствующие их синонимизации. Научная новизна работы заключается в систематизации дефиниций через призму социологических теорий, а также в предложении четырехуровневой модели вовлечения граждан в управленческие процессы.

Ключевые слова: вовлеченность, партиципаторность, гражданское участие, антропоцентризм, управленческая парадигма, этнокультурное взаимодействие.

Kangina E.N.

*Lecturer. Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration. Russian Technological University. Postgraduate student.*

Comparative analysis of the concepts of «engagement», «involvement» and «participation» in the sociology of management

Abstract. The article is devoted to the theoretical distinction between the concepts of “engagement”, “participation” and “involvement” in the sociology of management, which is relevant in the context of the anthropocentric turn in state and municipal management. Based on a comparative analysis of foreign and Russian concepts, semantic differences in terms that prevent their synonymization are identified. The scientific novelty of the work lies in the systematization of definitions through the prism of sociological theories, as well as in the proposal of a four-level model for involving citizens in management processes.

Key words: engagement, participation, citizen involvement, anthropocentrism, management paradigm, ethnocultural interaction.

Антропоцентризм в управлении, гражданского участия, актуализирует
проявляющийся в том числе в страте- проблему терминологической точности
гиях «умных городов» и цифровизация в исследованиях взаимодействия вла-

* © Кангина Е.Н., 2025.

Компаративный анализ понятий «вовлеченность», «участие» и «партиципаторность» в социологии управления

сти и общества. В условиях полиэтничных регионов, таких как Северный Кавказ или Поволжье, неоднозначность понятий «вовлеченность», «участие» и «партиципаторность» усложняет проектирование инклюзивных управленческих моделей. В условиях роста этнокультурного многообразия РФ терминологическая точность становится ключевым фактором предотвращения конфликтов идентичности в управленческих практиках. Объект — управленческие практики в полиэтничных регионах. Предмет — терминологические различия между вовлеченностью, участием и партиципаторностью.

Гипотеза: смешение терминов «вовлеченность», «участие» и «партиципаторность» снижает эффективность коммуникации между властью и этнокультурными сообществами.

Цель статьи — преодолеть терминологическую эквивалентность через компаративный анализ концепций, выделив их эссенциальные признаки. Задачи:

1. Сопоставить трактовки терминов в зарубежной и российской науке.
2. Обосновать необходимость их разграничения в контексте этнокультурной специфики.
3. Предложить модель вовлечения граждан, учитывающую коллективность и общественно-значимый результат.

Исследование в своих теоретико-методологических основаниях опирается на:

- Символический интеракционизм (И. Гофман, Дж. Мид): вовлеченность как «поглощенность ролью» в социальных интеракциях, где жесты и символы требуют глубокой интерпретации.
- Системно-функциональный подход (Т. Парсонс): вовлеченность как

степень диффузности взаимодействия, определяющая уровень ответственности индивида.

- Феноменологию (Э. Гуссерль): связь вовлеченности с интенциональностью сознания, направленного на объект.

По И. Гофману вовлеченность: «психобиологический процесс, в котором субъект перестает, по крайней мере частично, осознавать направления своих переживаний и познавательного внимания. Это собственно означает сосредоточенность, поглощенность делом (engrossment)» [Гофман 2003: 436]. Вовлеченность в социальных интеракциях имеет важное значение – для полноценного взаимодействия субъектов необходима определенная степень вовлечения в процесс. В драматургической социологии символического интеракционизма вовлеченность «в роль» и ее интерпретация также тесно связаны с вовлеченностью, где жесты, символы, действия без должного уровня вовлеченности недостаточно эксплицитны, следовательно, стохастически интерпретируются.

В системно-функциональном подходе социальное действие выражено в его латентных или явных свойствах, породивших предысторию, контекст, сущность, характер самого действия. Вовлеченность может также быть коллективным действием или его следствием, при котором учитываются интересы, интенции, восприятия и ожидания. Согласно Т. Парсонсу, индивидуальные действия основаны на субъективном выборе индивида, а диффузность – есть «степень вовлеченности индивида в процесс взаимодействия» с разными уровнями обязанностей, которые могут быть узкими или расширенными. [Парсонс 2002: 30].

Несколько схожие взгляды прису-

щи М. Веберу [Вебер 1990], который, в свою очередь, определяет социальность действия и выделяет типы социальных действий в зависимости от субъективного смысла. Если рассматривать вовлеченность или вовлечение как действие, в нем заложена причинность: целерациональная, ценностно-рациональная, аффективная или традиционная. М. Вебер также разделяет вовлеченность «по случаю», «по совместительству» и «по профессиональной деятельности»¹.

В феноменологии индивидуум осознает и интерпретирует свой опыт в контексте окружающего мира. Это понятие можно рассматривать через призму центрального элемента феноменологии — интенциональности, которая описывает направленность сознания на объекты и явления. Э. Гуссерль понимал интенциональность как направленность сознания индивида на объект. Вовлеченность можно рассмотреть, как степень этой направленности: чем больше человек вовлечен в ситуацию, тем более значимым становится для него объект его внимания².

В зарубежных исследованиях [Barrett, Brunton-Smith 2014] вовлеченность связывают с построением долгосрочных отношений между властью и обществом, что особенно значимо в полиэтнических сообществах, где доверие определяется историко-культурный контекстом, например, это играет роль

в полиэтнических и поликонфессиональных регионах, таких как Татарстан [Дробижева 2017].

Степень влияния и ответственности вовлеченных в управление субъектов варьируется от *контекста, среды, смыслов, целей*. Вовлеченность – осознаваемое индивидами действие, которое предусмотрено для *получения результата*. Степень успешности самого акта вовлечения может измеряться тем, насколько цель вовлеченности совпадает с конечным результатом т.е. корреляция целеполагания и целеосуществления.

В связи с тем, что в настоящий момент мы наблюдаем антропоцентричный поворот в государственном и муниципальном управлении (в частности, на примере стратегий «умных городов», таких, как Москва «умный город» 2030)³ управление осуществляется в комплексной, полусубъектной среде, где *степень влияния* субъектов на конечное решение выражается в том, насколько они смогли вовлечься в осуществление той или иной управленческой деятельности.

В социальной вовлеченности наибольшее значение имеют аспекты коллективизма, степень кумулятивности (в управлении это часто соотносится с идеями М.П. Фоллет «школа человеческих отношений») и наличие общественно-значимого результата. Если в смежных науках вовлеченность также связана с сознательностью, целесообразностью, влиянием, то в социологии эти три параметра являются ее предметными областями.

Эпистемология феномена вовлеченности отражает структуру феномена,

1 Вебер М. Политика как призвание и профессия. – Перевод с немецкого и вступительная статья А.Ф. Филиппова. 2018. // URL: <https://publications.hse.ru/books/225686194> (проверено 20.12.2024)

2 Алиева Ч.Э. Феноменология: Э. Гуссерль и М.Хайдеггер. – Серия “Symposium”, Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. 2001. Выпуск 7. – Материалы научной конференции Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество. // URL: <http://anthropology.ru/ru/publishing/sankt-peterburgskoe-filosofskoe-obshchestvo> (проверено 20.12.2024)

3 Москва «умный город» 2030. // URL: <https://storage.strategy24.ru/files/strategy/201903/724ca9541151bd969b96ed594f37a103.pdf> (проверено 12.12.2024)

функционирование, развитие. В случае интенсивного вовлечения экспертных групп с большими знаниями о процессе вовлечения степень флуктуации для влияния на систему может быть недостаточен для полноценного воздействия и получения *общественно-значимого результата*.

Для понимания контекста вовлеченности необходимо обозначить теоретические различия между понятиями партисипация (партисипаторность), участие и вовлеченность.

В иностранной литературе при поиске исследований по вовлеченности граждан чаще всего встречается понятие «citizen engagement», однако также мы можем увидеть «involvement» или «participation».

Гражданская вовлеченность (citizen engagement) – это запущенный правительством процесс⁴, направленный на содействие диалогу между властями и гражданами. Он включает структурированные мероприятия, такие как общественные консультации, и направлен на построение долгосрочных отношений, гарантируя, что вклад граждан влияет на принятие решений⁵.

Гражданское участие (citizen involvement) – относится к активной роли, которую граждане принимают в гражданской деятельности, такой как голосование или волонтерство. В отличие от вовлеченности, участие часто спонтанно и сосредоточено на конкретных действиях, а не на постоянном диалоге.

Участие как participation⁶ охватыва-

ет как участие, так и вовлеченность, но подчеркивает активный вклад граждан в демократические процессы, включая как формальные, так и неформальные действия, которые формируют жизнь сообщества.

Таким образом, в иностранных источниках данные понятия разведены и относимы к различным аспектам, в то время как в российских исследованиях дифференциация и обособление терминов выявляется не всеми авторами, а зачастую участие, вовлеченность или партисипаторность используются в качестве синонимов в едином контексте на протяжении всего исследования.

Однако, некоторые авторы разделяют понятия и дают определения, позволяющие выявить эссенциальность и однозначность понятий. Н.Н. Ивашиненко определяет партисипаторность как «ориентацию на то, что граждане имеют или должны иметь право голоса в процессе принятия жизненно важных решений <...> действия людей и социальных институтов зависит от более широкого контекста и применения принципов партисипаторной демократии» [Ивашиненко 2011: 24]. С.Б. Абрамова разграничивает участие и партисипацию так: «вопрос оценочного контекста – наиболее важен в обосновании необходимости использования термина «партисипация» вместо понятия «участие» <...> «нельзя предполагать, что участие – само по себе позитивно направленное явление». Участие – оценка целей и результатов, а партисипация – культура соучастия, коллективная позитивная целесообразность [Абрамова 2022: 4-14]. Так,

processes // URL: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/oecd-guidelines-for-citizen-participation-processes_37f3a389-en?sessionid=AQ_3891Ys-BQpdeKA-7owvbFr7w2-6pW8zGUubp0_ip-10-240-5-73 (проверено 08.12.2024)

4 Citizen Engagement vs. Participation: What is the Main Difference? // URL: <https://www.instantinput.com/blog/citizen-engagement-vs-participation?t> (проверено 12.12.2024)

5 Citizen Engagement Vs. Participation: What Is it? // URL: <https://newsroom.delib.net/citizen-engagement-vs-participation-difference/?t> (проверено 12.12.2024)

6 OESD library. – Citizen participation

С.Б. Абрамова выделяет включенность, культуру соучастия, достижение целей и ответственность за будущее как основные идеи партисипации [Абрамова: 2023].

Участие как понятие – это наличие интенций участвовать в развитии объекта, голосование за инициативы, выражение мнения. Частота и регулярность участия варьируется, оно может быть как однократным, так и регулярно повторяющимся. В.В. Маленков разделяет участие и вовлеченность следующим образом: гражданское участие представляется как деятельностный аспект, а гражданская вовлеченность как когнитивно-коммуникативный аспект [Маленков 2023: 102-103]. Так, участие – это конкретные действия в публичном поле, а вовлеченность есть включенность в это поле.

Мы полагаем, что *вовлеченность граждан в управление* являет собой социальную инициативность и активную деятельность в принятии значимых управленческих решений при том, что их действия коллективны, сознательны, эмоционально подкреплены, взаимосвязаны и направлены на совместный общественно-значимый результат, влияющий на конечное субъективное благополучие.

Мы выделяем 4 механизма (уровня) вовлечения граждан в принятие управленческих решений:

А) Власть включает граждан в процессы разработки решений.

Б) Власть включает граждан в процессы принятия решений.

В) Власть включает граждан, которые предложили решение, в процессы их исполнения.

Г) Власть включает граждан в процессы принятия результатов исполненных решений.

В российских регионах наиболее

важной проблемой является само восприятие вовлеченности горожанами и сознательное сокращение собственных функций до уровня информирования (по Ш.Арноштейн это 3-й уровень вовлечения из 8 возможных) [Савинкина, Нечетный 2021].

Различия в интерпретации вовлеченности и партисипаторности ярко проявляются в полиэтничных регионах России, где управленческие практики тесно связаны с историко-культурными традициями.

В республиках Северного Кавказа (например, Дагестан, Чечня) вовлеченность граждан в управление часто опирается на институты традиционного самоуправления, такие как *джамааты* [Дробижева, 2017]. Например, в проектах по благоустройству сельских территорий решения принимаются на сходах, где ключевую роль играют старейшины. Это демонстрирует, как *партисипаторность* здесь трансформируется в синтез современных управленческих инструментов и этнокультурных норм коллективизма. Однако, как отмечает Л.М. Дробижева, «вовлеченность молодежи в такие процессы остается низкой из-за разрыва между традиционными и цифровыми форматами коммуникации» [Дробижева, 2017: 89]. Символический интеракционизм И. Гофмана объясняет, как этнические символы (напр., ритуалы джамаатов в Дагестане) формируют вовлеченность через коллективную интерпретацию ролей.

В Республике Татарстан антропоцентричная парадигма управления реализуется через цифровые платформы, такие как «Народный контроль», где граждане предлагают инициативы по улучшению городской среды. Однако, как показывает исследование С.Б. Абрамовой, в татарстанских прак-

тиках участие часто сводится к формальному голосованию, тогда как *вовлеченность* (включение в исполнение решений) остается прерогативой экспертных групп [Абрамова, 2022: 10]. Это создает дисбаланс в полиэтничном регионе, где запрос на соучастие русскоязычного и татароязычного населения различается.

В Якутии вовлечение коренных малочисленных народов в управление природными ресурсами регулируется законом «О кочевых родах». Однако, как отмечает А.Н. Пименов, «партиципаторность здесь ограничивается консультациями, тогда как реальное влияние на решения сохраняется за административными элитами» [Пименов, 2020: 45]. Это подтверждает тезис о необходимости четкого разведения *участия* (формальные консультации) и *вовлеченности* (включение в исполнение). В Бурятии (Улан-Удэ) проекты «умного города» акцентируют вовлеченность граждан через этнокультурные фестивали (например, «Сагаалган»). Однако, как подчеркивает Е.В. Бадараева, «этнический компонент часто используется как инструмент пиара, не обеспечивая системной интеграции бурятских сообществ в управление» [Бадараева, 2021: 112].

Так, в таблице 1 мы видим как тер-

минологические различия реализуются на практике. Так, в полиэтничных регионах следует дифференцировать форматы вовлечения: для Северного Кавказа — опора на традиционные институты (джамааты), для Якутии — включение КМНС в исполнение решений через квоты.

Несмотря на близость понятия *партиципация* и *вовлеченность*, мы разделяем их и полагаем, что *партиципация* это скорее культура соучастия в позитивной коннотации, в то время как *вовлеченность* – процесс, который подразумевает конкретные социальные действия, которые могут приносить различные результаты. *Партиципация* – термин, который также привносит свои модели культуры соучастия, в то время как *вовлеченность* – более широкое, когнитивно-коммуникативное понятие, которое включает в себя участие, инициативность, мотивацию, интерес, социальную ответственность.

Одно из релевантных определений *вовлеченности* – это взаимодействие горожан с управляющей подсистемой как «конституирующий элемент современного гражданского общества, который создает социальный капитал для продвижения общественно-значимых проектов» [Sommerfeldt 2013: 347-367].

Вовлеченность – это «совокупность

Таблица 1. Примеры вовлеченности, участия и партиципаторности в регионах России.

Понятие	Сущность	Пример из региона
Вовлеченность	Когнитивно-коммуникативная включенность	Цифровые консультации в Татарстане
Партиципаторность	Культура соучастия	Традиционные сходы в Дагестане
Участие	Ситуативные действия	Волонтерство на фестивале «Сагаалган» (Бурятия)

различных форм поведения и социо-когнитивных компонентов: ценности социальной ответственности, неформальная помощь, политические убеждения, гражданские навыки, экологическое поведение, волонтерство, намерения при голосовании и потребление новостей» [Wray-Lake, Metzger, Syvertsen 2017 : 266-284]. В полиэтничных регионах России это проявляется через специфические практики. Например, в Дагестане неформальная помощь (такая как взаимоподдержка в джамаатах) сочетается с экологическими инициативами по сохранению горных пастбищ, что отражает синтез традиционных ценностей и современных экологических установок [Дробижева, 2017: 89]. В Якутии вовлеченность коренных народов в управление природными ресурсами включает не только экологическое поведение, но и передачу этнических знаний о кочевых маршрутах, что, однако, редко учитывается в формальных стратегиях [Пименов, 2020: 48].

В узком смысле вовлеченность определяется как «социо-когнитивные элементы, определяемые преимущественно психологическими терминами, такими как заинтересованность, внимание, мотивация, убеждения, взгляды, чувства, эмоции». [Barrett, Brunton-Smith 2014: 5–28]. Эти компоненты имеют выраженную этнокультурную специфику. Так, в Бурятии мотивация к участию в этнофестивалях (например, «Сагаалган») связана с эмоциональной привязанностью к традициям, но, как отмечает Е.В. Бадараева, «эта вовлеченность редко трансформируется в системное влияние на управление из-за отсутствия механизмов включения этнических эмоций в процесс принятия решений» [Бадараева, 2021: 114]. В Татарстане заинтересованность русскоязычного и татароязычного населения

в цифровых платформах («Народный контроль») различается: первые чаще фокусируются на урбанистических проектах, вторые — на сохранении культурного наследия, что требует дифференциации управленческих подходов [Абрамова, 2022: 12].

Участие, в отличие от вовлеченности, трактуется как «совместное политическое и гражданское действие» [Barrett, Brunton-Smith 2014: 7]. Однако в российских реалиях, как показывает пример Москвы, даже в продвинутых проектах «умного города» участие часто сводится к уровню «информирования» по лестнице Арнштейна [Савинкина, Нечетный, 2021: 15]. В северокавказских регионах участие в традиционных сходах (например, в Чечне) сохраняет высокую символическую значимость, но не гарантирует влияния на решения, оставаясь ритуалом легитимации власти [Губогло, 2003: 76].

Заключение

Мы полагаем, что последующие теоретические и практические исследования должны учитывать смысловые различия в понятиях, в особенности это касается тех исследований, которые изучают вовлеченность граждан. Проведенный компаративный анализ подтвердил необходимость четкого разделения понятий «вовлеченность», «участие» и «партисипаторность» в социологии управления.

– **Вовлеченность** трактуется как когнитивно-коммуникативный процесс, включающий мотивацию, эмоции и социальную ответственность.

– **Участие** сводится к конкретным действиям в публичном поле, часто ситуативным и формализованным.

– **Партисипаторность** представляет собой культуру соучастия, акцентирующую коллективную ответствен-

ность и долгосрочные отношения. Смешение этих терминов, характерное для российских исследований, ведет к размыванию феноменов и снижает эффективность управленческих стратегий в полиэтнических регионах.

Мы выделяем 3 фактора в исследовании вовлеченности: *кумулятивность, коллективность и общественно-значимый результат*. Также в статье представлены 4 механизма (уровня) вовлечения граждан в принятие управленческих решений на этапе *разработки, принятия, исполнения, результатов*.

Предложенная четырехуровневая модель вовлечения (разработка, принятие, исполнение, оценка решений) позволяет:

- Интегрировать этнокультурные нормы в управленческие процессы (напр., квотирование представителей КМНС в рабочих группах в Якутии).

- Преодолевать формализм участия через включение граждан на всех этапах (напр., оценка результатов проектов «умного города» в Москве).

- Усиливать доверие между властью и полиэтническими сообществами за счет прозрачности механизмов.

На примере Северного Кавказа, Татарстана, Якутии и Бурятии выявлено, что интерпретация вовлеченности и партисипаторности тесно связана с историко-культурными традициями:

- В Дагестане вовлеченность опирается на институты джамаатов, но ограничена разрывом между традиционными и цифровыми практиками.

- В Якутии партисипаторность коренных народов в управлении природными ресурсами остается риторической, несмотря на законодательные инициативы.

- В Татарстане дисбаланс в вовлеченности русскоязычного и татароя-

зычного населения требует адаптации цифровых платформ под культурные запросы. Эти кейсы демонстрируют, что универсальные модели вовлечения неприменимы без учета этнической специфики.

Разграничение понятий «вовлеченность», «участие» и «партисипаторность» — не только теоретическая, но и практическая задача. В условиях роста этнокультурного многообразия России оно становится условием предотвращения конфликтов идентичности и повышения эффективности диалога между властью и обществом. Региональная специфика должна стать основой для проектирования гибких управленческих стратегий, сочетающих современные технологии с традиционными ценностями. Перспективным направлением исследований может стать анализ влияния цифровых платформ на партисипаторные практики в регионах с высокой этнической мозаичностью, например, анализ влияния цифровизации на партисипаторные практики в условиях этнокультурной мозаичности (на примере Урала и Сибири).

Список литературы

1. Абрамова С.Б. Цифровая партисипация: концептуализация понятия в зарубежной практике гражданской активности. – Цифровая социология / Digital Sociology. 2022. № 5 (4). С. 4-14. // URL: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-4-4-14>
2. Абрамова С.Б. Цифровая партисипация поколения Z как инструмент реализации мобилизационной функции гражданского общества: направления, виды и социальная эффективность. 2023. // URL: <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>
3. Бадараева Е.В. . Этнокультурный брендинг vs реальное участие: парадоксы вовлеченности в полиэтнических регионах. – Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 3. С. 110-125.
4. Вебер М. Основные социологические понятия. – Вебер М. Избранные произведения. 1990. – М.: Прогресс.
5. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН. 2003.С. 436.
6. Губогло М.Н. . Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. 2003. – М.: Наука.
7. Дробижина Л.М. Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики. – М.: Инсти-

- тут социологии РАН, 2017. 320 с.
8. Иващенко Н. Н. Диагностика потенциала внедрения механизма общественного участия для преодоления бедности: модели и реальность. – Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 1 (21). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-potentsiala-vnedreniya-mehanizma-obschestvennogo-uchastiya-dlya-preodoleniya-bednosti-modeli-i-realnost>
 9. Маленков В. В. Профили гражданской активности молодежи: опыт участия, вовлеченность, ценности. – Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2023. №4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profil-grazhdanskoy-aktivnosti-molodezhi-opyt-uchastiya-vovlechenost-tsennosti>
 10. Мандрикова Е.А., Горбунова А.А. Взаимосвязь увлеченности работой, личностных ресурсов и удовлетворенности трудом сотрудников. – Организационная психология. 2012. Т. 2. № 4. С. 2-22.
 11. Парсонс Т. О структуре социального действия. – Изд. 2-е. 2002. – М.: Академический Проект.
 12. Пименов А.Н. Участие коренных малочисленных народов Севера в управлении природными ресурсами: региональный аспект // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44-52.
 13. Савинкина Е.Ю., Нечетный Н.Ю. Исследование российского опыта реализации концепции «умный город» // StudNet. 2021. № 6. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-rossiyskogo-opyta-realizatsii-kontseptsii-umnyy-gorod> (Дата обращения: 04.02.2025).
 14. Barrett M., & Brunton-Smith I. Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective. – Journal of Civil Society, 2014. № 10 (1). P. 5-28.
 15. Schaufeli W., Bakker A. Utrecht Work Engagement Scale: Preliminary Manual. – Occupational Health Psychology Unit. – Utrecht Netherlands. 2003.
 16. Sommerfeldt E. Online Power Resource Management: Activist Resource Mobilization, Communication Strategy, and Organizational Structure. – Journal of Public Relations Research. 2013. Vol. 25. Issue 4. P. 347-367.
 17. Wray-Lake L., Metzger A., Syvertsen A.K. Testing multidimensional models of youth civic engagement: Model comparisons, measurement invariance, and age differences. – Applied Developmental Science, 2017. № 21(4). P. 266-284.
 - Russian Academy of Sciences. 2003. P. 436.
 6. Guboglo M.N. Identification of identity: Ethnological essays. 2003. – М.: Science.
 7. Drobizheva L.M. Ethnicity in modern Russia: ethnopolitics and social practices. – М.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2017. 320 p.
 8. Ivashchenko N.N. Diagnostics of the potential for implementing a public participation mechanism to overcome poverty: models and reality. – Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2011. № 1 (21). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-potentsiala-vnedreniya-mehanizma-obschestvennogo-uchastiya-dlya-preodoleniya-bednosti-modeli-i-realnost>
 9. Malenkov V. V. Profiles of youth civic activity: experience of participation, involvement, values. – Bulletin of Perm University. Series: Political Science. 2023. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profil-grazhdanskoy-aktivnosti-molodezhi-opyt-uchastiya-vovlechenost-tsennosti>
 10. Mandrikova E.A., Gorbunova A.A. The relationship between work passion, personal resources and employee job satisfaction. – Organizational Psychology. 2012. Vol. 2. № 4. P. 2-22.
 11. Parsons T. On the structure of social action. – 2nd ed. 2002. – М.: Academic Project.
 12. Pimenov A.N. Participation of indigenous peoples of the North in natural resource management: regional aspect // Sociological studies. 2020. № 5. P. 44-52.
 13. Savinkina E.Yu., Netchetny N.Yu. Study of the Russian experience of implementing the “smart city” concept // StudNet. 2021. № 6. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-rossiyskogo-opyta-realizatsii-kontseptsii-umnyy-gorod> (02.04.2025).
 14. Barrett M., & Brunton-Smith I. Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective. – Journal of Civil Society, 2014. № 10 (1). P. 5-28.
 15. Schaufeli W., Bakker A. Utrecht Work Engagement Scale: Preliminary Manual. – Occupational Health Psychology Unit. – Utrecht Netherlands. 2003.
 16. Sommerfeldt E. Online Power Resource Management: Activist Resource Mobilization, Communication Strategy, and Organizational Structure. – Journal of Public Relations Research. 2013. Vol. 25. Issue 4. P. 347-367.
 17. Wray-Lake L., Metzger A., Syvertsen A.K. Testing multidimensional models of youth civic engagement: Model comparisons, measurement invariance, and age differences. – Applied Developmental Science, 2017. № 21(4). P. 266-284.

References

1. Abramova S.B. Digital participation: conceptualization of the concept in foreign practice of civic engagement. – Digital Sociology / Digital Sociology. 2022. № 5 (4). P. 4-14. // URL: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-4-4-14>
2. Abramova S.B. Digital participation of generation Z as a tool for implementing the mobilization function of civil society: directions, types and social efficiency. 2023. // URL: <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>
3. Badaraeva E.V. . Ethnocultural branding vs. real participation: paradoxes of engagement in multiethnic regions. – Journal of Sociology and Social Anthropology. 2021. Vol. 24. № 3. Pp. 110-125.
4. Weber M. Basic sociological concepts. – Weber M. Selected works. 1990. – М.: Progress.
5. Goffman I. Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience. – М.: Institute of Sociology of the

Зарянова А.С.

Руководитель проектов департамента по внешним коммуникациям
ООО «Яков и Партнёры», соискатель ученой степени кандидата социологических наук.
Институт государственной службы и управления Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИГСУ РАНХиГС).

Коммуникационная стратегия в реализации эффективного антикризисного PR-реагирования*

Аннотация. Современное общество переживает значительные социально-экономические трансформации, вызванные глобализацией, информатизацией и усилением роли массовых коммуникаций. В таких условиях PR становится важным инструментом управления общественным мнением и адаптации компаний к изменяющейся среде. Возрастающая конкуренция, снижение уровня контроля над информационными потоками, превалирование эмоциональной составляющей информационных поводов над фактологией ставит перед профессиональным сообществом новый вызов: минимизация возникновения кризисных ситуаций и снижение репутационного урона при реализации кризиса. Несмотря на наличие большого количества инструментов, направленных на преодоление кризисных ситуаций, автор полагает, что ключевую роль в преодолении кризисов играет коммуникационная стратегия. В данной статье автором систематизирована теоретическая и прикладная база, обосновывающая превентивную роль выстроенной коммуникационной стратегии во время кризисных ситуаций.

Ключевые слова: коммуникации, коммуникационная стратегия, антикризисное реагирование, кризис, PR.

Zaryanova A.S.

*Project Manager of the Department of External Communications of Yakov and Partners LLC,
Candidate of Sciences in Sociology, Department of Public Relations and Media Policy,
Institute of Public Administration and Management
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.*

Communication strategy in the implementation of an effective anti-crisis PR response

Abstract. Modern society is undergoing significant socio-economic transformations caused by globalization, informatization and the increasing role of mass communications. In such circumstances, PR becomes an important tool for managing public opinion and adapting companies to a changing environment. Increasing competition, a decrease in the level of control over information flows, and the predominance of the emotional component of information over factual issues pose a new challenge to the professional community: minimizing the occurrence of crisis situations and reducing reputational damage during the crisis. Despite the availability of a large number of tools aimed at overcoming crisis situations, the author believes that a commu-

* © Зарянова А.С., 2025.

Коммуникационная стратегия в реализации эффективного антикризисного PR-реагирования

nication strategy plays a key role in overcoming crises. In this article, the author systematizes the theoretical and applied framework that substantiates the preventive role of a built communication strategy during crisis situations.

Key words: communications, communication strategy, anti-crisis response, crisis, PR.

Коммуникационный аспект кризиса

Термин «кризис» имеет широкий спектр определений, включая такие действия, как стихийные бедствия и личные проблемы [1]. В контексте организационного управления термин «кризис» следует сузить до организационных кризисов, происходящих в организациях, таких как корпорации и некоммерческие организации. Кумбс определяет организационный кризис как значительную угрозу деятельности или репутации организации, которая при неправильном подходе может иметь негативные последствия для заинтересованных сторон и/или организации в целом. Поэтому в PR кризисные ситуации имеют решающее значение, так как возникает необходимость в немедленном и эффективном применении PR-инструментов, адекватных конкретной ситуации. Этот вид PR относится к экстремальным требованиям немедленного реагирования на кризисную ситуацию, возникшую посредством коммуникации.

Майкл Регистер, один из ведущих экспертов в области антикризисного управления, одним из первых обратил внимание на коммуникационную составляющую кризиса. Он считал, что кризис – это событие, привлекающее всеобщее внимание к компании, потенциально неблагоприятное для национальных и международных СМИ и других групп, таких как клиенты, акционеры, сотрудники и их семьи, политики, профсоюзы и группы эко-

логического давления, которые по той или иной причине имеют законный интерес к компании. деятельность организации [2].

По словам американского эксперта по связям с общественностью Фрейзера Ф. Сейтела, вмешательство прессы, так называемая медиатизация, превращает проблему в кризис и ставит коммуникацию на первое место в антикризисном управлении, поскольку реальность события стирается способами его представления разными сторонами и его восприятием [3].

Таким образом, кризис – это ситуация, которая произошла и не может быть изменена, что приводит к необходимости немедленно начать «лечение» в информационной плоскости. Следовательно, существует настоятельная необходимость управлять общественными представлениями о произошедшем событии, следуя определенным рекомендациям относительно деятельности по связям с общественностью в критические для предприятия периоды [4, С. 28]. Рассматривая современные связи с общественностью как коммуникативную функцию менеджмента, с помощью которой организации адаптируются к окружающей среде для достижения целей своего существования, можно утверждать, что кризис в контексте PR – это прежде всего чрезвычайная ситуация, которая также нарушает сложившуюся организационную структуру как коммуникационная система, созданная внутри компании с целью обновления организации и по-

иска более совершенных форм коммуникации, направленных на дальнейшее развитие организации и ее оптимальную адаптацию к окружающей среде.

Современные эксперты выделяют следующие факторы повышения степени сложности и неизбежности кризиса:

1) ускорение изменений в социальной, экономической и политической жизни общества;

2) нехватка времени и средств для оценки событий и поиска адекватных решений проблемы;

3) усложнение структуры коммерческого управления, что делает эту систему еще более уязвимой.

Анализируя природу кризиса, Саймон Бут [5] утверждает, что кризис – это скорее открытие новых возможностей и высвобождение инновационных идей, чем проблема. Среди положительных последствий кризисных ситуаций наиболее значимыми как для руководящего состава, так и для сотрудников являются приобретение опыта и появление предпосылок для развития персонала за счет предоставленной возможности выявления и реализации индивидуальных качеств, которые могут способствовать их карьерному росту, а для руководителей – за счет совершенствования структуры и принципов работы компании. функционирование предприятия. В свою очередь, негативные последствия могут быть разнообразными: от дестабилизации ситуации на несколько дней до ликвидации предприятия.

Положительные или отрицательные последствия кризисной ситуации требуют разработки и реализации определенных антикризисных решений, т.е. осуществления антикризисного управления, которое специфично и существенно отличается в условиях каждого отдельного предприятия.

Однако следует также подчеркнуть, что сам кризис не носит конструктивного характера (по своей сути, он деструктивен); дело в том, что кризис создает предпосылки для конструктивных действий со стороны управленческого персонала, который должен отреагировать на ситуацию переформатированием деятельности компании с целью преодоления кризиса. кризис. Функционирование предприятия всегда определяется взаимодействием его организационной и производственной, финансовой и ресурсной составляющих, которые определяют текущее состояние предприятия, результаты его деятельности и способность предотвращать и преодолевать кризисные явления.

Как справедливо отмечает Лербингер [6], кризисные ситуации могут быть сгруппированы по характеру их возникновения, а именно: техногенные кризисы, конфронтационные кризисы, события, вызванные злонамеренным антиобщественным поведением, управленческие кризисы, а также те, которые представляют другие угрозы для организации. Поэтому под кризисной ситуацией мы понимаем событие, вызванное воздействием внешних или внутренних факторов, которое приводит к изменению условий деятельности организации, чрезмерному вниманию со стороны средств массовой информации и другой общественности, а также негативно сказывается на имидже и репутации организации.

С кризисной ситуацией трудно справиться из-за нескольких факторов, в том числе из-за ее новизны. Возникновение кризиса – это новая ситуация, и компания и ее руководители могут оказаться не готовы к ней. Еще одной трудностью в управлении кризисом является его динамичность.

Кризис – это событие, которое характеризуется нехваткой времени у персонала для реагирования на ситуацию. С его динамичным развитием можно справиться только в том случае, если реакция команды будет еще более динамичной. Иногда успех зависит от тщательно разработанного предварительного плана устранения и нейтрализации кризиса.

Более того, есть определенные признаки, указывающие на то, что кризис наступил и усиливается. Если компания отреагирует на эти признаки квалифицированно и своевременно, потеря общественного доверия не будет столь разрушительной для предприятия, которое, будучи динамичной системой, постоянно развивается и меняется. Таким образом, своевременное принятие решений по предотвращению кризисных ситуаций с помощью прогнозирования может изменить стадию жизненного цикла предприятия.

Антикризисное реагирование и преимущества его реализации с коммуникационной стратегией

Выявление, управление и преодоление кризисных ситуаций относится к сфере деятельности специалистов по связям с общественностью. Эти мероприятия проводятся с целью предотвращения кризисов и преодоления кризисных ситуаций путем внедрения соответствующей системы мер. Изучив работы, посвященные проблеме управления кризисами в организациях, можно выделить следующие меры, которые должны быть приняты в кризисных ситуациях:

1. Идентификация кризиса и анализ репутационных рисков. В первую очередь при возникновении кризиса страдает репутация и имидж компании. Согласно определению О.С. Виханско-

го, «имидж организации – множество распространенных представлений об особенностях, специфических качествах и чертах, присущих организации» [7, С. 45]. Ф. Котлер пишет, что имидж организации – это общественное мнение об организации в целом, а также о производимых ею товарах или предоставляемых услугах [8, С. 125].

2. Разработка стратегии антикризисного реагирования совместно с руководством, включая этапы стратегии.

3. Реализация PR-программ путем налаживания коммуникаций с широкой общественностью и целевыми аудиториями.

Любая кризисная ситуация должна быть преодолена без прекращения основной деятельности компании (организации), что существенно влияет на отношение сотрудников к кризису и его восприятие во внешней среде. В этом процессе важно, чтобы конкретный человек, желательно из числа высшего руководства, отвечал за общение с прессой и общественностью и обладал полномочиями, которые позволяли бы не только излагать чьи-то мысли, но и высказывать собственные взгляды на события, процессы и действия. Также желательно, чтобы сфера компетенции такого лица была определена заранее.

На основании вышеизложенного можно утверждать, теория управления кризисами предполагает, что антикризисное PR-реагирование не должно влиять на работоспособность организации, должно быть реализовано в кратчайшие сроки, а также должно основываться на глубинной информации о деятельности компании.

Таким образом, эффективное преодоление кризисных ситуаций через коммуникационные инструменты невозможно без наличия обширной базы знаний о внутренней и внешней среде

организации, которая систематизирована и проанализирована заранее – до появления признаков кризиса. То есть речь о наличии стратегического документа, который бы отражал имидж бренда, его «голос» и среду. Именно таким документом является коммуникационная стратегия.

Под коммуникационной стратегией понимается опирающаяся на общую стратегию социального субъекта долгосрочная сбалансированная по ресурсам программа достижения стратегических целей субъектов через информационно-коммуникационные взаимодействия с внешней и внутренней средой [9, С. 65]. Разработка коммуникационной стратегии предполагает базирование на маркетинговой, креативной и медиа стратегиях.

Основополагающим элементом коммуникационной стратегии является маркетинг. Маркетинговая стратегия (построение бренда) базируется на анализе целевой аудитории, конкурентах, продукте организации, что позволяет сформулировать сильные и слабые стороны, выстроить портрет потенциального покупателя, а также результаты данного анализа ложатся в дальнейшем в основу принципов позиционирования и коммуницирования компании. К действиям на данном этапе можно отнести глубинные интервью, PEST и SWOT анализ, анализ позиции на рынке и медиаприсутствия.

Креативная стратегия формирует образ бренда и модель восприятия. На основе полученных благодаря маркетинговому исследованию данных о целевой аудитории, рынке и среде креативная группа формирует ключевую идею, которая будет привлекать внимание целевой аудитории и будет соответствовать ключевым принципам компании, которые были сформиро-

ваны ещё на этапе идеи бренда. Таким образом, формируется позиционирование компании, ключевые сообщения коммуникационной стратегии и контент-политика.

В рамках медийной стратегии происходит определение каналов коммуникации, рекламных носителей, через которые будет доноситься информация до целевой аудитории для достижения стратегической цели. В результате формируется контент-план, бюджет коммуникационной стратегии в краткосрочной и долгосрочной перспективе, план мероприятий и медиа-показатели для оценки эффективности.

Результатом разработки коммуникационной стратегии является стратегический документ, который отражает суть бренда, его риски, а также имеющиеся возможности (см. рисунок 1). Данная информация является основополагающей для преодоления кризисных ситуаций, так как превентивное знание сокращает время реагирования и снижает уровень неопределенности.

Для повышения уровня доказательной базы в пользу эффективности синергии коммуникационной стратегии и антикризисного менеджмента предлагается пошагово рассмотреть процесс преодоления реальной кризисной ситуации без наличия коммуникационной стратегии и без данного документа.

Компаний А будет являться производителем чая, у которого есть пресс-служба, но нет коммуникационной стратегии. В такой ситуации пресс-службы чаще всего работают над отработкой входящих запросов и реализации внутренних операционных функций: подготовка пресс-релизов и контента для своих медиа, подготовка анализа медиаприсутствия, обработка запросов от СМИ.

Компанией Б будет являться производитель чая с разработанной коммуникационной стратегией, то есть стратегическими документами, активным пониманием информационного поля и рынка.

В качестве примера предлагается взять кризисный информационный повод, возникший в силу регуляторных действий. Роспотребнадзор при проверке обнаружил в некоторых марках чая пестициды и выдал предостережения компаниям для устранения этого нарушения. Результаты надзорной деятельности были переданы в СМИ, и на основе документов написан материал, который говорит о том, что крупные производители чая не отвечают за качество своей продукции и потребители под угрозой, среди которых компании А и Б. Данная ситуация является прямым кризисом, который наносит урон репутации компании, снижает доверие к бренду, потенциально может повлиять на бизнес-показатели. Порядок дей-

ствий компаний А и Б представлены в таблице 1.

Представленное моделирование реагирования в кризисной ситуации дает несколько конкурентных преимуществ работы пресс-службы с коммуникационной стратегией, среди которых:

1. Сокращение времени анализа.

Наличие коммуникационной стратегии позволяет существенно сократить первый этап антикризисного реагирования «анализ», так как стратегический документ уже содержит информацию о ценностных характеристиках бренда, его «голосе» и стейкхолдерах.

2. Минимизация времени реализации антикризисной кампании.

Как ранее было сказано, согласно теории кризисов самое главное в успешном преодолении таких ситуаций – оперативное реагирование. При отсутствии коммуникационной стратегии компании необходимо определить стейкхолдеров, свою целевую аудиторию, целевые каналы коммуникации, дого-

Рис. 1. Содержательные элементы коммуникационной стратегии.

Источник: составлено автором на основе изученного материала.

Таблица 1. Моделирование реагирования компании А и Б на кризисную ситуацию.

	Компания А (нет коммуникационной стратегии)	Компания Б (есть коммуникационная стратегия)
Этап 0. Предпосылки	выход новости в СМИ	
	получение информации о негативном информационном поводе из мониторинга	
Этап 1. Анализ	идентификация кризиса	
	анализ возможных репутационных рисков, целевых аудиторий, ценностных негативных последствий для компании	
	создание антикризисной рабочей группы	
Этап 2. Разработка стратегии	определение стейкхолдеров, которые могут поспособствовать успешному преодолению кризиса	
	определение публичной позиции, исходя из проведенного анализа ценностей бренда	
	анализ доступных каналов коммуникации для разработки стратегии PR-реагирования	
	согласование антикризисной стратегии и ключевого сообщения	
Этап 3. Реализация PR-компании	проведение переговоров со стейкхолдерами для включения в антикризисную компанию	
	проведение переговоров с коммуникационными каналами для размещения ключевого сообщения	
	размещение ключевого сообщения в своих и внешних каналах с привлечением стейкхолдеров	
Этап 4. Рефлексия (дополнительный)		корректировка коммуникационной стратегии, исходя из новых приоритетов и потенциальных рисков

Источник: составлено автором на основе изученного материала.

вориться о сотрудничестве, в то время как медийный блок коммуникационной стратегии уже содержит данную информацию. Поэтому реализации антикризисной стратегии компанией Б было существенно короче.

3. Предусмотрена рефлексия. Так как коммуникационная стратегия – стратегический документ, такие ситуации как кризисы оставляют след на репутации компании, могут повлиять на круг стейкхолдеров, изменить ценност-

ные акценты. Постризисная рефлексия обязательна в данном случае и позволяет пресс-службе зафиксировать данные изменения в стратегическом документе, что так же является превентивной мерой для минимизации последующий кризисов.

Заключение

В системе предупреждений и предотвращения кризисных ситуаций непосредственную роль играет коммуникационная стратегия: она помогает не только выявлять внешние и внутренние факторы, которые стимулируют возникновение кризиса, а также играет превентивную роль в управлении кризисами (в том числе удержание или повышение позиций компании на рынке). Разработанная коммуникационная стратегия помогает минимизировать влияние ряда рисков на положение организации, способствует выходу из кризисных ситуаций, а также формирует дальнейший механизм реагирования и преодоления кризиса.

Список литературы

1. Coombs W. Ongoing crisis communication: Planning, managing, and responding (4th ed.). Thousand Oaks, CA: Sage., 2015. 256 p.
2. Regester M., Larkin J. Risk Issues and Crisis Management in Public Relations: A Casebook of Best Practice (4th ed.). – London: Kogan Page Publishers, 2008. 245 p.
3. Seitel F. The Practice of Public Relations (13th ed.). Harlow: Pearson Education Ltd, 2017. 454 p.
4. Корягина Н.Д. Антикризисное управление: учебник и практикум для вузов / Н.Д. Корягин [и др.]; под редакцией Н.Д. Корягина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 28.
5. Booth S. Crisis Management Strategy. Competition and Change in Modern Enterprises. London: Routledge, 2015. 314 p.
6. Lerbinger O. The Crisis Manager: Facing Risk and Responsibility. New Jersey: Erlbaum, 1997. 400 p.
7. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: учебник / О.С. Виханский, А.И. Наумов. – 5е изд. стереотип. – М.: Магистр: ИНФРАМ, 2014. С. 45.
8. Kotler Philip, Wong Veronika, Saunders John, Armstrong Gary. Principles of Marketing. – European edition 7th. – Pearson Prentice Hall, 2016. С. 125.
9. Гавра Д.П. Понятие и характеристики коммуникационной стратегии / Российская школа связей с общественностью ред., Том 15 – СПб.: 2019. С. 65-66.

References

1. Coombs W. Ongoing crisis communication: Planning, managing, and responding (4th ed.). Thousand Oaks, CA: Sage., 2015. 256 p.
2. Regester M., Larkin J. Risk Issues and Crisis Management in Public Relations: A Casebook of Best Practice (4th ed.). – London: Kogan Page Publishers, 2008. 245 p.
3. Seitel F. The Practice of Public Relations (13th ed.). Harlow: Pearson Education Ltd, 2017. 454 p.
4. Koryagina N.D. Anti-crisis management: a textbook and practical training for universities / N.D. Koryagin [et al.]; edited by N.D. Koryagin. – 2nd ed., revised. and additional. – Moscow: Publishing House Yurait, 2024. P. 28.
5. Booth S. Crisis Management Strategy. Competition and Change in Modern Enterprises. London: Routledge, 2015. 314 p.
6. Lerbinger O. The Crisis Manager: Facing Risk and Responsibility. New Jersey: Erlbaum, 1997. 400 p.
7. Vikhansky O.S., Naumov A.I. Management: textbook / O.S. Vikhansky, A.I. Naumov. – 5th ed. stereotype. – M.: Magistr: INFRAM, 2014. P. 45.
8. Kotler Philip, Wong Veronika, Saunders John, Armstrong Gary. Principles of Marketing. – European edition 7th. – Pearson Prentice Hall, 2016. P. 125.
9. Gavra D.P. Concept and characteristics of communication strategy / Russian School of Public Relations ed., Vol. 15 – St. Petersburg: 2019. P. 65-66.

Насипова С.Б.

*Руководитель центра повышения квалификации и дополнительного образования
НАО «Кызылординский университет имени Коркыт Ата», Республика Казахстан.*

Коллективная ответственность как основа устойчивого развития: от локальных сообществ к глобальным инициативам*

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли коллективной ответственности в достижении устойчивого развития на различных уровнях – от локальных сообществ до глобальных инициатив. Авторы рассматривают, как совместные усилия государств, международных организаций, бизнеса и гражданского общества могут способствовать решению современных социальных, экологических и экономических проблем. Особое внимание уделяется вопросам распределения обязанностей, ресурсов и вызовов, возникающим в условиях глобализации. Статья предлагает практические рекомендации для укрепления коллективной ответственности и повышения эффективности взаимодействия между различными акторами.

Ключевые слова: коллективная ответственность, развитие, глобализация, локальные сообщества, международное сотрудничество, социальные проблемы, экологические вызовы, экономическое развитие, распределение ресурсов.

Nasipova S.B.

*Head of the Center for Advanced Training and Additional Education
of the NAO "Korkyt Ata Kyzylorda University".*

Collective responsibility as the basis for sustainable development: from local communities to global initiatives

Abstract. The article explores the role of collective responsibility in achieving sustainable development at various levels, from local communities to global initiatives. The authors examine how the joint efforts of states, international organizations, businesses, and civil society can address modern social, environmental, and economic challenges. Special attention is paid to the distribution of responsibilities, resources, and the challenges arising in the context of globalization. The article offers practical recommendations for strengthening collective responsibility and improving the effectiveness of collaboration among various actors.

Key words: collective responsibility, sustainable development, globalization, local communities, international cooperation, social issues, environmental challenges, economic development, resource allocation.

* © Сторчак М.В., 2025.

Сакральные сюжеты гражданской религии в СССР

В условиях глобализации и усиления взаимозависимости между странами и регионами, коллективная ответственность становится ключевым принципом для решения сложных трансграничных проблем. Современные вызовы, такие как изменение климата, социальное неравенство, экономические кризисы и пандемии, требуют скоординированных усилий на международном, национальном и локальном уровнях. Коллективная ответственность подразумевает не только распределение обязанностей между различными акторами, но и формирование механизмов взаимодействия, которые позволяют эффективно управлять общими ресурсами и достигать целей устойчивого развития.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска новых подходов к управлению глобальными процессами, которые учитывают как интересы отдельных государств, так и потребности мирового сообщества в целом. В последние десятилетия концепция коллективной ответственности получила развитие в рамках международного права, экологической политики и социальных наук. Однако, несмотря на значительный прогресс в этой области, остаются нерешенными вопросы, связанные с неравномерным распределением ресурсов, различиями в уровнях развития стран и отсутствием единых стандартов взаимодействия.

Целью данной статьи является анализ роли коллективной ответственности в достижении устойчивого развития, а также выявление ключевых механизмов и барьеров, влияющих на эффективность совместных действий. В рамках исследования рассматриваются как теоретические аспекты коллективной ответственности, так и практические примеры ее реализации

в различных контекстах – от локальных инициатив до глобальных проектов.

Методологическая основа исследования включает анализ научной литературы, международных документов и кейсов, связанных с коллективной ответственностью. Особое внимание уделяется междисциплинарному подходу, который позволяет интегрировать знания из области экологии, экономики, социологии и политологии [5].

Статья структурирована следующим образом: в первой части рассматриваются теоретические основы коллективной ответственности, во второй – анализируются практические примеры ее реализации, а в заключении предлагаются рекомендации для укрепления механизмов взаимодействия между различными акторами.

Таким образом, данное исследование вносит вклад в развитие научного понимания коллективной ответственности и предлагает практические решения для повышения ее эффективности в условиях глобальных вызовов.

Коллективная ответственность как концепция имеет глубокие корни в философии, этике и социальных науках. Она предполагает, что отдельные индивиды, группы или государства несут совместную ответственность за результаты своих действий, особенно когда эти действия влияют на общественное благо. В условиях глобализации эта концепция приобретает новое звучание, поскольку многие современные проблемы, такие как изменение климата или экономические кризисы, не могут быть решены в рамках одной страны или региона. Теоретики, такие как Ханна Арендт и Джон Ролз, подчеркивали, что коллективная ответственность требует не только осознания взаимозависимости, но и готовности к совместным действиям.

Однако реализация коллективной ответственности на практике сталкивается с рядом вызовов. Одним из ключевых является проблема «безбилетника» (*free-rider problem*), когда некоторые участники получают выгоду от общих усилий, не внося свой вклад. Это особенно актуально в контексте международного сотрудничества, где страны с разным уровнем развития и ресурсов могут иметь неравные возможности для участия в глобальных инициативах.

Примером успешной реализации коллективной ответственности на глобальном уровне являются Парижское соглашение по климату и Цели устойчивого развития ООН (ЦУР) [1]. Эти инициативы объединяют усилия государств, международных организаций и гражданского общества для решения таких проблем, как сокращение выбросов парниковых газов, борьба с бедностью и обеспечение доступа к чистой воде. Однако даже в этих случаях возникают сложности, связанные с выполнением обязательств. Например, некоторые страны могут откладывать реализацию экологических мер из-за экономических трудностей или политических разногласий.

В последние годы все большее внимание уделяется роли бизнеса и гражданского общества в реализации коллективной ответственности. Корпорации, особенно транснациональные, обладают значительными ресурсами и влиянием, что делает их важными участниками глобальных процессов. Например, многие компании внедряют принципы устойчивого развития в свои бизнес-модели, сокращая углеродный след и поддерживая социальные проекты. Однако критики отмечают, что такие инициативы часто носят поверхностный характер и не всегда приводят к значимым изменениям.

Гражданское общество, в свою очередь, играет crucial роль в продвижении коллективной ответственности через образование, активизм и общественный контроль. Некоммерческие организации и grassroots-движения часто выступают инициаторами изменений, привлекая внимание к проблемам, которые игнорируются на государственном уровне. Например, движения за климатическую справедливость, такие как Fridays for Future, демонстрируют, как коллективные действия могут влиять на глобальную повестку.

Несмотря на значительный прогресс, коллективная ответственность продолжает сталкиваться с серьезными вызовами. Одним из них является отсутствие единых стандартов и механизмов контроля, что приводит к неравномерному выполнению обязательств. Кроме того, глобальные кризисы, такие как пандемия COVID-19, показали, что даже в условиях острой необходимости сотрудничество между странами может быть затруднено из-за политических и экономических разногласий.

Тем не менее, перспективы коллективной ответственности остаются значительными. Развитие технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект, открывает новые возможности для повышения прозрачности и эффективности совместных действий. Кроме того, растущая осведомленность общества о глобальных проблемах способствует формированию культуры ответственности, которая выходит за рамки национальных границ.

Современные технологии играют всё более важную роль в реализации принципов коллективной ответственности. Например, блокчейн-технологии позволяют создавать прозрачные системы отслеживания выполнения обязательств, что особенно актуально в

контексте экологических и социальных проектов [4]. Искусственный интеллект и big data помогают анализировать большие объемы информации, выявляя закономерности и прогнозируя последствия коллективных действий. Эти инструменты не только повышают эффективность управления, но и способствуют укреплению доверия между участниками, что является ключевым фактором успеха любой совместной инициативы.

Однако внедрение технологий также сопряжено с рисками. Например, цифровое неравенство может усугубить существующие дисбалансы, если доступ к технологиям будет ограничен для некоторых стран или сообществ. Кроме того, использование данных требует соблюдения строгих стандартов конфиденциальности и безопасности, что может стать дополнительным барьером для участия в глобальных проектах.

Коллективная ответственность не может быть реализована без учета культурных и этических особенностей различных сообществ. В разных странах и регионах существуют свои традиции, ценности и подходы к решению проблем, что может как способствовать, так и препятствовать совместным действиям [6]. Например, в некоторых культурах акцент делается на индивидуальной ответственности, что может затруднить восприятие коллективных инициатив.

Этические вопросы также играют важную роль. Коллективная ответственность предполагает справедливое распределение обязанностей и ресурсов, но на практике это часто приводит к конфликтам. Например, развитые страны, которые исторически внесли большой вклад в загрязнение окружающей среды, не всегда готовы брать на себя пропорциональную от-

ветственность за решение экологических проблем [2]. Это подчеркивает необходимость разработки этических принципов, которые бы учитывали как исторический контекст, так и текущие возможности участников.

Одним из ключевых факторов успешной реализации коллективной ответственности является образование. Формирование осознанного отношения к глобальным проблемам должно начинаться на ранних этапах обучения. Школы, университеты и образовательные программы могут играть важную роль в распространении знаний о принципах устойчивого развития, коллективной ответственности и важности международного сотрудничества.

Просвещение также должно быть направлено на широкую общественность. Медиа, социальные сети и общественные кампании могут способствовать повышению осведомленности о глобальных вызовах и мотивировать людей к участию в коллективных действиях. Например, кампании по сокращению использования пластика или поддержке локальных производителей демонстрируют, как индивидуальные усилия могут влиять на глобальные процессы [3].

Коллективная ответственность, как принцип взаимодействия в условиях глобализации, становится не просто теоретической концепцией, а необходимым инструментом для решения сложных трансграничных проблем. Современные вызовы, такие как изменение климата, социальное неравенство, экономические кризисы и пандемии, демонстрируют, что ни одно государство, организация или сообщество не способно справиться с ними в одиночку. Только через совместные усилия и распределение обязанностей можно достичь значимых результатов в обе-

спечении устойчивого развития и общественного блага.

В данной статье были рассмотрены ключевые аспекты коллективной ответственности, начиная с ее теоретических основ и заканчивая практическими примерами реализации. Было показано, что коллективная ответственность требует не только осознания взаимозависимости, но и готовности к компромиссам, справедливому распределению ресурсов и созданию эффективных механизмов взаимодействия. Одним из ключевых выводов исследования является необходимость учета локальных особенностей при реализации глобальных стратегий. Локальные сообщества, будучи основными исполнителями многих инициатив, часто сталкиваются с недостатком ресурсов и поддержки. Это подчеркивает важность создания механизмов, которые бы обеспечивали равное участие всех заинтересованных сторон, включая малые страны и развивающиеся регионы.

В заключение можно сказать, что коллективная ответственность – это не только вызов, но и возможность. Возможность создать мир, в котором страны, организации и люди работают вместе ради общего блага. Несмотря на существующие барьеры, такие как политические разногласия, экономическое неравенство и культурные различия, потенциал коллективных действий огромен. Успешная реализация этого принципа требует комплексного подхода, который объединяет усилия всех заинтересованных сторон и учитывает как глобальные, так и локальные аспекты.

Только через совместные усилия, взаимное доверие и готовность к компромиссам можно преодолеть глобальные вызовы и создать условия для устойчивого будущего. Коллективная

ответственность – это не просто концепция, это призыв к действию, который актуален как никогда в условиях современного мира.

Список литературы

1. Абдирайымова Г.С. Устойчивое развитие и экологические вызовы в Казахстане: проблемы и перспективы. Алматы: аза университеті, 2019.
2. Исаков Б.Т. Роль гражданского общества в формировании коллективной ответственности: казахстанский опыт. Вестник КазНУ им. аль-Фараби, серия «Социология», 2021. № 2.
3. Калиева А.Р. Коллективная ответственность в контексте экологической политики Казахстана. Журнал «Экология и устойчивое развитие», 2022. № 3.
4. Нурмагамбетов А.К. Глобализация и коллективная ответственность: опыт Казахстана в международных инициативах. Астана: Издательство ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2020.
5. Пелевин С.И. Технологизация общества как фактор социокультурных изменений. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 4. С. 387-392.
6. Пелевин С.И. Социальные противоречия технологизации и ее роль в современном обществе. Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 1-1. С. 176-181.

References

1. Abdiraimova G.S. Sustainable Development and Environmental Challenges in Kazakhstan: Problems and Prospects. Almaty: Kazakh University, 2019.
2. Isakov B.T. The Role of Civil Society in Forming Collective Responsibility: Kazakhstan's Experience. Bulletin of Al-Farabi Kazakh National University, Sociology Series, 2021. № 2.
3. Kaliyeva A.R. Collective Responsibility in the Context of Kazakhstan's Environmental Policy. Ecology and Sustainable Development Journal, 2022. № 3.
4. Nurmagambetov A.K. Globalization and Collective Responsibility: Kazakhstan's Experience in International Initiatives. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University Publishing House, 2020.
5. Pelevin S.I. Technologization of society as a factor of socio-cultural changes. News of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2019. Vol. 19. № 4. P. 387-392.
6. Pelevin S.I. Social contradictions of technologization and its role in modern society. Context and reflection: philosophy about the world and man. 2023. Vol. 12. № 1-1. P. 176-181.

Динамика традиционных социальных отношений в Китае - распад «Общество дальних родственных отношений»*

Аннотация. Родственные отношения в китайском обществе состоят из кровных и брачных отношений, основанных на клановых отношениях. По сравнению с европейским регионом, структура личных родственных отношений в Китае более обширна и включает в себя три клановых отношения с отцом, матерью и супругом. С развитием социального индивидуализма в Китае «дальние родственные отношения» в родственных отношениях постепенно приходят в упадок, а другие родственные отношения в клане, кроме ближайших родственников, постепенно теряют свою значимость. Это явление «разделения дальних родств» проявляется главным образом в «явлении уменьшения связей между дальними родственниками, уменьшения передвижения и постепенного отчуждения». Причины этого изменения в основном связаны с изменением индивидуальных жизненных привычек, увеличением различий между поколениями в научно - техническом развитии, трансформацией и изменением социальной структуры. Явление «разделения дальних родств» вызывает различные положительные и отрицательные эффекты и побуждает общество к необходимости правильного здорового «дальнего родства».

Ключевые слова: китайский клан, дальние родственники, китайское общество, индивидуализм.

The dynamics of traditional Chinese social relations: the dissolution of the 'distant relatives society'

Abstract. Kinship in Chinese society consists of blood relations and marriage relations based on clan relationships. Compared to the European region, the personal kinship structure in China is more extensive, including three types of clan relationships with father, mother, and spouse. With the development of individualism in Chinese society, the "distant relatives" in kinship relationships have gradually declined, and other clan relationships besides direct relatives have also gradually lost their meaning. This phenomenon of 'distant relative separation' is mainly manifested in the reduction of distant relative relationships, decreased mobility, and gradual estrangement. The main reasons for this change are changes in personal living habits, the expansion of intergenerational differences in technological development, and the transformation and changes in social structure. The phenomenon of 'distant relative separation' can have various positive and negative effects, and promote the need for a correct and healthy 'distant relative relationship' in society.

Key words: Chinese clans, distant relative, Chinese society, individualism.

* © Сунь Чао, 2025.

Динамика традиционных социальных отношений в Китае - распад «Общество дальних родственных отношений»

I. ВВЕДЕНИЕ

1. Предыстория исследования

Статья 1045 Гражданского кодекса Китайской Народной Республики предусматривает, что супруги, родители, дети, братья и сестры, бабушки и дедушки по отцовской линии, бабушки и дедушки по материнской линии, внуки и внучки являются близкими родственниками. С этой точки зрения, дальние родства в Китае в основном состоят из родственников по отцовской, материнской и брачной линии, за исключением братьев и сестер, супругов и ближайших родственников [9, с. 24-25].

С низовой точки зрения традиционные дальние родственные отношения в Китае классифицируются и делятся на кланы как группы. Клан - это группа однородовых родственных связей по отцовской линии, состоящая из брака и кровного родства. из одного или нескольких мужчин в качестве племенного происхождения, в соответствии с отношениями, унаследованными от отца и сына, развивается в виде дерева вниз, а порядок в клане определяется кровным родством [9, с. 7-10]. Возьмем, к примеру, китайские имена, которые делятся на две части: «фамилия» и «имя». Среди них «имя» - это символ, который дает каждому конкретное имя для того, чтобы различать отдельных людей, и является признаком, который отличает индивидуальные различия между людьми через языковую и текстовую информацию. С другой стороны, «фамилия» является символом и символом, представляющим семейные кровные отношения человека, и новорожденный ребенок в семье должен наследовать «фамилию» отца, то есть члены одной семьи имеют общую «фамилию». Эта общая «фамилия» свидетельствует о том, что члены одного и того же клана, как правило, связаны

родственными узами и имеют общую генеалогию для записи и передачи информации внутри клана и, таким образом, для определения правил внутри клана и авторитета и статуса различных членов клана [1]. На основе клановой системы дальние родственники человека происходят главным образом из клана, к которому принадлежат отец, мать и супруг, и на этой основе дальние родственники делятся на: родственников по отцовской линии, родственников по материнской линии, родственников по брачной линии.

Термин «разлучение по дальним родством» буквально может быть проанализирован как акт разрыва родства на социальном уровне. Феномен «разлуки дальних родственников» в китайском обществе впервые был предложен в документе Ху Сяову, доцента социального факультета Нанкинского университета в Китае, опубликованном в 2022 году под названием «Явление разлуки дальних родственников среди молодежи: почему это происходит? куда идти?» [2]. Как социологический термин, «разлучение дальних родственников» означает феномен, когда современные молодые люди ленивы, пренебрегают взаимодействием с родственниками, не являющимися близкими родственниками, что приводит к уменьшению контактов между дальними родственниками и уменьшению передвижения, что, в свою очередь, приводит к постепенному отчуждению между дальними родственниками [3].

II. Анализ причин разлучения дальних родственников

1. Социальные преобразования и социальные перемены

С 21-го века, с ускорением процесса урбанизации в Китае, большое количество сельского населения переме-

стилось в города, и к концу 2022 года уровень урбанизации в Китае достиг 65,22%. Согласно открытым статистическим данным Государственного статистического управления Китая, за последние два десятилетия, то есть в 2004 - 2023 годах, темпы роста общей численности населения Китая составили 8,45%, а среднегодовые темпы роста - 0,43%. Среди них темпы роста постоянного населения в городах и поселках составили 71,82%, среднегодовые темпы роста - 2,89%, в сельской местности - 36,99%, среднегодовые темпы роста - 2,40%. По мере того, как значительная часть сельского населения перемещается в города, традиционные клановые структуры и социальные связи разрушаются, а молодые люди, имеющие кровные или клановые связи, перестают жить в одной деревне или общине, что приводит к постепенному ослаблению эмоциональных связей между молодыми людьми и дальними родственниками [4]. В то же время люди, мигрирующие в города, должны сталкиваться с изменениями в социальных отношениях, а геополитические отношения, возникающие в сельской местности в результате возделывания земли или жилья, не могут действовать в городах. Городские жители зарабатывают себе на жизнь профессиональной деятельностью, что создает профессиональные социальные отношения, ориентированные на работу. В обществах, связанных с земельными отношениями, социальные отношения людей основываются главным образом на географическом положении или географической близости, а родственники в клане часто живут в одной и той же группе, связанной с земельными отношениями [5]. Важное место в обществах, связанных с земельными отношениями, занимают отношения дальнего родства, и люди

часто поддерживают тесные связи с дальними родственниками, проживающими поблизости. Профессиональные отношения Общество уделяет больше внимания профессиональным и трудовым отношениям. В обществе профессиональных отношений социальные отношения людей в основном основаны на работе или профессии, родство имеет относительно низкую важность в профессиональном обществе, в сочетании с быстрым темпом и высоким стрессом городской жизни, занятые люди, уделяя внимание профессиональному развитию и потребностям в работе, связь с дальними родственниками может стать бременем.

2. Различия в отношениях между поколениями и ценностях

Различия в отношениях между поколениями и ценностях являются важными причинами феномена «разлуки дальних родственников». С быстрым развитием общества между молодыми людьми и старшими поколениями существуют огромные различия в мышлении. Поскольку большинство современных дальних родственников не живут в одном и том же сообществе в течение длительного времени, они часто не живут в одной и той же географической группе, и условия их работы, возраста и жизни часто сильно различаются, что приводит к различным ценностям между ними. Между дальними родственниками с различными ценностями и отношениями между поколениями могут возникать противоречия из-за проблем общения, жизненных проблем или отсутствия общего понимания одного и того же события. В повседневном общении люди старшего поколения могут уделять больше внимания традиционным представлениям, семейным обязанностям и групповым интересам. Молодые люди нового по-

коления, как правило, уделяют больше внимания свободе, независимости и самореализации. Нередко между ними возникают противоречия из-за различий в ценностях и социальных потребностях, таких как принуждение к вступлению в брак, образование, работа и другие вопросы [7]. Когда возникают противоречия или конфликты, родственники в разных поколениях часто подчеркивают и просят друг друга согласиться с их точкой зрения в разных идеях мышления, что может привести к недоразумениям или противоречиям. Возникновение подобных противоречий или конфликтов затрудняет общение между дальними родственниками с различными мыслительными взглядами, отсутствие общих ценностей и социальных устремлений, а также различные варианты и взгляды в отношении общих вещей или их обсуждения, что затрудняет установление глубоких эмоциональных связей.

3. Образ жизни в новую эпоху и влияние СМИ

Современные люди, как правило, имеют более быстрый темп жизни и большее рабочее давление. Молодые люди, как новая социально интегрированная группа, сталкиваются с целым рядом проблем, таких как покупка дома, покупка автомобиля, брак, образование детей и т. Д., Ограниченное время и энергия, и в этом случае становится все труднее поддерживать тесные контакты с дальними родственниками, и возможности встретиться или связаться постепенно уменьшаются, что приводит к размыванию отношений. Современное общество уделяет больше внимания независимости и самостоятельности людей, новое поколение молодых людей уделяет больше внимания своей карьере, учебе и социальной жизни [10], они меньше зависят от род-

ства, что приводит к их относительно небольшому взаимодействию с дальними родственниками. Кроме того, существуют различия в продолжительности рабочего времени, хобби и времяпрепровождении между родственниками разных возрастов, которые могут привести к тому, что у них будет меньше общих тем, что, в свою очередь, приведет к трудностям в общении.

В эпоху цифровых технологий выбор образа жизни разнообразен, а информация и развлечения занимают свободное время. Распространение цифровых социальных сетей привело к тому, что больше молодых людей склонны общаться с друзьями через Интернет и заводить «друзей в Интернете». Цифровое общество в определенной степени заменяет общение лицом к лицу, позволяя людям легче общаться с дальними людьми через Интернет, но также уменьшая возможности для живого взаимодействия с родственниками, что приводит к отчуждению дальних родственников. Кроме того, молодые люди могут быть более знакомы с новым поколением технологических продуктов и продуктов, связанных с Интернетом, и чаще использовать их по сравнению с пожилыми людьми, в то время как люди старшего поколения менее восприимчивы к новым технологиям, что может привести к сокращению общих тем между родственниками разных возрастов и повлиять на отношения друг с другом.

III. Анализ последствий явления разлучения дальних родственников

1. Уменьшение социальной активности может сопровождаться большей концентрацией на личной жизни

Отношения с дальними родственниками являются частью социального процесса человека, и общение и взаи-

модействие с дальними родственниками могут принести людям больше социальных возможностей и более широкие межличностные отношения, и в процессе общения с дальними родственниками мы можем познакомиться с их друзьями, коллегами или другими людьми в разных социальных кругах. Но если социальные отношения между дальними родственниками прерываются или отчуждаются, это часто приводит к соответствующему сокращению взаимодействия и общения между людьми и другими людьми, связанными с дальними родственниками, что приводит к сужению диапазона личных социальных сетей. Но в то же время это прерывание или отчуждение социальных отношений между дальними родственниками также расширяет развитие личных отношений на других уровнях общества. Социальная сфера человека зависит не только от отношений с дальними родственниками, но и от работы, жизни, интересов и хобби. Раскол между дальними родственными отношениями вычитает определенные нежелательные социальные отношения и устраняет принудительные социальные отношения, вызванные родственными отношениями в общественной жизни.

Причина, по которой человек в некоторых случаях предпочитает прерывать социальные или отчужденные отношения с конкретным дальним родственником, обычно заключается в том, что он чувствует себя нездоровым, дисгармоничным или тратит слишком много энергии и денег в процессе общения, что приводит к отсутствию счастья в процессе общения и даже влияет на повседневную жизнь. Благодаря разлучению с дальними родственниками люди могут избирательно поддерживать контакты с дальними родствен-

никами, которые могут оказать положительное влияние, и в то же время сокращать контакты с другими дальними родственниками. Таким образом, люди получают больше времени и энергии, чтобы сосредоточиться на том, что им нравится, улучшить свое личное счастье и качество жизни и построить социальные отношения, которые соответствуют их собственным ценностям.

2. Уменьшение эмоциональной поддержки при одновременном снижении ненужных противоречий

Под влиянием традиционного жизненного опыта родственники часто играют важную роль в нашей повседневной жизни, предоставляя нам эмоциональную поддержку, комфорт и заботу. Эта эмоциональная поддержка имеет решающее значение для психического здоровья и социального благополучия человека. Это может помочь нам справиться с вызовами, стрессами и трудностями в нашей жизни, обеспечивая чувство безопасности и принадлежности [6]. Когда мы прерываем социальные или отчужденные отношения с дальними родственниками, мы можем чувствовать себя одинокими после того, как дальние родственники расстанутся из-за отсутствия внимания и поддержки со стороны дальних родственников в определенный момент времени. Кроме того, из-за влияния традиционных культурных идей «разлученные» могут нести моральные обвинения из-за отчуждения от дальних родственников. Такие обвинения могут исходить из различных источников, таких как члены семьи, общественное мнение или другие лица, придерживающиеся традиционных культурных взглядов.

Поскольку родственники, связанные с дальними родственниками, часто не могут полностью понять друг друга, между дальними родственниками часто

существует разрыв между поколениями из-за различий в возрасте, профессии и образе жизни. Надлежащее отчуждение позволяет избежать конфликтов между дальними родственниками, возникающих из-за разногласий, и уменьшить противоречия, возникающие из-за различий в ценностях. Что касается экономических интересов, то разделение дальних родственников может уменьшить экономические споры между дальними родственниками по таким вопросам, как заимствование и распределение имущества, и избежать таких противоречий. В то же время ненужное общение между дальними родственниками может также вызвать сравнение между родственниками, вызывая чувство ревности, неудовлетворенности или неполноценности. Кроме того, проблемы, возникающие внутри семьи или связанные с неприкосновенностью частной жизни, могут также приводить к нежелательным противоречиям между дальними родственниками. Явление «разлуки дальних родственников» может в определенной степени уменьшить ненужные противоречия и помочь людям избавиться от ненужных проблем.

IV. Стратегии и рекомендации по решению проблемы разлучения дальних родственников

1. Развитие здоровой культуры родства

Родная культура, представленная клановой культурой, является частью традиционной культуры и играет важную роль в построении и формировании общества. Пропаганда традиционных идей клановой культуры способствует укреплению индивидуального чувства принадлежности к клану, а также развитию отношений между родственниками путем ознакомления людей с историей и традициями

своего клана. На социальном уровне пропаганда традиционной культуры этикета также помогает облегчить возникновение явления «разлуки дальних родственников». Пропагандируя хорошие качества, такие как уважение, вежливость и скромность в традиционной культуре, люди учатся уважать и жить в гармонии друг с другом и уменьшают противоречия в отношениях между родственниками. Для людей старшего поколения они должны научиться принимать идеи молодежи и адаптироваться к изменениям в обществе. Понимание взглядов людей на родство и жизненные проблемы в новую эпоху путем прослушивания вместо того, чтобы упорно придерживаться традиционного мышления. Молодые люди должны научиться правильно относиться к своим родственникам старше, должны понимать их и заботиться о них, относиться к ним с уважением [8]. Благодаря заботе старших и уважению старших к старшим поколениям вновь формируем чувство идентичности и ответственности за отношения с дальними родственниками и уменьшаем явление «разлуки дальних родственников».

2. Инновационные формы родственного общения

Поскольку у родственников разных возрастов и в разных жизненных условиях могут быть разные ценности и образ жизни, при общении с дальними родственниками необходимо научиться слушать, понимать и проявлять терпимость, уважать различия друг друга, сохранять открытость и дружелюбие и избегать ссор и конфликтов из-за разных взглядов. Перед лицом противоречий и недоразумений научитесь мыслить по-другому, выражая свои взгляды и идеи искренним и скромным образом, активно искать решения проблем. В повседневной жизни люди,

как молодые, так и старшие, должны уважать неприкосновенность частной жизни других людей, не вмешиваться в их жизнь, уважать их выбор и решения и не бессовестно опровергать или вмешиваться в их действия или идеи из-за различий в их взглядах. Каждый человек, как член группы родственников, должен поощрять общение между старшими и старшими, молодыми и пожилыми людьми, а содействие общению между родственниками разных поколений может уменьшить противоречия, вызванные непониманием. В процессе общения старшие могут делиться своим опытом и мудростью, а младшие - своими взглядами и талантами, благодаря которым они могут почувствовать тепло от своих родственников.

V. ВЫВОДЫ

Феномен «разделения дальних родственников» является реальной проблемой современного китайского общества. Это связано с изменениями в социальной структуре, вызванными быстрым развитием китайского общества в последние годы, различиями в отношениях между поколениями, изменениями в образе жизни и воздействием цифровой эпохи. Явление «разлуки дальних родственников» - это не разрыв отношений между дальними родственниками, а отказ молодых людей от традиционных этических полномочий вмешиваться в личную жизнь, вызванный различными социальными факторами. Это проявляется, в частности, в постепенном отчуждении индивида от своих дальних родственников, сознательно или бессознательно, под влиянием внешних факторов. Это явление «разлуки дальних родственников» позволяет отдельным из них повышать качество своей личной жизни при сокращении социальных сетей

и уменьшать ненужные противоречия при снижении эмоциональной поддержки. Проблема, возникающая в связи с феноменом «разлучения по дальним родствам», заключается в том, что родственное общество, представленное клановым обществом, больше не отвечает потребностям общества новой эпохи, а суть проблемы заключается в том, что традиционные родственные отношения не соответствуют нынешнему обществу. Основное внимание в статье уделяется выявлению, анализу и решению проблем, исправлению недостатков в традиционных родственных отношениях, решению неблагоприятных проблем, существующих в родственном обществе, представленном клановым обществом, посредством целенаправленной стратегии, устранению феномена «разделения дальних родств» при сохранении и обновлении родственного общества, представленного клановым обществом. Путем продвижения культуры родства, инноваций в методах родства, укрепления соответствующего образования, чтобы устранить явление «разлуки дальних родственников» в обществе, создать здоровые и хорошие родственные отношения.

Список литературы

1. Чжоу Сяоци. Содержание и ценность исследования теории родовой генеалогии в Китае // Исследование социальной истории. 2023. № 1. С. 258-292.
2. Ху Сяову. Молодежь «разлучила родственников»: почему это произошло? Куда? / Ху Сяову, Хань Тяньцзе // Китайские молодежные исследования. 2022. № 5. С. 37-43. - DOI 10.19633/j.cnki.11-2579/d.2022.0063.
3. Чэнь Юхуа. «разлучила родственников»: концепции, проблемы и размышления / Чэнь Юхуа, Цзун Хао // Журнал Янчжоуского университета (версия гуманитарных и социальных наук). 2023. № 3. С. 69-85. - DOI 10.19411/j.cnki.1007-7030.2023.03.006.
4. Ни Цзясинь. Структура родственных социальных отношений и сбой человеческого капитала - исследование по вопросам занятости уволенных работников с высоким человеческим капиталом в северо-восточных городах в 1990-х годах // Социальные науки Шаньдуна. 2020. № 2. С. 173-179. - DOI 10.14112/j.cnki.37-1053/c.2020.02.028.

5. Ян Вэньцзе. Приобретение земли и пространственная идентичность местных китайских иммигрантских групп - Возьмем группу D в уезде Хайюань в качестве примера // *Этнологический сборник*. 2024. № 2. С. 63-71. – DOI 10.16023/j.cnki.cn64-1016/c.2024.02.008.
6. Иванова А.Я. Специфика концепта «семья» в русской и китайской лингвокультурах (на примере пословиц о семье) // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2019. № 7 (63). С. 33-38.
7. Цзюй С. Китайская традиционная культура брака в современном обществе // *Сотрудничество России и Китая в сфере образования, культуры и туризма в XXI в.: возможности и перспективы* : Сборник статей / Российско-Китайский Центр сравнительных социальных, экономических и политических исследований направления «Социология» СПбГУ; Студенческое научное общество «Социология в России и Китае» СПбГУ. – Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2019. С. 80-84.
8. Саракеева Э.А. Демографическая политика КНР и модель взаимоотношений детей и родителей в пост-традиционном китайском обществе // *Гуманитарные исследования*. 2010. № 3 (35). С. 6-10.
9. Сафин Т.А. Линидж: антропологическая теория в исторических исследованиях (на примере Китая) // *Общество и государство в Китае*. 2021. Т. 51. № 40-1. С. 5-36. – DOI 10.31696/9785907384699-2021-51-1-005-036.
10. Раднаева К.А. Гендерные отношения в семейной культуре Китая // *Байкальские встречи - VIII: Историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития: Материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 11–13 сентября 2014 года* / Ответственный редактор Пшеничникова Р.И.. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2014. С. 239-243.
- gy. 2019. № 7 (63). P. 33-38.
7. Ju S. Chinese traditional culture of marriage in modern society // *Cooperation between Russia and China in education, culture and tourism in the 21st century: opportunities and prospects: Collection of articles* / Russian-Chinese Center for Comparative Social, Economic and Political Research in the field of "Sociology" of St. Petersburg State University; Student Scientific Society "Sociology in Russia and China" of St. Petersburg State University. – Saint Petersburg: Center for Scientific and Production Technologies "Asterion", 2019. P. 80-84.
8. Sarakaeva E.A. Demographic Policy of the PRC and the Model of Relationships between Children and Parents in Post-Traditional Chinese Society // *Humanitarian Studies*. 2010. № 3 (35). P. 6-10.
9. Safin T.A. Lineage: Anthropological Theory in Historical Research (on the Example of China) // *Society and State in China*. 2021. Vol. 51. № 40-1. P. 5-36. – DOI 10.31696/9785907384699-2021-51-1-005-036.
10. Radnaeva K.A. Gender relations in the family culture of China // *Baikal meetings - VIII: Historical and cultural heritage of the region as a factor in socio-economic development: Proceedings of the international scientific and practical conference, Ulan-Ude, September 11-13, 2014* / Editor-in-chief Pshenichnikova R.I. – Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture, 2014. P. 239-243.

References

1. Zhou Xiaoji. The Content and Value of the Study of the Theory of Clan Genealogy in China // *Social History Research*. 2023. № 1. P. 258-292.
2. Hu Xiaowu. Young People "Separated Relatives": Why Did This Happen? Where? / Hu Xiaowu, Han Tianjie // *Chinese Youth Studies*. 2022. № 5. P. 37-43. – DOI 10.19633/j.cnki.11-2579/d.2022.0063.
3. Chen Yuhua. "Separated Relatives": Concepts, Problems, and Reflections / Chen Yuhua, Zong Hao // *Journal of Yangzhou University (Humanities and Social Sciences Version)*. 2023. № 3. P. 69-85. – DOI 10.19411/j.cnki.1007-7030.2023.03.006.
4. Ni Jiaxin. The Structure of Kinship Social Relationships and Human Capital Failures - A Study on the Employment of Dismissed Workers with High Human Capital in Northeastern Cities in the 1990s // *Shandong Social Sciences*. 2020. № 2. P. 173-179. – DOI 10.14112/j.cnki.37-1053/c.2020.02.028.
5. Yang Wenjie. Land Acquisition and Spatial Identity of Local Chinese Immigrant Groups - Take Group D in Haiyuan County as a Case Study // *Ethnological Digest*. 2024. № 2. P. 63-71. – DOI 10.16023/j.cnki.cn64-1016/c.2024.02.008.
6. Ivanova A.Ya. Specifics of the concept "family" in Russian and Chinese linguacultures (on the example of proverbs about family) // *Society: sociology, psychology, pedagogy*.

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

Лукинова И.А.*Кандидат философских наук, преподаватель.
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь.*

Человек и общество в дебрях современного информационного пространства: фило- софский ракурс*

Аннотация. В статье представлено философское исследование феномена информационно-социальных и информационно-антропологических перемен взаимодействия и взаимосвязи мирового Целого и его частей. Проведен анализ с использованием холистской и конструктивистской парадигм. Рассмотрены причины изменения информационного пространства, информационного общества, социальных связей и отношений.

Ключевые слова: информационное пространство, холистская парадигма, конструктивистская парадигма, информационное общество.

Lukinova I.A.*Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, North-Caucasus Federal University, Stavropol.*

Man and society in the wilds of modern information space: a philosophical perspective

Abstract. The article presents a philosophical study of the phenomenon of information-social and information-anthropological changes of interaction and interrelation of the world Whole and its parts. It is analyzed using holistic and constructivist paradigms. The reasons for changes in information space, information society, social ties and relations are considered.

Key words: information space, holistic paradigm, constructivist paradigm, information society.

На состоявшемся в ноябре 2024 года заседании Валдайского дискуссионного клуба выступивший на нем Президент РФ В.В. Путин особо подчеркнул, что современный мир кардинально и необратимо меняется, причем принципиально иным образом, совершенно иначе, чем в предыдущие исторические эпохи. Это отличие Путин В.В. видит,

прежде всего, «в сочетании и параллельном существовании двух, казалось бы, взаимоисключающих явлений: быстро растущей конфликтности, фрагментации политического, экономического, правового поля – это с одной стороны, и сохраняющейся теснейшей взаимосвязанности всего мирового пространства – с другой» [24].

* © Лукинова И.А., 2025.

Человек и общество в дебрях современного информационного пространства: философский ракурс

С точки зрения философии проблема, выделенная Путиным в качестве одной из главных и трудноразрешимых для нынешнего исторического времени, представляет собой классическую многовековую проблему общей взаимосвязи и взаимозависимости частей (в данном случае «фрагментации политического, экономического, правового поля») и целого («сохраняющейся теснейшей взаимосвязанности всего мирового пространства»). Этот феномен необратимых перемен мира, обусловленных взаимодействием и взаимозависимостью «фрагментаций» (частей) и «мирового пространства» (мирового Целого), на который обратил свое внимание наш Президент, безусловно имеет огромное количество исследовательских измерений и аспектов. В представленной здесь авторской работе мы сосредоточим свое основное внимание только на одном, но очень важном, с нашей точки зрения, аспекте этой проблемы – на феномене информационно-социальных и информационно-антропологических перемен взаимодействия и взаимосвязи мирового Целого, с одной стороны, (о том, что выступает в качестве этого целого будет сказано нами ниже) и его частей (фрагментов), в качестве которых выступают различные социумы, человек и его идентичности, многоцветье мировых народов и их культур, духовно-нравственные ценности людей, различные мировоззрения, правовые и политические платформы – словом, все то, что предстает значимыми элементами всего мирового Целого.

Прежде, чем приступить именно к философскому исследованию этого мирового Целого, определимся с базовыми теоретико-методологическими аспектами данной работы, суть которых сводится к применению нами здесь

особого познавательного инструментария – холистской и конструктивистской парадигм, причем принципиально и обязательно в их единстве и взаимосвязи на всех этапах познавательного процесса. Выбор нами именно таких философских подходов не случаен и определяется самим характером исследуемых в данной работе проблем, а также характерными особенностями выделенных нами предметов и их взаимосвязями.

Но вначале дадим общую характеристику самим обозначенным выше философским парадигмам – холизму и конструктивизму. Для этого следует напомнить, что проблема соотношения целого и части получила свое нетривиальное решение в различных философских вариантах и концепциях [3, 11, 17, 25]: от идеального единства этих начал в античности у Платона до механистической, холистической, системной, синергетической и др. парадигм решения данной фундаментальной проблемы. Для целей данного исследования подчеркнем значимость одного из главных теоретико-методологических выводов такого рода философских парадигм, полностью меняющих представления о взаимоотношениях частей и целого – именно холистского: никакое целое нельзя понять с помощью анализа, т.е. исследуя некие части, поскольку свойства этих частей вовсе не являются только их внутренне-обусловленными свойствами, и обязательно должны быть осмыслены лишь в контексте их принадлежности тому целому, частями которого они и являются [11, с. 15].

Что из этого радикального вывода следует? Совсем иная теоретико-методологическая концепция решения проблемы взаимосвязи части и целого – холистская, в которой направленность (интенция) любого научного и

философского исследования должна осуществляться путем обязательного движения мысли именно от мирового Целого к фрагментам, к его частям, причем обязательно в системном контексте зависимости всего значимого от этого Целого. Практически это означает, что постигнуть суть некоего фрагментарного начала (суть части) по-настоящему можно только в том случае, если познавательно двигаться к нему от сути всего того Целого, которому принадлежит данный фрагмент и никак не иначе. Вот такую холистическую парадигму мы и применим в данном исследовании в качестве первого нашего теоретико-методологического инструментария.

Что же касается второго теоретико-методологического инструментария, выбранного нами для достижения целей данной работы - конструктивистского, то для его общего представления следует отметить, прежде всего, следующее. В философии науки имеется целая группа различных теорий и направлений, объединяющим началом которых выступает достаточно мощная конструктивистская парадигма, предложенная в работах Ж. Пиаже [23] и Дж. Келли [13] еще в 1950-е гг. Массово эта парадигма как очень продуктивный теоретико-методологический инструментарий стала использоваться учеными Европы после выхода статьи П. Ватцлавика в сборнике работ 1981 г. «Изобретенная действительность», а в России – после публикации на русском языке работы Цоколова С. «Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания» [29]. Главное концептуальное содержание этой философской парадигмы состоит в том, что она саму суть познания трактует как такой процесс, в котором человек не столько ис-

следует и обнаруживает свой предмет изучения, его особенности и свойства, сколько сам креативно его конструирует, прежде всего из прежнего своего совокупного опыта онтологического присутствия в мире. Отсюда следует признание условности и антропологической зависимости познаваемой человеком реальности, в том числе социальной, политической, культурной, информационной, какой-либо иной, от намерений этого субъекта познания, от опыта его предшествующей активности, от его господствующих ценностей, от выбора применяемых познавательных инструментов и т.д. В этом плане конструктивизм, особенно радикальный, противоположен весьма распространенным до сих пор рефлексивным познавательным подходам, в которых предпринимаются попытки найти в первую очередь объективные, идущие от самого предмета исследования (а, значит, никак не зависящие от самого человека) информационные приобретения, которые становятся якобы объективно открытыми закономерностями, тенденциями, циклами, формациями, «ходами истории», и т.д. Все эти так называемые объективные подходы к реальности (детерминизм, универсализм, редукционизм, экстраполяция, герменевтика, упрощенно понимаемый холизм и т.д.), с точки зрения конструктивистской парадигмы – не более, чем вариации наивного реализма, утверждающего некую объективную предзаданность объекта субъекту своими свойствами и качествами, во-первых, самого по себе и, во-вторых, до осуществления с ним процесса познания, что, на самом деле, ничего общего не имеет с подлинной реальностью в рамках современных (постнеклассических) представлений о научном познании как субъект-объ-

ектном взаимодействии, во всем и всегда опосредованном человеческой активностью [16].

Осталось здесь подчеркнуть лишь то, что эти два теоретико-методологических инструментария нами намеренно используются в единстве и взаимосвязи настолько, что используемый нами философский подход можно назвать единым термином - холистко-конструктивистским методологическим подходом.

После такого небольшого теоретико-методологического введения приступим непосредственно к самому исследованию обозначенных проблем. Первый вопрос, на который необходимо концептуально ответить, опираясь именно на холистко-конструктивистский подход, выбирая именно его для решения философской проблемы взаимосвязи части и целого в качестве базовой, есть вопрос о принципиальной сущности именно этого современного мирового Целого. Оно может быть описано как некое общее информационное пространство - пространство, в котором создается, перемещается, потребляется и используется информация [26, с. 24]. Тогда вполне понятно, что базовые информационные черты этого Целого (пространства) – это информационные потребности, информационная инфраструктура и такие же ресурсы, информационные технологии, информационный потенциал и социально-информационные отношения, связанные с производством, получением, хранением, использованием и защитой информации. Все эти начала в свою очередь связаны с общественными, государственными, правовыми, технико-технологическими способами регулирования информационных отношений, с правовой регламентацией и правовым порядком обеспечения

информационных прав различных социальных субъектов и акторов, с духовно-нравственными и культурными началами бытия людей. Следует сразу подчеркнуть, что оно – это самое информационное пространство как мировое Целое - включает в себя два важнейших фрагмента, две его части: во-первых, информационное общество как социум принципиально нового типа [31] и, во-вторых, информационного человека - так же нового типа человека, которого все чаще и чаще называют особым термином - «Homo informaticus» [1, 7, 22].

В чем же исследователи усматривают принципиальную новизну у информационного социума как важнейшего первого фрагмента мирового Целого? С одной стороны, современный социум становится быстродействующим, динамичным, подвижным, изменчивым и непредсказуемым в своем новом облике [31]. «Спрессовывание» этого информационного пространства в некое целое позволяет его называть даже единой «глобальной деревней» [32]. С другой стороны, поскольку этот социум еще наполнен переживанием не подлинности мира за счет имплантированных в него разных информационных фантомов - идеологем и мифологем, паразитарных идей, навязчивой и часто просто лживой рекламы и т.д., - именно эти элементы и конструируют мир всего иллюзорного, мнимого и ложного бытия, в котором действуют ложные смыслы и такие же размытые и неподлинны ценности [4, 5]. А вот этот имитированный мир и имитационная деятельность, по Ж. Бодрийяру, неизбежно порождают, в конечном итоге, некое псевдобытие, в котором функционирует недостоверная, иллюзорная и просто ложная информация. Ж. Бодрийяр прямо говорит об этом

феномене как о самой настоящей смерти социального – ведь социум как ранее существовавшая общезначимость intersubjectности перестает просто существовать, а ранее единственная и институционализированная социальность (формальная социальность) сменяется неинституционализированной, неформальной социальностью. Различного рода онлайн-сообщества, образовав в глобальной сети некий особый фрагмент окружающего мира, избавлены от вертикальной иерархии властных отношений, никем не управляются, у них отсутствует всякая субординация и стратификация в старом значении этого понятия [30, с. 113-114]. Все это в итоге выражается радикальным нарушением информационной безопасности общества (и, очевидно, отдельного человека) в современную историческую эпоху.

Заметим, что об опасности такого рода для человека предупреждал еще известный русский философ Н.А. Бердяев [2], который писал об зловещем отрыве человека от природы, о его нарастающей дегуманизации, о потере все определяющей роли нравственного и духовного начал в создаваемой им технической и информационной мировой реальности (последнее обстоятельство о нравственности и духовности отметим особо – оно еще скажет свое веское слово ниже!). Современные исследования влияния конвергентных процессов информатизации на общественное устройство выявляют ярко выраженный дисбаланс между виртуальными и физическими технологиями, чрезмерность глобальных информационных процессов и ограниченность адаптивных ресурсов, условий для онтологической безопасности [10, 21]. Известная сетевая теория социума четко указывает на особый характер совре-

менных коммуникаций, устаревание прежних коммуникативных структур, деградацию иерархического устройства, неадекватного информационным потокам, ризоморфность организации современных коммуникаций, их темпоральную изменчивость, асинхронность и нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм [8, 12, 14]. В информационном обществе появились новые социальные структуры, новый информационный опыт, которые порождает и новую сетевую идеологию, и новую систему ценностей – сетевую аксиологию [12]. Другие современные теоретические построения, например, теории социальной аномии раскрывают информационную природу различных социальных деформаций, кризиса нормативного регулирования, феномена утраты нравственных ориентиров, деградации социальной солидарности и личной идентичности, появления даже «нормальной аномии» как эффекта «ускорения и усложнения социокультурной динамики» и информационного искажения [6, 15, 18, 19, 28]. Следствием и одновременно фактором такого рода трансформаций становятся духовное отчуждение, кризис идентичности, оскудение традиционной культуры, подмена реальной (достиженческой) деятельности некой имитацией активности, что влечет за собой трансформацию социальных процессов в сторону различного рода гибридных дубликатов, глубокий кризис общечеловеческих ценностей и даже подмену их самыми разными, подчас невероятными псевдоценностями, иллюзиями, социальными химерами и т.д. [9, 20, 27].

А теперь зададимся совсем простым, но очень важным вопросом: почему имеющееся ныне такое мировое информационное Целое стало имен-

но таким, каким оно стало сегодня? Каковы причины такого быстрого, даже стремительного и радикального изменения всего информационного пространства, информационного общества, социальных связей и отношений, ролей и направленности активности людей, самих людей? Что случилось с этим во многом новым, в первую очередь, за счет феномена информации миром за достаточно очень короткий срок и почему человечество стало вдруг совершенно иным? Только ли объективные факторы таких радикальных информационно-технологических изменений являются причиной всех социальных преобразований (на самом деле больше похожих на серьезные потрясения), перечисленных выше?

Сразу проясним очень важный вопрос об этом так называемом объективном начале в социальных процессах и явлениях, для чего обратимся уже теперь ко второй - конструктивистской - части нашего философского, а значит целостного подхода - к конструктивистской парадигме как ко второму теоретико-методологическому инструментарию для достижения целей данного исследования.

Если исходить из конструктивистской парадигмы в анализе всего ныне происходящего, то в нынешнем мировом Целом тогда необходимо найти именно те его признаки, которые докажут его условность, принципиальную зависимость от людей, в конечном счете несомненную искусственность имеющейся действительности, ее человеческую проектность и конструктивность. Такого рода проектные признаки необходимо обнаружить как в социальной реальности, так и в самом человеке, то есть как раз в тех предметах исследования, которые выбраны

нами в качестве основных для данной работы. Иначе говоря, необходимо обосновать, что и нынешний социум, и нынешний человек, а также все изменения, которые с ними происходят - все это не более, чем чей-то глобальный проект, преследующий достижение вполне определенных замыслов и намерений авторов и исполнителей этого проекта. Что ж, постараемся это убедительно показать.

Даже простой здравый смысл вполне показывает, что в этих фрагментах (частях) мирового Целого - в современном социуме и в современном человеке - трудно найти что-либо, что не зависело бы от людей, от их воли, устремлений, активности. Разве не очевидно, что нынешняя политика, экономика, финансовая, культурная, образовательная и другие сферы - все это действительно невероятное нагромождение проектов и проектировок всех времен и народов, сотканное из попыток реализации многими поколениями людей самых различных целей и намерений - как со знаком «плюс», так и со знаком «минус», т.е. и ради добра, и во зло? Но здравый смысл в науке и в философии не принимается в расчет, поэтому для доказательства сформулированных выше положений нужны более серьезные основания.

И они есть!

Эти признаки информационного Целого и его частей (социума и человека) как некоего человеческого конструкта, как человеческого проекта легко обнаруживаются в материалах того же заседания Валдайского клуба! Задавая вопрос В.В. Путину в своем кратком вступительном выступлении один из его участников - Арвинд Гупта (Индия) отметил, что в рамках Валдайского заседания несколько дней работала отдельная сессия ученых и обществен-

ных деятелей из разных стран мира, главным предметом обсуждения на которой были острые проблемы технологического общества и построения цифровой социальной инфраструктуры. Одним из итогов работы этой сессии стал общепринятый вывод, который и изложил А. Гупта В.В. Путину: интернет, созданный около 45 лет назад, вовсе не стал для человечества глобальным общественным благом, а «...к сожалению, сейчас, как и во многих других вещах, он стал однополярным... контролируется несколькими технологическими гигантами с конкретными идеологическими подходами... Они действительно определяют то, как мы мыслим... Они действительно определяют наше мышление, наше потребление, как мы избираем правительство» [24].

Тогда вполне становится понятным тот факт, что под прикрытием якобы сугубо объективных процессов информатизации общества и технологий на самом деле осуществляются преднамеренные манипуляции с информацией, а новые технологии используются для ведения тотального надзора и контроля со стороны «технологических гигантов с конкретными идеологическими подходами» при полном отсутствии какой-либо прозрачности в такого рода их действиях. Можно сформулировать этот вывод и более жесткими словами: мировое Целое как информационное пространство давно захвачено и пилотируется вполне конкретными глобальными «игроками» ради достижения своих эгоистических целей, а те радикальные, чаще всего негативные и разрушительные, изменения в современном информационном обществе являются прямыми последствиями такого рода «пилотирования», несущими только одним этим глобальным акторам пря-

мую выгоду и пользу (вскользь заметим: выгоду и пользу даже и для этих «пилотов» - исключительно временную и потому иллюзорную в полном соответствии с народной мудростью о запрете абсолютно всем «пилить тот сук, на котором сидишь» - Земля-то как планета у нас у всех одна ...).

Выходит, что и холистская, и конструктивистская парадигмы действительно вместе работают вполне продуктивно и позволяют вскрыть, называя вещи своими именами, преступную активность некой малой части людей против всего мирового Целого под прикрытием якобы объективно-заданного информационно-технологического прогресса. На самом деле активность «пилотов» для именно такого, выгодного только им, развития событий основана на полном отказе от каких-либо норм, правил, ценностей, на отказе от нравственности, морали, духовности, от социальных институтов, общественных и религиозных табу и традиций. Иначе говоря, эта их активность давно и преднамеренно преступная, противоправная, безнравственная и бездуховная. Чего тогда удивляться, что мировое Целое в виде информационного пространства такое искорененное, такое нечеловеческое, такое злое и разрушающее все и вся? Очевидно, что оно будет и дальше двигаться в принципиально античеловеческом направлении до тех пор, пока человечество не сменит своих «пилотов» - злых и преступных, действующих ради своих эгоистических целей на тех принципиально других, кто был бы готов двигаться к целям и ценностям подлинного развития мирового Целого... Для старта такого нового общественно-го движения неплохо хотя бы общество и человека перестать так безжалостно и стремительно разрушать.

Список литературы

- Адамьянц Т.З. Человек в информационной среде / Институт социологии ФНИСЦ РАН. // URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=895&ysclid=m6e4un75x496839127
- Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 337. // URL: <http://odinblago.ru/path/38/1>
- Блауберг И.В. «Часть и целое» // Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева и В.Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия, 1983. 578 с.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. – М.: Культурная революция: Республика, 2006.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – Тула: Тульский полиграфист, 2013.
- Владимирова Т.В. Обеспечение безопасности в условиях информационной нестабильности общества. Дисс. ... докт. филос. наук: 09.00.11. – Красноярск, 2016.
- Еляков А.Д. Homo Informaticus и современная информационная среда // Философия и общество. 2012. № 3 (67). С. 38-59.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. – М.: Астрель, 2010.
- Дементьев С.А. Информационная безопасность человека в контексте рисков и угроз информационной эпохи. Специальность 09.00.11 – социальная философия. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. филос. наук. – Краснодар, 2018.
- Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предзнаменование. – М.: Канон, 1995.
- Капра Ф. Скрытые связи / Пер. с англ. Д. Пальца. – М.: ООО Издательский дом «София», 2004. 336 с.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Келли Дж. Теория личности: психология личных конструктов. – СПб.: Речь, 2000.
- Коробейникова Л.А., Гиль А.Ю. Сетевые структуры в условиях глобализации // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2010. № 316 (6). С. 105-109.
- Кравченко С.А. Нормальная анония: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8 (364). С. 3-10.
- Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: УРСС, 2001.
- Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993. 958 с.
- Мертон Р.К. Социальная структура и анония // Социология власти. 2010. № 4. С. 212-223.
- Мещерякова Н.Н. Особенности анонии в современном российском обществе: синергетический подход. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. социол. наук. – Москва, 2015.
- Мороз В.В. Глобализация и перспективы современной цивилизации // Философские науки. 2006. № 4. С. 138-144.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000.
- Петрова Е.В. Человек и информационная среда: проблемы взаимодействия. – М.: ИФРАН, 2014.
- Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. 5е изд. – СПб.: Питер, 2004.
- Полный текст речи Путина на Валдае / Официальный сайт Президента Российской Федерации. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>
- Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Сайт С.П. Курдюмова. // URL: <https://spkurdyumov.ru/philosophy/samorazvivayushiesya-sistemy-i-post/ysclid=m6etxomgh1970509790>
- Сырецкий Г.А. Информатика. Фундаментальный курс. Т. 1. Основы информационной и вычислительной техники. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012.
- Тимченко Л.Л. Отчуждение в современном обществе. Автореф. дисс. канд. филос. наук. – Барнаул, 2010.
- Хагуров Т.А., Чепелева Л.М. Социально-психологические причины распространения субкультуры «АУЕ» (неявные факторы актуальной проблемы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. № 21 (2). С. 322-339.
- Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. – Mnchen: Verlag Mnchen, 2000.
- Энштейн М.Н. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. – СПб.: Алетейя, 2001.
- Ferguson V.H., Mossback R.W. Remapping global politics. History's revenge, future shock. Cambridge; – New York: Cambridge University Press, 2004.
- McLuhan M., Power B. The global village: Transformations in world life and media in the 21st century (communication and society). Oxford: Oxford University Press, 2006.

References

- Adamyants T.Z. Man in the information environment / Institute of Sociology FNISC RAS. // URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=895&ysclid=m6e4un75x496839127
- Berdyayev N.A. Man and machine (the problem of sociology and metaphysics of technology) // Path. 1933. № 38. P. 337. // URL: <http://odinblago.ru/path/38/1>
- Blauberger I.V. "Part and Whole" // Philosophical Encyclopedic Dictionary / Ed. L.F. Ilychev, P.N. Fedoseyev, S.M. Kovalev and V.G. Panov. – M.: Soviet Encyclopedia, 1983. 578 p.
- Baudrillard J. Consumer society: its myths and structures. – M.: Cultural revolution: Republic, 2006.
- Baudrillard J. Simulacra and simulation. - Tula: Tula printer, 2013.
- Vladimirova T.V. Ensuring security in the conditions of information instability of society. Diss. ... Doctor of Philosophy: 09.00.11. – Krasnoyarsk, 2016.
- Elyakov A.D. Homo Informaticus and the modern information environment // Philosophy and society. 2012. № 3 (67). P. 38-59.
- Deleuze J., Guattari F. A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia. – M.: Astrel, 2010.
- Dementyev S.A. Human information security in the context of risks and threats of the information age. Specialty 09.00.11 – social philosophy. Diss. for PhD in Philosophy. – Krasnodar, 2018.
- Durkheim E. Sociology: its subject, method, purpose. – Moscow: Canon, 1995.
- Capra F. Hidden connections / Translated from English by D. Pal'tsa. – Moscow: ООО Izdatel'skiy dom "Sofia", 2004. 336 p.
- Castells M. Information age: economy, society and culture. – Moscow: HSE, 2000.
- Kelly J. Personality theory: psychology of personal constructs. – St. Petersburg: Rech, 2000.
- Korobaynikova L.A., Gil A.Yu. Network structures in

- the context of globalization // Bulletin of Tomsk Polytechnic University. Engineering of georesources. 2010. № 316 (6). P. 105-109.
15. Kravchenko S.A. Normal anomie: contours of the concept // Sociological studies. 2014. № 8 (364). P. 3-10.
 16. Lektorsky V.A. Classical and non-classical epistemology. – M.: URSS, 2001.
 17. Losev A.F. Being. Name. Space. – M.: Mysl, 1993. 958 p.
 18. Merton R.K. Social structure and anomie // Sociology of power. 2010. № 4. P. 212-223.
 19. Meshcheryakova N.N. Features of anomie in modern Russian society: a synergetic approach. Diss. for the job application uch. Art. doc. sociol. Sci. – Moscow, 2015.
 20. Moroz V.V. Globalization and Prospects of Modern Civilization // Philosophical Sciences. 2006. № 4. P. 138-144.
 21. Parsons T. On the Structure of Social Action. – M.: Akademicheskyy Proekt, 2000.
 22. Petrova E.V. Man and the Information Environment: Problems of Interaction. – M.: IFRAS, 2014.
 23. Piaget J. Genetic Epistemology. 5th ed. – St. Petersburg: Piter, 2004.
 24. Full text of Putin's speech at Valdai / Official website of the President of the Russian Federation. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>
 25. Stepin V.S. Self-developing systems and post-non-classical rationality // Website of S.P. Kurdyumov. // URL: <https://spkurdyumov.ru/philosophy/samorzvivayushhiesya-sistemy-i-post/?ysclid=m6etx-omgh1970509790>
 26. Syretsky G.A. Computer Science. Fundamental Course. Vol. 1. Fundamentals of Information and Computer Technology. – SPb.: BHV-Petersburg, 2012.
 27. Timchenko L.L. Alienation in Modern Society. Abstract of Cand. Philosophical Sciences Dissertation. – Barnaul, 2010.
 28. Khagurov T.A., Chepeleva L.M. Social and psychological reasons for the spread of the "AUE" subculture (implicit factors of the current problem) // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2021. № 21 (2). P. 322-339.
 29. Tsokolov S. Discourse of radical constructivism. Traditions of skepticism in modern philosophy and theory of knowledge. – Mnchen: Verlag Mnchen, 2000.
 30. Epstein M.N. Philosophy of the possible. Modalities in thinking and culture. – St. Petersburg: Aletheia, 2001.
 31. Ferguson V.H., Mossback R.W. Remapping global politics. History's revenge, future shock. Cambridge; – New York: Cambridge University Press, 2004.
 32. McLuhan M., Power B. The global village: Transformations in world life and media in the 21st century (communication and society). Oxford: Oxford University Press, 2006.

Россинский А.Г.

Кандидат философских наук. Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

Родин К.В.

Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского.

Россинская Е.А.

Кандидат филологических наук.

Московский педагогический государственный университет.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Московский институт психоанализа. ORCID: 0000-0001-7723-2983. SCOPUS ID: 56765595000.

Пьянзина И.В.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

Костерина М.Г.

Кандидат искусствоведения. Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

Русский Мир: история и современность*

Аннотация. Масштабный кризис, который испытала Россия начиная с 90-х годов, привёл к тяжелым последствиям в её духовной жизни и для его преодоления требуются серьёзные усилия всего общества. В представленной статье на обширном историческом материале исследуются предостережения и советы великих русских философов, просветителей, общественных деятелей, которые не потеряли своей актуальности и могут быть использованы на современном этапе борьбы за истинно русскую духовность, благодаря которой Россия преодолевала в своей истории подобные кризисы. Особое место в исследовании занимают материалы, которые содержат иные оценки известных событий в культуре и искусстве происходившие в СССР в 30–50 годах XX века. Что касается событий, происходящих в духовной жизни России, то и здесь вместе с тревожными размышлениями приводятся многие перспективные и оптимистичные направления по преодолению возникших проблем в строительстве Русского Мира с его исторической духовностью. Приводятся и имена самых известных современных музыкантов, просветителей и меценатов. Особое места в статье отводится и событиям вокруг Украины, где важная роль отводится музыкальному искусству, которое веками собирало наши народы в общность. Приводятся достаточно редкие и малоизвестные материалы, которые совершенно иначе характеризуют некоторые исторические личности (Сталин, Суслов, Жданов и др.). В статье приводятся интересные и значимые материалы о культурной жизни Алтайского края, которая ярко отражает его трансграничное значение в синтезе культур Востока и России.

Ключевые слова: Русский мир, духовность, музыка, коммунистическая партия, войны, модерн, Украина, капитализм, интеллигенция.

* © Россинский А.Г., Родин К.В., Россинская Е.А., Пьянзина И.В., Костерина М.Г., 2025.
Русский Мир: история и современность

Rossinsky A.G.

Candidate of Philosophical Sciences. Altai State University.

Rodin K.V.

Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky.

Rossinskaya E.A.

Candidate of Philological Sciences. Moscow State Pedagogical University.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

Moscow Institute of Psychoanalysis. ORCHID: 0000-0001-7723-2983. SCOPUS ID: 56765595000

Ryanzina I.V.

Altai State University, Barnaul.

Kosterina M.G.

Candidate of Art History. Altai State University, Barnaul.

Russian world: history and modernity

Abstract. The large-scale crisis that Russia has experienced since the 90s has led to serious consequences in its spiritual life, and serious efforts by the entire society are required to overcome it. In this article, based on extensive historical material, we examine the warnings and advice of great Russian philosophers, educators, and public figures that have not lost their relevance and can be used at the present stage of the struggle for a truly Russian spirituality, thanks to which Russia has overcome similar crises in its history. A special place in the study is occupied by materials that contain other assessments of well-known events in culture and art that took place in the USSR in the 30–50s of the 20th century. As for the events taking place in the spiritual life of Russia, here, along with alarming reflections, many promising and optimistic directions are given to overcome the problems that have arisen in the construction of the Russian World with its historical spirituality. The names of the most famous modern musicians, educators, and philanthropists are also provided. The article also devotes a special place to the events around Ukraine, where an important role is given to the art of music, which for centuries has brought our peoples together. The article presents rare and little-known materials which characterize some historical figures in a completely different way (Stalin, Suslov, Zhdanov, etc.). The authors reveal interesting and significant information about the cultural life of the Altai Territory, which vividly reflects its transboundary significance in the synthesis of the cultures of the East and Russia.

Key words: Russian world, spirituality, music, communist party, wars, modernism, Ukraine, capitalism, intelligentsia.

Наша страна, веками жившая практически во враждебном окружении, неоднократно испытывала сильнейшие исторические катаклизмы и потрясения, но благодаря твердости, общинности своего характера выходила из них

обновленной, удивляя всех недоброжелателей силой своей русскости, способностью преодолевать все возникшие трудности. В представленном исследовании проблемы сохранения и упрочения спасительного Русского мира уже

на современном этапе будут рассмотрены в основном на примерах из области музыкального искусства, которое веками вместе с другими его видами, собирало русский народ в непобедимую общность.

На протяжении столетий Русский мир прошёл целый ряд исторических коллизий, которые по выражению князя Е. Трубецкого «неизменно вызывали в обществе эсхатологические предчувствия» [1, с. 34]. Во всех этих катаклизмах народ охватывало ощущение близости конца вселенной, которые сопровождали и сопровождают поныне христианскую веру во всех переживаемых ею кризисах и войнах. Это и татарское иго, бедствия от турок, поляков, церковный раскол XIV века, война с Наполеоном, первая и вторая мировые войны. Однако, Россия страна непостижимая для её понимания иностранцами. Ещё У. Черчилль отмечал, что: «Россия-это секрет, завёрнутый в загадку и укрытый непроницаемой тайной» [2]. Так, ещё в ужасах татарщины зародился у нас тот поразительный Русский Мир, который по словам Е. Трубецкого выразился «в бессмертных произведениях новгородской иконописи» [1, с. 323].

Дальнейшие потрясения уже Первой мировой войны послужили укреплению славянского духа в его избранности и превосходстве, что в полной мере выразилось в космизме русской философии. В гениальном предчувствии апокалиптической трагедии этой войны творили в искусстве России художники-передвижники, композиторы Могучей кучки, театральные деятели, которые подняли образ нетленного русского духа до ощущения его вселенской красоты. Трудно согласиться с Даниилом Андреевым, который в 50е годы прошлого века писал, что: «рубеж XX века как раз и явился

той эпохой, когда закончился расцвет великих литератур, великой музыки и философии» [3, с. 12].

Если обратиться к событиям Первой русской революции 17 года, то здесь можно привести мысли философа Г.П. Федотова, который заметил, что: «русская революция проявила необычайную робость в разрушении памятников искусства» И далее: «не успел улечься вихрь разрушения,» отмечал он- «как царские дворцы переименовывались в музеи, а некоторые ветви старой культуры пустили многообещающие корни» [4, с. 210].

И ещё одно пророчество и предостережение великого русского философа касается Украины. Почти столетие назад до сегодняшних страшных событий там, он пророчески указывал, на то, что её судьба во многом зависит от того, будем ли мы (т. е. великороссы) сознавать её близость или отталкиваться от неё как от чего-то чужого. «Мы должны», завещал он, «признать и непрестанно ощущать своими не только летописи и мозаики киевских церквей, но и украинское барокко, столь проявившееся в Москве, и Киевскую Академию, воспитавшую Русскую Церковь, и Шевченко за то, что у него есть много общего с Гоголем и украинскую песню, младшую сестру великорусской» [4, с. 286]. В этой связи следует заметить, что начиная с конца 50-х годов в СССР его властям удалось в большой мере затушевать все украинские националистические проявления и благодаря особенно искусству, и грамотно выстроенной концепции сосуществования в многонациональной стране подарить нашим народам несколько десятилетий спокойной и красивой совместной духовной жизни.

Особого разговора и исследования заслуживает и проводимая тогда

в СССР культурная политика, направленная на сохранение русского духа, национальной культуры во всех её проявлениях. Так, в 30–40 годы XX века у нас были предприняты серьёзные усилия по возвращению в страну известных писателей, музыкантов, художников. Среди них были Горький, С. Прокофьев, А. Куприн, К. Малевич, Р. Фальк и др. В течение ряда лет велась работа с целью возвращения на родину лауреата Нобелевской премии И. Бунина, но этот проект не удался.

Оценивая усилия советской власти того периода, где было много трагизма, сломанных судеб творческой интеллигенции, можно заметить, что это всё умещалось в русло новой морали – ощущения принадлежности к великому государству с истинно русским национальным сознанием.

Если обратиться к европейскому искусству тех лет, то там после великой эпохи XIX века серьёзно заявляли о себе деятели нового художественного течения модернизма, которые ставили своей задачей отход от устоявшихся художественных традиций через обновление идей, форм, жанров и ценностей «старого искусства». Это течение было связано с его апологетами – А. Шенбергом, А. Бергом, П. Хиндемитом. Они представили новые направления в музыкальном искусстве – алеаторику, конкретную музыку, сюрреализм и интуитивизм. Конечно, это новое направление привлекло внимание и ведущих советских композиторов. Черты модернизма стали проявляться у С. Прокофьева, Д. Шостаковича, А. Хачатуряна и др. Следует заметить, что это всё существенно расходилось с партийным курсом в культуре, где для страны, строящей небывалыми темпами социализм, нужны были совместные усилия всего народа, объединенного идеями постро-

ения нового государства, опирающегося на великую историю России. Историческим и в чем-то поворотным этапом этой борьбы в искусстве за прославление выдающихся достижений СССР и воспитание патриотизма народа стала статья в газете «Правда» от 28 января 1936 года «Сумбур вместо музыки», где в тоне, соответствующим эпохе, подверглись разрушительной критике все попытки деятелей искусства отойти от провозглашаемого партией курса. Эта кампания дорого обошлась советской интеллигенции – аресты, расстрелы лагеря – все это в разной мере испытали многие выдающиеся писатели, поэты, деятели театра, художники. Нужно заметить, что музыкантов это коснулось в самой малой степени. Трудно, а порой и невозможно оправдать методы сталинизма в борьбе за практически казарменный социализм, но стране, которая тогда по выражению Сталина 1931 года отставала от Запада на 50–100 лет, это расстояние надо было преодолеть за пять лет, иначе как он говорил «нас просто сомнут».

Конечно, в этой обстановке нужны были невероятные усилия всего народа, и, возможно, при всей гениальности музыкального содержания, опера Шостаковича «Катерина Измайлова» действительно совершенно не вписывалась в эту битву (в настоящее время оперу называют шедевром XX века – про взбунтовавшуюся купеческую жену Катерину Измайлову, в борьбе за свою любовь отравившую свекра-тирана и задушившую ненавистного мужа, – в Мариинском её исполняют с 1990-х годов). В этих условиях выбор в СССР был сделан для кино, которое действительно собирало самых талантливых режиссеров, артистов, а также привлекало деятелей других жанров – музыкантов, художников, деятелей

театрального искусства и даже цирка. Результаты этой работы можно по полному праву назвать ошеломляющими. Это картины В.И. Пудовкина «Минин и Пожарский», С.М. Эйзенштейна «Александр Невский» (с гениальной музыкой С.С. Прокофьева), В.М. Петрова «Петр Первый» и многое другое. Так сознание народа готовилось для победы в самой разрушительной войне в истории человечества, которая была выиграна миллионами патриотов своей страны, воспитанных на великой истории небедимого русского духа.

Послевоенное время в СССР так же было сложным, поскольку вместе с огромными усилиями народа по восстановлению страны опять возникли серьёзные сложности в духовной сфере. Пройдя по всей Европе, как в 1812–1814 годах, у победителей возникли новые соблазны после ознакомления с европейским менталитетом, который в значительной мере расходился с ценностями русского мира. И если этот соблазн в 1825 году претворился в восстании декабристов, то в СССР, осознавая гибельность многих общеевропейских идей, были предприняты серьёзные усилия по организации отечественной духовной жизни. Это в самой показательной мере отразилось в известном постановлении Политбюро ВКПб 1948 года об опере «Великая Дружба» В. Мурадели, где серьёзной критике подверглись С. Прокофьев, Д. Шостакович, Н. Мясковский, А. Хачатурян. Жесткость этого постановления можно сейчас объяснить, тем, что наша страна опять была втянута в процесс ожидания новой разрушительной мировой войны и понадобились меры по внедрению новых подходов по сплочению народа перед лицом этих опасностей. И здесь в очередной раз выбор пал на музыкальное искусство, хотя и в

1956 году это постановление было дезавуировано, вместе с тем, следует заметить, что оно в заметной степени тогда повлияло на появление музыкальных произведений, которые в очередной раз раскрыли духовные сокровища Русского Мира. Эти эталоны реализма – оратория «Песнь о лесах» Д. Шостаковича и его поэма «Над Родиной нашей солнце встаёт», 7-я симфония, балет «Сказ о каменном цветке», оратория «На страже мира», С Прокофьева, 13 квартет и 27 симфония Н. Мясковского. На призыв партии к следованию и упрочению великих традиций русской реалистической музыки и понимании её органической связи с народом, откликнулись представители и нового поколения композиторов, остро чувствовавших необходимость дальнейшего утверждения специфики русского национального мира. Среди них Т. Хренников, Г. Свиридов, Г. Галынин, А. Пахмутова. С именем Т.Н. Хренникова, как Председателя СК СССР, был связан один из самых плодотворных периодов советской музыки. Действительно, хоть и постановление 1948 года дорого обошлось практически всем упомянутым там композиторам, но его оценка сегодня возможно не так категорична, как это было в 60е годы, а уж оперная музыка В. Мурадели не пережила даже и своего времени. Между тем, высказывания самого Т. Хренникова о И. Сталине, который был главным инициатором постановления, поражают своей неожиданностью. Это было сказано почти четверть века назад и в очень малой степени известно в музыкальной среде. Он писал: «Сталин, по-моему, музыку знал лучше, чем кто-либо из нас. Он постоянно ходил на спектакли Большого Театра и часто водил туда Политбюро-воспитывал, так сказать своих сотрудников...» [5].

Вообще музыка в СССР, как в клас-

сической Древней Греции была серьёзным государственным делом. Духовное влияние крупнейших композиторов и исполнителей, формирующих умных, духовно развитых и волевых людей было очень значительным, и это происходило в основном посредством радио.

В этой связи можно вспомнить человека-легенду Марию Вениаминовну Юдину, мужественного музыканта, которая могла бросить вызов властям и в условиях жестоких гонений на православную церковь играть концерты с большим крестом на черном платье, читая на «бис» запрещенные стихи. Удивительно то, что Сталин послушав по радио в её исполнении концерт Моцарта ля-мажор даже потребовал пластинку с его записью, которая и была сделана за одну ночь. Конечно, до его кончины она стала неприкасаемой, но это сразу закончилось после 1953 года, и дальнейшая её судьба была полна гонений, увольнений, запретов на выступления, но это всё не изменило её христианских принципов [6].

Как уже отмечалось, мировые достижения советской музыки искусства в целом дорого обходились ее творцам, и здесь партии явно не хватило решимости принести покаяние за все репрессии и перегибы, которые были допущены, как это сделал папа Павел II от лица западно-христианской церкви за преступления крестовых походов и инквизицию, хотя, наблюдая сегодня за процессом зримого распада моральных ценностей Запада, может и в чем-то стоит и понять отчаянную битву за христианскую мораль, проходившую на заре католицизма.

Размышляя далее о сущности Русского Мира, о русской душе, следует отметить, что на протяжении столетий Россия жила под знаменем главной консолидирующей идеи - соборности и

всеединства. Речь здесь идёт об открытости отдельного человека и нации в целом. И это всё исторически вступало и вступает в серьёзный конфликт с западным индивидуализмом. Мы постоянно мечтали об утверждении вселенского братства, в то время как Запад нас категорически не принимал и постоянно обманывал. Достаточно вспомнить постоянные предательства, когда русская доверчивость, следование всем договоренностям, оборачивались огромными жертвами. Так в 1944 году неподготовленное наступление для спасения Варшавы очень дорого обошлось Красной армии, а ещё и штурм Вены в 1945 году, когда для спасения её уникальной архитектуры в нашей армии запретили задействовать артиллерию и массированные бомбардировки. Или известные закулисные интриги наших союзников по «Большой тройке» в 1945 году, которые просто поражали своим цинизмом.

Еще можно вспомнить Францию 1814 года, когда Александр I, запретив армии селиться в домах парижан для сохранения их быта и спокойствия, получил бумаги, в которых содержались очередные предательские документы «Священного Союза». Много подобных фактов можно вспомнить и об Англии. И эти страны сегодня в числе самых ярых наших недоброжелателей. Из недавних событий показательными можно считать и последние минские соглашения по Украине, которые были просто саботированы Западом.

Что же произошло в нашей стране в 90-е годы, как смогла утвердиться совершенно чуждая русскому духу либеральная идея? Советский дух, как отмечала философ Н.А. Хлыстова, «оказался отягощенным унаследованным от прежнего менталитета негативными тенденциями. Последние подпитывались нарастающими деформациями

цивилизационного потенциала, и это, в конечном счете, обусловило вырождение гуманного по своей природе и прогрессивного по существу общественно-го строя» [7, с. 154].

Здесь сыграл и свою роль радикальный российский нигилизм, взрыв бунтарских порывов, хорошо оплаченный Западом. Достаточно вспомнить деятельность Сороса, на миллиарды которого были вывезены в США сотни перспективных молодых ученых и выпускников учебных заведений. Остаётся только поразиться вместе с Западом, каким образом и кем было создано у нас оружие, которое сегодня просто потрясает весь мир.

Деконструкция, о которой шла речь выше не раз происходила в России при слабых правителях, отчего заказчики бунтов и могли достигать своих целей. Им удавалось использовать вечно дремлющий в народе русский максимализм и даже экстремизм, которые удалось выразить в яркой стихотворной форме А.К. Толстому [8].

Коль любить, так без рассудку
Коль грозить, так без рассудку
Коль ругнуть, то сгоряча
Коль рубнуть, так уж с плеча

Коли спорить, так уж смело
Коль карать, так уж за дело
Коль простить, так всей душой
Коли пир, так уж горой.

Управлять таким народом - задача крайне сложная и, наверное, поэтому, как замечал Н.О. Лосский: «одной из причин, почему в России выработалась абсолютная монархия, иногда граничащая с деспотизмом, заключается в том, что трудно управлять народом с анархическими наклонностями» [9, с. 75].

И ещё одной важной составляющей

русского общества, русского духа следует назвать презрение к мещанству, к буржуазной сосредоточенности на собственности, на земных благах, что в наши дни уже просто разрушает все тысячелетние основы Русского Мира. В то время, как ещё семь десятилетий назад один из замечательных русских философов зарубежья, ссылаясь на немецкого философа-русофила Вальтера Шубарта, писал, что: - «только Россия способна одухотворить человеческий род, погрязший в вещности и испорченный жаждой власти» [9, с. 18].

Все эти надежды и желания, с успехом попытались осуществить деятели эпохи «оттепели» 60-х годов XX века. В эти годы один из самых глубоко русских деятелей искусства Г.В. Свиридов писал: «настало время искусства духовного, символичного, статичного и простого. Песня - вот основа нового, качественно нового в искусстве» [10, с. 32].

Ярчайшим мировым событием в искусстве стало проведение в 1958 году первого международного конкурса П.И. Чайковского, которое по праву стало истинным триумфом Русского Мира, хотя и первую премию завоевал американец В. Клиберн, воспитанный в лучших традициях русской фортепианной школы. Его исполнение пьесы «Подмосковные вечера» и, конечно, первого фортепианного концерта П.И. Чайковского объединило миллионы слушателей по всему миру в какую-то новую общность и даже содействовало достижению взаимопониманию между странами. Это всё в самой серьёзной мере позволило предотвратить в эпоху Карибского кризиса мировую войну в 1962 г. Однако, все эти новые угрозы заставили власти СССР свернуть пугающую своей свободой и независимостью эпоху «оттепели». На этот раз обошлось без репрессий, и её

деятелям просто пришлось бороться, иногда и успешно с серьёзными цензурными ограничениями.

Весь период «оттепели» и «брежневского консерватизма» музыкальное искусство занимало важное место в партийных программах начиная с детского сада оно было в числе основных форм духовного воспитания молодёжи. В числе великих просветителей, защитников ценностей Русского Мира в 70е годы следует назвать Д.Б. Кабалевского, Г.В. Свиридова, Д.С. Лихачёва, философа А.В. Гулыгу, и мн. др.

Время конца 80-х годов стало невообразимо тяжелым для страны. Новые лидеры, многие из которых были воспитаны на либеральных ценностях Запада, а порой и на его деньги, до конца не осознали, что если им удастся втянуть туда народы России, то само существование российского государства может стать проблематичным.

В последующие годы и сами разрушители государства А. Ципко, А. Стрелянный, А. Солженицын, А. Зиновьев ужаснулись сделанному. Так, А. Ципко, оценивая через десятилетие «свою работу» писал что: «Мы антикоммунисты, как выяснилось, сокрушали не только диктатуру цензуры и политического сыска, но и духовное здоровье нации, одну из очень развитых культур современной цивилизации» [11, с. 10].

К этому же периоду уже серьёзно заявила о себе и литература ученых-патриотов. «Лишите народ святынь», - горько восклицали известные философы МГУ А.В. Иванов и В.В. Миронов, «наложите табу на упоминание о них, а тем паче превратите их в объект глумления и ерничества, и тогда незримо для самих кощунников начнется неуклонный процесс нравственного разложения сначала их самих, а затем увы и самых широких слоёв населения, такое

глумление допустивших и молчаливо ему потворствующих» [12, с. 205].

В новой социально-культурной формации её ошеломленные деятели оказались во многом растерянными, поскольку в то время не нашлось значимых людей, способных противостоять «новому искусству», а необходимость экономического выживания ставило деятелей искусства перед тяжелым нравственным выбором. Мутным потоком в кино, на телеэкраны, сцены театров и филармоний хлынула эротика, насилие, супермены и суперменши с низким уровнем социальной ответственности.

Государственная монополия на организацию культурной жизни в новых условиях частной собственности рухнула, а вместе с ней и существовавшая цензура в виде Художественных Советов, профессиональной критики и государственных нормативных документов. Сегодня, даже некоторые деятели эстрады говорят о необходимости существования цензуры. Возможно, в чем-то и был прав осмеянный после смерти главный цензор-идеолог СССР М.А. Суслов, о котором сейчас становятся известными и некоторые положительные факты из его деятельности.

Либералы 90-х нанесли сокрушительные удары, как это уже отмечалось, по глубинной русскости нашего народа, не вняв предостережениям великих философов Русского Мира. Так, Ф.А. Степун почти столетие назад писал, «превращение России в капиталистическую страну было бы величайшим преступлением как перед идеей социального христианства, так и перед пережитыми ею муками» [13, с. 176]

К сожалению, и деятельность Русской Православной Церкви в новых условиях вызывает определенную озабоченность, о которой ещё предупре-

ждал Г. Федотов, отмечая, что: «сильно приблизившись к государству, церковь может потерять независимость своего нравственного суда» [14].

Одной из «новаций» новой власти стал отказ от национальной идеи. И это в стране, которая столетия жила в русле высоких, порой просто недостижимых государственных идей, собиравших народ в общность. Что касается русского мессианства, то русские мыслители на протяжении веков были увлечены идеей особой мессианской роли России по отношению к человечеству и ожиданием грядущего всеединства. Это, по мнению кардинала о. Томаша Шпедлика, и сформировало «скептическое отношение Запада и России» [15].

Построив в стране самую неудачную модель капитализма, где «потребление охватывает всю жизнь, когда все роды деятельности комбинируются одним и тем же способом, когда русло удовольствий прочерчено заранее, час за часом, когда среда целостна, имеет свой микроклимат, устроена, культивируется» мы, по мнению Ж. Бодрийара, и оказались в том современном обществе потребления, в котором и живёт и выживает сегодняшняя Россия [16, с. 13].

Бесовщина, которая обрушилась в средствах массовой информации с особой силой, проявляется в «массовой культуре». Мыслящая интеллигенция стремительно ищет методы борьбы с этим нравственным беспределом, но эти меры требуют и серьёзного вмешательства государства, начиная с возвращения духовности в содержание системы образования и воспитания молодежи. Что касается классического искусства, то здесь многое удалось сохранить и упрочить. Это прежде всего, доставшаяся нам от СССР триада в музыкальном образовании и воспита-

нии: школа, училище, ВУЗ, благодаря которой Россия успешно держит высочайший уровень подготовки молодых музыкантов, которые покоряют и мировые сцены. Надо отдать должное нашему государству, которое сохранило эту уникальную систему, которая не имеет аналогов в мире, хотя и были попытки её разрушения, и понадобилось даже личное вмешательство Президента России В.В. Путина, который остановил эти попытки «горе реформаторов». Сегодня мы с определённым оптимизмом наблюдаем за функционированием этой важнейшей составляющей духовного воспитания народа, где появляются именитые стипендии, финансируются фестивали, мастер-классы, гастроли и многое другое.

Стоит говорить и о необходимом возрождении меценатства, поскольку его уровень, к сожалению, ещё не достиг дореволюционного, а у большей части супербогатых людей находятся другие приоритеты, тем не менее, традиции русского меценатства живы и в современной России. Среди них известный меценат Т.В. Ушакова. Благодаря её многолетним усилиям с большим размахом проходят Всероссийские и Международные конкурсы, фестивали виолончельной музыки с большим количеством участников, а инструмент виолончель в России и за её пределами зазвучал с новой силой, продолжая великие традиции русской виолончельной школы. Среди меценатов необходимо назвать и Газпром, руководство которого обращает особое внимание на молодых талантливых музыкантов, понимая необходимость в воспитании молодых артистов-проводников лучших традиций Русского Мира. Они будут способствовать его притягательности, духовности и за пределами своей Родины. Следует отметить в этой связи

и Губернаторов российских регионов, которые также изыскивают средства на именные стипендии, конкурсы, гастрольные поездки, улучшения материальной базы учреждений культуры и искусства. Так, в Барнауле ведётся работа по введению в строй современного концертного зала Музыкального колледжа, а в 2025 году здесь состоятся Всероссийский и Международный конкурсы по специальностям струнно-смычковых инструментов.

Подводя итоги сказанному, можно сказать, что анализ всех составляющих того «духовного обморока» куда рухнула Россия 90-х годов позволяет, опираясь на её исторический опыт с подобными катаклизмами, найти эффективные пути для их преодоления.

Если приводить положительные примеры в этой области, то можно говорить об определенных сдвигах в этой борьбе. Прежде всего, это сохранившийся у нас высокий статус профессионального искусства. Здесь следует отметить растущее обращение к сокровищам русской музыки, шедевры которой всё чаще звучат на эстраде. Интересно, что несмотря на активно культивируемую на Западе «русофобию», спрос на русскую музыку там необычайно растёт. В числе самых известных её пропагандистов «Брамс трио», дирижёры В. Спиваков и В. Гергиев, пианисты Д. Мацуев, Н. Луганский и др. Значимо увеличилось и количество посещений оперных театров, где уже серьёзно стоит проблема «лишних билетов».

Борьба за русскую духовность ведётся и на других участках этого строительства. Здесь стоит назвать блестящие лекции по русской истории и культуре, которые ведёт по телевидению профессор В. Мединский. Они собирают миллионы слушателей, которые оставляют многочисленные вос-

торженные отклики.

Большая государственная работа, которая планируется по инициативе Президента России для сохранения основы нашей русскости – это борьба за утверждение истинного русского языка-который является исторической основой нашей культуры и духовности. Заметны в этом направлении и усилия «Изборского клуба» философов России. Всё это вместе взятое вызывает уверенность, что мы все сможем в обозримом будущем возродить утерянные в массовом сознании, особенно молодёжи, великие нравственные императивы Русского Мира, которыми веками гордилась наша страна.

Список литературы

1. Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. Серия «Выдающиеся мыслители». – Ростов -на-Дону: Феникс, 1998. 512 с.
2. Черчилль У. // URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/450318-uinston-cherchill-ia-ne-mogu-predskazat-deistvii-rossii-eto-golovol/> (Дата обращения: 02.02.2025)
3. Андреев Д.Л. Роза Мира. / Сост. и подготов. текста А.А. Андреевой. – М.: Иной Мир, 1992. 576 с.
4. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – М.: Дарь, 2005. 496 с.
5. Хренников Т. «Завтра» № 39 (671) от 27 сентября 2006 г. // URL: <https://zavtra.ru/blogs/2006-09-2781>. (Дата обращения: 10.02.2025)
6. Дроздова М.А. Уроки Юдиной. – М.: Классика-XXI, 2006. 222 с.
7. Хлыстова Н.А. По ту и эту сторону: опыт деконструкции. – Томск: ИОА СО РАН, 2003. 322 с.
8. Толстой А.К. Коль любить, так без рассудку. // URL: <https://www.culture.ru/poems/47951/kol-lyubit-tak-bez-rassudku> (Дата обращения: 01.02.2025)
9. Лосский Н.О. Характер русского народа. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, Дарь, 2005. 336 с.
10. Свиридов Г. В. Музыка как судьба./ Сост и авт. предисл и коммент. А.С.Белоненко. – М.: Молодая гвардия, 2002. 798с.
11. Ципко А.С. Десять лет, которые потрясли...1991-2001. – М.: Вагриус, 200 с.
12. Иванов А.В, Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. – М.: Современные тетради, 2004. 647 с.
13. Степун В.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Федор Августович Степун; Вступ. статья, составление и комментарии В.К. Кантора. – М.: Астрель, 2009. 666 с.
14. Федотов Г. В . Святой Филипп, митрополит Московский 1928 г. // URL: <https://solovki-monastyr.ru/library/654/> (Дата обращения: 01.02.2025)
15. Шпеддик Томаш. Русская идея: иное видение человека / Пер.с франц. В.К Зелинского и Н.Н Костома-

ровой. – СПб.: Издательство Олега Обышко, 2006. 372 с.

16. Бодрийяр Жан. Общество потребления. Перевод с французского Е.А. Самарской. – М.: АСТ, 2024.

References

1. Trubetskoy E.N. Selected Works. Series "Outstanding Thinkers". - Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. 512 p.
2. Churchill W. // URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/450318-uinston-cherchill-ia-ne-mogu-predskazat-deistvii-rossii-eto-golovol/> (02.02.2025)
3. Andreev D.L. Rose of the World. / Comp. and preparation of the text by A.A. Andreeva. – Moscow: Other World, 1992. 576 p.
4. Fedotov G.P. The Fate and Sins of Russia. – Moscow: Dar', 2005. 496 p.
5. Khrennikov T. "Tomorrow" № 39 (671) of September 27, 2006 // URL: <https://zavtra.ru/blogs/2006-09-2781>. (02.10.2025)
6. Drozdova M.A. Yudina's Lessons. – M.: Classic-XXI, 2006. 222 p.
7. Khlystova N.A. On This and That Side: The Experience of Deconstruction. – Tomsk: IAO SB RAS, 2003. 322 p.
8. Tolstoy A.K. If You Love, Then Without Reason. // URL: <https://www.culture.ru/poems/47951/kol-lyubit-tak-bez-rassudku> (02.01.2025)
9. Lossky N.O. Character of the Russian people. – M.: Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Dar', 2005. 336 p.
10. Sviridov G.V. Music as fate. / Comp. and author. foreword and commentary. A.S. Belonenko. – M.: Young Guard, 2002. 798 p.
11. Tsipko A.S. Ten years that shook.... 1991-2001. – M.: Vagrius, 200 p.
12. Ivanov A.V., Mironov V.V. University lectures on metaphysics. – M.: Sovremennye Tetradi, 2004. 647 p.
13. Stepun V. A. Life and Work. Selected Works / Fyodor Avgustovich Stepun; Introduction, compilation and comments by V. K. Kantor. – M.: Astrel, 2009. 666 p.
14. Fedotov G. V. Saint Philip, Metropolitan of Moscow 1928 // URL: <https://solovki-monastyr.ru/library/654/> (02.01.2025)
15. Shpedlik Tomas. Russian Idea: A Different Vision of Man / Translated from French by V.K. Zelinsky and N.N. Kostomarov. – SPb.: Oleg Obyshko Publishing House, 2006. 372 p.
16. Baudrillard Jean. Consumer Society. Translated from French by E.A. Samarskaya. – M.: AST, 2024.

Антипов М.А.

Аспирант. Московский педагогический государственный университет.

Антропологический аспект в учении Н.А. Бердяева о будущем России*

Аннотация. В статье исследуется антропологическое измерение историософской концепции Н.А. Бердяева о будущем России. Цель работы заключается в выявлении связи между философской антропологией мыслителя и его видением исторических перспектив России. На основе герменевтического анализа философского наследия Бердяева раскрывается ключевая роль таких категорий как творчество, свобода и духовное преображение личности в контексте исторической судьбы страны. Исследование показывает, что будущее России в интерпретации философа неразрывно связано с духовным самоопределением человека и преодолением кризиса технократической цивилизации. В статье доказывается, что бердяевский подход к проблеме будущего России имеет выраженное антропологическое основание, где историческое развитие страны представлено как реализация творческого потенциала личности. Результаты исследования позволяют переосмыслить современные вызовы российской идентичности через призму бердяевской философской антропологии, предлагающей альтернативу как технократическому детерминизму, так и традиционалистскому фатализму в понимании исторического процесса. Практическая значимость работы заключается в формировании концептуального базиса для интеграции идей Бердяева в современный культурно-образовательный и общественно-политический дискурс.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, философская антропология, личность, свобода, творчество, будущее России, духовное преображение, историософия, технократическая цивилизация, персонализм.

Antipov M.A.

Graduate Student. Moscow Pedagogical State University.

Anthropological aspect in N.A. Berdyaev's teaching on the future of Russia

Abstract. The article examines the anthropological dimension of N.A. Berdyaev's historiographical concept on the future of Russia. The purpose of the work is to identify the connection between the philosophical anthropology of the thinker and his vision of the historical prospects of Russia. Based on the hermeneutic analysis of Berdyaev's philosophical heritage, the key role of such categories as creativity, freedom and spiritual transformation of the individual in the context of the historical destiny of the country is revealed. The study shows that the future of Russia in the interpretation of the philosopher is inextricably linked with the spiritual self-determination of man and overcoming the crisis of technocratic civilization. The article proves that Berdyaev's approach to the problem of the future of Russia has a pronounced anthropological basis, where the historical development of the country is presented as the realization of the creative potential of the

* © Антипов М.А., 2025.

Антропологический аспект в учении Н.А. Бердяева о будущем России

individual. The results of the study allow us to rethink contemporary challenges to Russian identity through the prism of Berdyaev's philosophical anthropology, which offers an alternative to both technocratic determinism and traditionalist fatalism in understanding the historical process. The practical significance of the work lies in the formation of a conceptual basis for integrating Berdyaev's ideas into contemporary cultural, educational and socio-political discourse.

Key words: N.A. Berdyaev, philosophical anthropology, personality, freedom, creativity, the future of Russia, spiritual transformation, historiosophy, technocratic civilization, personalism.

Философское наследие Николая Александровича Бердяева строится вокруг антропологической проблематики, определяющей весь характер его мировоззрения. В центре его философских изысканий находится человек, понимаемый не как абстрактное понятие, а как конкретная личность, наделенная свободой, творческим потенциалом и вовлеченная в драматические противоречия бытия. Учение Н.А. Бердяева представляет глубокий философский анализ судьбы России через призму антропологического измерения, где личность становится центральным элементом исторического процесса. Мыслитель развивает идею о том, что будущее России неразрывно связано с духовным преображением человека, преодолением материалистического детерминизма и раскрытием творческого потенциала личности в контексте национального самосознания. Бердяев утверждает особый путь России, основанный не на внешних социально-политических преобразованиях, а на внутреннем преображении человека, способного реализовать свою богочеловеческую природу в историческом процессе [1].

Творчество в философии Бердяева приобретает статус важнейшего антропологического измерения. Через творческий акт человек не просто создает культурные ценности, но преображает мир и собственную природу. Творчество всегда есть прорыв к трансцен-

дентному, преодоление детерминированности материального мира. Именно в творчестве Бердяев видит подлинное призвание человека, его ответ на божественный зов. Антропология Бердяева драматична по своей сути, поскольку раскрывает фундаментальное противоречие между духовной и природной составляющими человека. Дух стремится к свободе и творческому преображению мира, тогда как природное начало тянет человека к необходимости и детерминизму. Это противоречие создает внутреннее напряжение человеческого существования, которое может быть разрешено только через духовное преображение личности. Для Бердяева свобода представляет не просто свойство человека, но его онтологическую сущность. Она предшествует бытию и коренится не в природном, а в духовном мире. Бердяев утверждает первичность свободы по отношению к любым формам необходимости, видя в ней иррациональное начало, неподвластное рациональному осмыслению. Человеческая свобода обнаруживает себя в творческом акте, преодолевающем объективацию мира [2].

Взаимоотношения личности и общества представляют собой сложную диалектику. Бердяев отвергает как крайний индивидуализм, растворяющий общество в атомизированных индивидуумах, так и коллективизм, поглощающий личность в безликой массе. Общество имеет ценность лишь в той

мере, в какой оно способствует раскрытию творческого потенциала личности. Всякое подавление личности во имя коллективных интересов Бердяев рассматривает как противоление божественной природе человека. В историческом процессе личность играет амбивалентную роль. С одной стороны, она подвержена влиянию истории и культурных традиций, с другой – выступает активным творцом исторической действительности. Историческая судьба России в представлении Бердяева неразрывно связана с возможностью раскрытия творческого потенциала личности, освобождения ее от всех форм внешнего принуждения [9].

Критическое осмысление современной ему цивилизации приводит Бердяева к глубокому антропологическому пессимизму. Он диагностирует кризис европейской культуры как следствие дегуманизации общества, подчинения человека техническому прогрессу и безличным социальным механизмам. Массовая культура, технократия, тоталитарные идеологии – все эти явления Бердяев рассматривает как формы порабощения человека, утраты им своей духовной сущности. Однако пессимизм Бердяева в оценке современности сочетается с оптимистической верой в возможность духовного возрождения человека. Выход из кризиса он видит в преобразении человеческого сознания, в возврате к духовным истокам. Особую роль в этом процессе Бердяев отводит России, в которой усматривает потенциал для создания нового типа культуры, основанной на примате духовных ценностей над материальными [10].

Философская рефлексия Н.А. Бердяева о судьбе России занимает особое место в его наследии, представляя собой не просто историко-политический анализ, но глубокое метафизическое ос-

мысление исторического пути страны. Россия для Бердяева выступает не столько географическим или государственным образованием, сколько духовной реальностью, наделенной уникальным призванием в мировой истории. Бердяев развивает оригинальный подход к изучению России через призму антиномий русского национального характера. Противоречивость, полярность, сочетание противоположных начал в русской душе становятся для него ключом к пониманию исторической судьбы страны. Философ подчеркивает, что Россия не может быть постигнута рационально-логическими методами, она требует интуитивного проникновения в ее духовную сущность. Критика западного рационализма и материализма становится важным элементом историко-философской концепции Бердяева. Технократическая цивилизация Запада, по его мнению, утратила духовные основания и породила механистическое отношение к человеку. Бердяев видит в этом опасность не только для западных обществ, но и для России, которая подвергается соблазну заимствования чуждых ей форм жизни. Именно в преодолении западного рационализма и возвращении к духовным основам бытия он усматривает важнейшую задачу России [6].

Духовное преобразование человека составляет ядро бердяевского видения будущего России. Мыслитель утверждает, что внешние социальные и политические преобразования не могут привести к подлинному обновлению страны, если они не сопровождаются внутренней духовной работой. Революция духа, а не материальных отношений — вот что необходимо России. Бердяев подвергает резкой критике как царский режим, так и большевизм за их общий грех — пренебрежение духовной свобо-

дой личности. Творческая активность личности рассматривается Бердяевым как подлинная движущая сила исторического процесса. Он отвергает детерминистские концепции истории, видя в них отрицание свободы человека. История, по Бердяеву, есть драма свободы, разворачивающаяся в противоборстве творческих и консервативных сил. Будущее России зависит от того, насколько в ней будет реализован творческий потенциал личности, насколько она сможет создать культуру, основанную на примате духа над материей [7].

Диалектика свободы и ответственности занимает важное место в размышлениях Бердяева о будущем России. Свобода без ответственности вырождается в произвол, а ответственность без свободы становится внешним принуждением. Только в их синтезе возможно созидание нового общества. Бердяев предостерегает от двух крайностей — как от анархического своеволия, так и от тоталитарного подавления личности. Ответственная свобода требует духовной зрелости, которую Россия призвана обрести через преодоление исторических испытаний [5].

Будущее России в философии Бердяева неразрывно связано с духовным выбором человека. Философ отвергает фаталистические концепции истории, подчеркивая, что историческая судьба зависит от свободного волеизъявления личностей. Россия стоит перед альтернативой: либо путь духовного возрождения, либо погружение в бездуховность и подчинение техногенной цивилизации. Критика тоталитаризма пронизывает все размышления Бердяева о будущем России. Пережив революцию и изгнание, он воспринимает тоталитарные тенденции как величайшую угрозу не только для России, но и для всего человечества. Тоталитаризм

для Бердяева — это не просто политический режим, а метафизическое зло, отрицающее богозданную свободу человека. Будущее России он видит в освобождении от всех форм тоталитаризма, в создании общества, где личность имеет безусловный примат над государством и коллективом [3].

Философская антропология Бердяева дает ключ к пониманию роли личности в преодолении современных кризисов. Отвергая как индивидуалистический эгоизм, так и растворение личности в коллективе, Бердяев предлагает концепцию персонализма, в которой личность выступает как духовная реальность, способная преодолеть детерминизм обстоятельств. Эта идея особенно важна в контексте современных дискуссий о гражданском обществе и демократии в России. Бердяев показывает, что подлинная демократия возможна только там, где признается абсолютная ценность личности и ее неотчуждаемые права. Особую актуальность приобретает бердяевская критика технократического подхода к социальным проблемам. Философ предупреждал об опасности абсолютизации технического прогресса, который без духовного измерения ведет к порабощению человека созданными им инструментами. В эпоху цифровой трансформации общества эти предостережения звучат пророчески. Бердяевский подход к технике и экономике как к средствам, а не целям человеческого существования задает важную этическую перспективу для рассмотрения вопросов технологического развития России.

Абсолютизация творчества и свободы без достаточного учета их социальной обусловленности представляет собой проблематичный аспект философии Бердяева. В многообразном и

фрагментированном современном обществе сложно говорить о единой духовной парадигме, которая могла бы служить основой национального возрождения. Современная антропология должна учитывать множественность идентичностей, культурный плюрализм, неоднозначное влияние глобализации – факторы, не получившие достаточного освещения в творчестве Бердяева. Тем не менее, интеграция идей Бердяева в образовательные и культурные программы представляется перспективным направлением актуализации его наследия. Образовательная система современной России страдает от избыточного прагматизма и технократического уклона. Бердяевская философия с ее акцентом на творческом начале личности, на приоритете духовных ценностей может стать важным противовесом этим тенденциям. Включение его работ в школьные и университетские программы способствовало бы формированию критического мышления, более глубокому пониманию исторического пути России и ее культурных особенностей [8].

Культурная политика, опирающаяся на бердяевское понимание культуры как сферы духовного творчества, могла бы способствовать преодолению дихотомии между элитарной и массовой культурой, между традиционализмом и авангардизмом. Бердяев предлагает путь культурного синтеза, в котором традиция не противостоит новаторству, а служит его питательной почвой. Эта идея созвучна современным поискам культурной идентичности России в глобализирующемся мире. Антропологический аспект учения Бердяева о будущем России сохраняет свою актуальность, предлагая глубинное измерение для осмысления современных проблем и вызовов. Несмотря на

определенные ограничения его подхода, бердяевская философия человека может служить важным источником идей для формирования гуманистического мировоззрения в современном российском обществе [4].

Антропологический аспект учения Н.А. Бердяева о будущем России представляет собой целостную философскую концепцию, в которой судьба страны неразрывно связана с духовным самоопределением человека. Исследование показало, что в центре бердяевского видения будущего России находится преображенная личность, реализующая свой творческий потенциал и обретающая подлинную свободу.

Проведенный анализ позволил установить, что в антропологической перспективе Бердяева будущее России определяется не столько внешними социально-экономическими трансформациями, сколько внутренней духовной работой, «революцией духа». Философ утверждает онтологический примат личности над любыми формами коллективности, видя в духовном пробуждении человека ключ к преодолению исторических испытаний страны. Особое значение в учении Бердяева приобретает диалектика свободы и ответственности, которая проецируется на историческую судьбу России. Философ предостерегает как от анархического своеволия, так и от тоталитарного подавления личности, предлагая концепцию ответственной свободы как основу для национального возрождения.

Творческое наследие Бердяева позволяет по-новому взглянуть на проблемы современной России, предлагая антропологическую перспективу, в которой личность выступает не объектом политических и экономических

процессов, а субъектом исторического творчества. Именно духовное преобразование человека, согласно Бердяеву, составляет основу для подлинного обновления общества и определяет будущее России в мировой истории.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. 383 с.
2. Глазков А.П. Философия свободы Н.А. Бердяева: теологический аспект / А.П. Глазков, Д.О. Неужин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 167-173.
3. Жуков В.Н. Государство, политика и право в религиозной картине мира Н.А. Бердяева // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2 (146). С. 23-29.
4. Лезина Е.П. Актуальность философии Н.А. Бердяева в условиях демократии XXI века / Е.П. Лезина, Д.Е. Козеняшев // Социально-политические науки. 2021. № 6. С. 142-147.
5. Лобанова Ю.О. Смысл свободы как высшей ценности в философии Н.А. Бердяева // Новые идеи в философии: материалы III Междунар. науч. конф. – Москва: Буки-Веди, 2017. С. 16-19.
6. Моница Н.П. Тема кризиса западной цивилизации в историософии Ф.И. Тютчева и Н.А. Бердяева // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 3 (78). С. 78-84.
7. Силантьева М.В. Николай Бердяев о «духах революции»: историко-этические параллели // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 125-133.
8. Суслова И.Б. Этико-педагогическая составляющая философии Н. Бердяева - актуальные проекции // Гуманизация образования. 2017. № 6. С. 89-94.
9. Талалов М.А. Личность и общество в философии Н.А. Бердяева // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2022. № 2 (60). С. 131-138.
10. Устименко А.Л. Проблема объективации и трагедия культуры в интерпретации Н.А. Бердяева / А.Л. Устименко, Д.Л. Устименко // Ценности и смыслы. 2020. № 4. С. 76-89.

References

1. Berdyaev N.A. On the Purpose of Man / N.A. Berdyaev. - M.: Republic, 1993. 383 p.
2. Glazkov A.P. Philosophy of Freedom of N.A. Berdyaev: Theological Aspect / A.P. Glazkov, D.O. Nevezhin // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2020. № 3 (64). P. 167-173.
3. Zhukov V.N. State, Politics and Law in N.A. Berdyaev's Religious Picture of the World // Law and State: Theory and Practice. 2017. № 2 (146). P. 23-29.
4. Lezina E.P. Relevance of N.A. Berdyaev's Philosophy in the Context of Democracy in the 21st Century / E.P. Lezina, D.E. Kozenyashev // Social and Political Sciences. 2021. № 6. P. 142-147.
5. Lobanova Yu.O. The Meaning of Freedom as the Supreme Value in the Philosophy of N.A. Berdyaev // New Ideas in Philosophy: Proc. of the III Intern. scientific conf. – Moscow: Buki-Vedi, 2017. P. 16-19.
6. Monina N.P. The Theme of the Crisis of Western Civil-

ization in the Historiosophy of F.I. Tyutchev and N.A. Berdyaev // Cultural Life of the South of Russia. 2020. № 3 (78). P. 78-84.

7. Silantyeva M.V. Nikolai Berdyaev on the "Spirits of the Revolution": Historical and Ethical Parallels // Questions of Philosophy. 2018. № 1. P. 125-133.
8. Suslova I.B. Ethical and pedagogical component of N. Berdyaev's philosophy - current projections // Humanization of education. 2017. № 6. P. 89-94.
9. Talalov M.A. Personality and society in the philosophy of N.A. Berdyaev // Bulletin of Tver State University. Series "Philosophy". 2022. № 2 (60). P. 131-138.
10. Ustimenko A.L. The problem of objectification and the tragedy of culture in the interpretation of N.A. Berdyaev / A.L. Ustimenko, D.L. Ustimenko // Values and meanings. 2020. № 4. P. 76-89.

Дружкин С.М.

Ассистент департамента философии и социальных наук. Московский городской педагогический университет. SPIN-код: 7787-1862. ORCID: 0009-0005-6157-1928.

Биоэтика как практическая философия в Латинской Америке: современный философский дискурс*

Аннотация. Статья посвящена анализу роли биоэтики как практической философии в Латинской Америке, с акцентом на современные философские концепции и их влияние на развитие биоэтических норм в регионе. В работе рассматриваются историко-культурные предпосылки формирования биоэтики, включая влияние философии освобождения и теологии. Особое внимание уделяется трудам таких философов, как Флоренсия Луна, которая вводит концепцию «многослойной уязвимости», и Хуан Карлос Теальди, который анализирует биоэтику через призму власти и социальной справедливости. Статья критикует универсалистские подходы и акцентирует внимание на необходимости контекстуального подхода в решении биоэтических проблем, таких как доступное здравоохранение, права маргинализированных групп и другие. В заключении предлагаются рекомендации по дальнейшему развитию биоэтики, ориентированной на реальные социальные и культурные условия Латинской Америки.

Ключевые слова: Латинская Америка, практическая философия, философия освобождения, биоэтика, религиозный фактор в биоэтике, этический релятивизм.

Druzhkin S.M.

Assistant at the Department of Philosophy and Social Sciences Moscow city university.

Bioethics as a practical philosophy in Latin America: modern philosophical discourse

Abstract. The article analyzes the role of bioethics as a practical philosophy in Latin America, with an emphasis on modern philosophical concepts and their impact on the development of bioethical norms in the region. The paper examines the historical and cultural prerequisites for the formation of bioethics, including the influence of liberation philosophy and theology. Special attention is paid to the works of such philosophers as Florencia Luna, who introduces the concept of “layered vulnerability”, and Juan Carlos Tealdi, who analyzes bioethics through the prism of power and social justice. The article criticizes universalist approaches and focuses on the need for a contextual approach to solving bioethical problems such as affordable healthcare, the rights of marginalized groups, and others. In conclusion, recommendations are made for the further development of bioethics, focused on the real social and cultural conditions of Latin America.

Key words: Latin America, practical philosophy, philosophy of liberation, bioethics, religious factor in bioethics, ethical relativism.

* © Дружкин С.М., 2025.

Биоэтика как практическая философия в Латинской Америке: современный философский дискурс

Введение

В последние десятилетия биоэтика в Латинской Америке переживает качественные изменения. Современные идеи биоэтики развиваются в плоскости вопросов, касающихся социальной справедливости, прав человека, вдохновляясь философией освобождения и учитывая локальные культурные традиции [1]. Уникальность латиноамериканского подхода заключается в том, что биоэтика рассматривается не только как набор принципов («автономия», «благотворительность», «не навреди», «справедливость»), но и как практическая философия. Цель которой решать проблемы реального мира в условиях социального неравенства, культурной неоднородности и исторической травмы колониализма [2].

Наиболее активно эта идея развивается в трудах современных латиноамериканских философов, среди которых особое место занимает Флоренсия Луна (Florescia Luna). Её концепция «многослойной уязвимости» (layered vulnerabilities) расширяет понимание этических дилемм, показывая, что вопрос об «уязвимом субъекте» нельзя сводить к единичному признаку (например, болезни или бедности) [3], [4]. Напротив, каждый конкретный человек или сообщество может одновременно находиться в нескольких «слоях» уязвимости – социальных, экономических, гендерных, этнических и т.п. Соответственно, и биоэтические решения должны формироваться с учётом этой многослойности.

Таким образом, становится ясно, что современная биоэтика в Латинской Америке неотделима от философских и социокультурных факторов. Актуальность данной темы обусловлена тем, что многие страны региона пытаются легализовать или реформировать

аспекты медицинской и социальной политики (эвтаназия, репродуктивные права, трансплантология) в условиях высокой социальной дифференциации и многообразия культур. Философский анализ позволяет глубже увидеть смысловые основания этих реформ и потенциальные конфликты, возникающие между «универсальными» принципами и местными традициями.

Методология

Данное исследование основано на историко-философском, компаративном и герменевтическом методах. Историко-философский подход позволяет проследить эволюцию этических и религиозных идей, которые заложили основу современной биоэтики в регионе. Компаративный метод служит для сопоставления классического «принципиализма» [5] с латиноамериканскими альтернативами [2], [6]. Герменевтическая стратегия помогает интерпретировать тексты и социально-политический контекст, в котором развиваются идеи латиноамериканских философов.

Историко-философские основания латиноамериканской биоэтики

Исторически этические представления в Латинской Америке берут своё начало в колониальном периоде, когда возникали первые столкновения между католической традицией, принесённой конкистадорами, и местными мировоззренческими системами коренных народов [7]. «Школа Саламанки» (Франсиско де Витория, Бартоломе де лас Касас и др.) в XVI веке заложила фундамент понятия универсальных прав человека, признавая, что коренные жители Нового Света также имеют нравственное достоинство и право на защиту [8].

Однако подлинный философский

«рывок» в этике произошёл гораздо позже, в середине XX века, когда в результате многочисленных социально-политических потрясений в регионе начала формироваться философия освобождения [9]. Её центральная идея – критика колониальной и неоколониальной парадигм, а также вывод моральных норм из потребностей и интересов «угнетённых». С позиций философии освобождения, всякое этическое суждение должно исходить из конкретной, нередко трагической реальности бедности, насилия и социальной маргинализации. Энрике Дюссель подчёркивал, что этика не может оставаться «чистой» теорией. Она должна быть ориентирована на практику и освобождение человека [9].

Во второй половине XX века многие латиноамериканские страны переживали периоды диктатур, репрессий, массовых нарушений прав человека и колоссального неравенства [10]. Это стало катализатором для развития различных форм социального активизма, в том числе связанных с защитой здоровья и человеческого достоинства. Католическая церковь, с одной стороны, поддерживала консервативные взгляды на репродуктивные и семейные вопросы, с другой — именно из её недр вышли деятели теологии освобождения (Густаво Гутьеррес, Леонардо Бофф), объявившие борьбу за права бедных и угнетённых «христианским долгом» [11].

Именно в этой среде начало оформляться понимание того, что вопросы жизни и смерти, здоровья и благополучия не могут рассматриваться без учёта социальной несправедливости. Биоэтика, таким образом, изначально «заряжалась» политическим и философским смыслом, отличным от североамериканской и западноевропейской традиции, где доминировали идеи

либеральной автономии и индивидуальных прав [5].

Современные философские идеи и их влияние на биоэтику

В конце XX – начале XXI века в латиноамериканском философском поле появилась серия работ, предлагающих концептуально переосмыслить биоэтику. Одним из наиболее ярких примеров стала Флоренсия Луна (Florencia Luna), аргентинский философ, обративший внимание на проблематику уязвимости в биоэтическом дискурсе.

В своей статье «Elucidating the Concept of Vulnerability: Layers Not Labels» Луна [3] показывает, что уязвимость традиционно воспринимается как нечто одномерное: пожилые люди, дети, бедные сообщества и т. п. Однако в реальности уязвимость бывает «многослойной» (layered): индивид может одновременно испытывать финансовую нестабильность, дискриминацию по гендерному признаку и дефицит медицинских ресурсов. Эта многослойность существенно усложняет поиск решений в сфере биоэтики – от информированного согласия в клинических исследованиях до распределения дефицитных медицинских ресурсов.

В более поздних работах [12], [13] Флоренсия Луна продолжает развивать эту идею, настаивая на том, что «практическая» биоэтика должна не просто учитывать слой «бедности» или «болезни», но анализировать совокупную картину: взаимодействие социальных институтов, экономических условий и культурных традиций, формирующих ту или иную ситуацию уязвимости.

Другой важный мотив в современных латиноамериканских исследованиях – критика универалистских моделей, пришедших главным образом из

США и Европы [2], [12]. Если классический принципиализм (принципы: «автономия», «благотворительность», «не навреди», «справедливость») ориентирован на абстрактного «рационального субъекта», то латиноамериканские мыслители ставят под сомнение подобную «среднеарифметическую» фигуру человека. Они указывают на многообразие культурных практик и зачастую социальную уязвимость, которые трансформируют понятие автономии и справедливости [6].

Философия освобождения и родственные ей течения призывают к локальному (context-based) пониманию нравственных норм. Это означает, что внедрение, например, западных протоколов клинической этики или биомедицинских исследований без учёта местной специфики может приводить к ухудшению положения уязвимых групп, а не к их защите [14].

Другие философы предлагают другие подходы в латиноамериканской традиции. Энрике Лефф (Enrique Leff): развивает идею экологической рациональности и взаимозависимости между биоэтикой и защитой окружающей среды [15]. Эдуардо Гудунас (Eduardo Gudynas): исследует концепцию «Buen Vivir», призывающую к переоценке антропоцентрического подхода и включению этики в глобальный экологический контекст [16]. Хуан Карлос Теальди (Juan Carlos Tealdi): подчёркивает критику «биополитики» и «глобальной» биоэтики, видя в них нередко продолжение неолиберального дискурса, не учитывающего местных реалий [2].

Таким образом, современная латиноамериканская мысль в области биоэтики – это многоголосое поле, в котором пересекаются идеи философии освобождения, критической теории и

прагматических подходов к конкретным социально-медицинским проблемам.

Биоэтика как практическая философия: принципы и реализация

Одним из ключевых вопросов становится проблема справедливого распределения благ – будь то доступ к медицинской помощи, лекарствам, технологиям или чистой питьевой воде. Флоренсия Луна выделяет множество слоёв уязвимости, которые могут пересекаться: так, женщина из коренного населения может одновременно страдать от расовой дискриминации, отсутствия базовых социально-медицинских служб и правовой незащищённости [4]. В этом контексте биоэтика перестаёт быть абстрактной философской доктриной и превращается в «погружённую этику», взаимодействующую с реальными структурами власти.

На практике идеи латиноамериканской биоэтики воплощаются в разных форматах. Национальные комитеты по биоэтике: к примеру, в Бразилии (Conselho Nacional de Ética em Pesquisa), Мексике (Comisión Nacional de Bioética), Аргентине (Comité Nacional de Ética en la Ciencia y la Tecnología). Эти органы разрабатывают протоколы исследований, этические рекомендации для клиник и госучреждений [17]. Региональные сети и организации: RedBioética UNESCO проводит семинары и конференции, пропагандируя контекстно-ориентированный подход к биоэтике [18]. Местные социальные движения: женские организации, ассоциации коренных народов, экологические инициативы, религиозные общины, которые вносят свои требования в повестку. Важно, что эти движения опираются на философское осмысление справедливости и уязвимости [19].

Ключевые противоречия и дискуссии

Многие латиноамериканские страны формально приняли «продвинутые» законы в области биоэтики (например, разрешения на проведение клинических испытаний с соблюдением принципа информированного согласия, обязательные биоэтические комитеты при больницах). Однако в реальной жизни эти нормы не всегда воплощаются. Скажем, в сельских районах или в общинах коренных народов может отсутствовать базовая инфраструктура, а население иногда не знает о своих правах [7]. Возникает противоречие между «писаным законом» и культурными практиками, где вопросы здоровья и смерти могут регулироваться по традиционным канонам или религиозным учениям.

Католическая церковь и различные протестантские конфессии продолжают играть важную роль в общественно-политической жизни многих стран региона [10]. С одной стороны, религиозные сообщества часто являются источником моральной поддержки и социальной солидарности. С другой, консервативные позиции по отношению к абортam, эвтаназии и вопросам гендерной идентичности нередко вступают в конфликт с более либеральными или «освободительными» интерпретациями биоэтики [20], [22]. И, наконец, коренные этносы (индейцы, афро-латиноамериканские сообщества), чьи мировоззренческие системы могут значительно отличаться от христианско-европейской парадигмы [21].

Заключение

Латиноамериканская биоэтика с самого начала развивалась под сильным влиянием философии освобождения и идей социальной справедливости. Её отличительной чертой является ориен-

тация на «угнетённые» или «уязвимые» слои населения, что предполагает более широкий взгляд на вопросы здоровья, чем в классической западной модели.

Современные философы (Флоренсия Луна, Хуан Карлос Теальди, Энрике Лефф и др.) привносят в биоэтику концепцию многослойной уязвимости, эгоцентрические идеи и критику универсалистских схем. И предлагают выстраивать диалог между глобальными этическими стандартами (например, рекомендациями ВОЗ, ЮНЕСКО) и локальными традициями, исходя из принципа «комплементарности» [3]. Это не означает простого релятивизма. Скорее, речь о том, чтобы корректировать «универсальные» принципы (автономию, справедливость) с учётом конкретных исторических и социальных условий. В этом плане латиноамериканский опыт может оказаться полезным и для других регионов, сталкивающихся с похожими проблемами [14].

Биоэтика рассматривается не столько как набор абстрактных норм, сколько как практическая философия, погружённая в социальные и культурные контексты. Она требует междисциплинарного подхода, сочетающего философию, медицину, социологию, юриспруденцию и экологию.

Углублённое изучение коренных культур: важно провести больше полевых и антропологических исследований, чтобы понять, как мировоззренческие системы индейских общин или афро-латиноамериканских групп формируют особые этические практики.

Сравнительные исследования: полезно сопоставить латиноамериканский опыт с другими регионами Глобального Юга (Африка, Юго-Восточная Азия), чтобы найти общие черты и различия в подходах к «многослойной уязвимости».

Философская рефлексия даёт инструменты для критического анализа «универсальных» моделей, выявления скрытых предпосылок и формулирования новой повестки, в центре которой стоят самые уязвимые группы населения. Благодаря идеям Флоренсии Луны, Энрике Леффа и других латиноамериканских авторов, мы видим, что биоэтика способна трансформироваться из узко академической дисциплины в практическую философию, влияющую на социально-политические решения и защиту человеческого достоинства. Такой подход, основанный на локальном контексте и многослойном видении уязвимости, может стать образцом для глобальных этических дебатов в эпоху стремительных технологических и социальных перемен.

Список литературы / References

1. Zamorano A. Bioethics in Latin America: Between Universal Principles and Local Realities. // *Revista Latinoamericana de Filosofía*. 2019. № 32 (1) P. 56-70.
2. Tealdi J.C. Bioética, poder y justicia // *Diccionario latinoamericano de bioética*. – UNESCO: Universidad Nacional de Colombia, Bogotá, 2008. 657 p.
3. Luna F. Elucidating the Concept of Vulnerability: Layers Not Labels // *IJFAB: International Journal of Feminist Approaches to Bioethics*. 2009. № 1 (2). P. 121-139.
4. Luna F. Bioethics and Vulnerability: A Latin American View. – Amsterdam: Rodopi, 2006. 177 p.
5. Beauchamp T.L., Childress J.F. *Principles of Biomedical Ethics*. – 7th ed. – New York: Oxford University Press, 2013. 459 p.
6. Schramm F.R. Bioethics of Protection: A Health Social Technology for Equity and Human Dignity. // *Revista de Saúde Pública*. 2008. № 42 (6). P. 1042-1049.
7. Pérez C. Panorama de la bioética en América Latina: avances y retos. // *Boletín de la RedBioética UNESCO*. 2018. № 25. P. 15-27.
8. Pessini L., Barchifontaine C.P. Problemas atuais de Bioética. – São Paulo: Edições Loyola, 2000. 527 p.
9. Dussel E. Ética de la liberación en la edad de la globalización y de la exclusión. – México: Trotta, 2006. 661 p.
10. Martínez L. Catolicismo e Identidad: Una revisión histórica. / L. Martínez // *Revista de Estudios Latinoamericanos*. 2014. № 6 (3). P. 45-62.
11. Gutiérrez G. *Teología de la liberación*. – Lima: CEP, 1971. – 389 p.
12. Luna F. Infertilidad en Latinoamérica. En busca de un nuevo modelo / F. Luna // *Revista de bioética y derecho*. 2013. № 28. P. 33-47. – DOI: <https://dx.doi.org/10.4321/S1886-58872013000200004>
13. Luna F. Edición genética y responsabilidad // *Revista de bioética y derecho*. 2019. № 47. P. 43-54.
14. Garrafa V. Global Bioethics: The Need for a New Theoretical and Practical Approach in Latin America // *EJAIB*. 2005. № 15 (6). P. 190-193.
15. Leff E. Racionalidad ambiental: la reapropiación social de la naturaleza. – México: Siglo XXI, 2004. 502 p.
16. Gudynas E. Buen Vivir: Today's Tomorrow // *Development*. 2011. № 54 (4). P. 441-447.
17. PAHO/WHO. Bioethics: Towards the Integration of Ethics in Health. – Washington, D.C.: Pan American Health Organization, 2016. 15 p.
18. UNESCO. Universal Declaration on Bioethics and Human Rights. – Paris: UNESCO, 2005. 8 p.
19. Baptista G. Bioethics in Latin America: The Role of Social Movements / G. Baptista // *Journal of Global Ethics*. 2010. № 6 (2). P. 153-168.
20. Rodríguez M. Eutanasia en Colombia: avances y retos en su regulación. / M. Rodríguez // *Revista Colombiana de Bioética*. 2018. № 13 (1). P. 80-98.
21. Ramírez G. Ética intercultural y justicia en salud: experiencias de pueblos indígenas en América Latina. // *Cuadernos de Bioética*. 2011. № 22 (2). P. 197-208.
22. Veatch R.M. *A Theory of Medical Ethics*. – New York: Basic Books, 1981. 387 p.

Завгородний Т.О.*Аспирант, Санкт-Петербургский Государственный Университет. ORCID 0000-0001-8361-2747.***Рефлексия о пререфлексивном: самосознание
и его неконцептуальный аспект***

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу феномена самосознания в контексте западной феноменологии и буддийской мысли. Автор исследует противоречия классических теорий самосознания, таких как концепция рефлексии (теории высшего порядка), и альтернативные подходы, представленные Гейдельбергской школой (Генрих, Франк), которая утверждает, что самосознание носит неинтенциональный, ирреляционный характер и предшествует рефлексивным актам. Критикуя идею субъект-объектного дуализма, статья обращается к буддийской школе йогачара, где самосознание рассматривается как поток мгновенных переживаний, лишенных концептуальной фиксации. Анализируются механизмы формирования субъективности через самсары (аффективные тенденции), а также роль медитативных практик в исследовании неинтенционального сознания. Статья подчеркивает связь между феноменологией боли, нейрофизиологическими данными и буддийским учением об анатмане, демонстрируя, как отказ от концептуализации меняет восприятие реальности. Особое внимание уделяется диалогу между западной философией (Сартр, Анри, Левинас) и буддийской эпистемологией (Дхармакирти, Дигнага), выявляя общие основы в понимании аффективной природы сознания. Исследование заключает, что самосознание коренится в довербальном, аффицированном опыте, который структурируется травматическим воздействием Другого и языка, но сохраняет изначальную феноменальность, доступную через медитативную редукцию.

Ключевые слова: самосознание, теории высшего порядка, Гейдельбергская школа, буддийская философия, йогачара, самсары, рефлексия, неинтенциональное сознание, нейрофеноменология, медитация.

Zavgorodniy T.O.*Postgraduate Student, Saint Petersburg State University. ORCID 0000-0001-8361-2747.***Reflection on the pre-reflexive:
self-awareness and its non-conceptual aspect**

Abstract. The article is devoted to the philosophical analysis of the phenomenon of self-consciousness in the context of Western phenomenology and Buddhist thought. The author explores the contradictions of classical theories of self-consciousness, such as the concept of reflection (higher-order theory), and alternative approaches presented by the Heidelberg School (Heinrich, Frank), which argues that self-consciousness is non-intentional, irrelational and precedes reflective acts. Criticizing the idea of subject-object dualism, the article turns to the Buddhist school of Yogacara, where self-consciousness is viewed as a stream of momentary experiences devoid of conceptual fixation. The mechanisms of formation of subjectivity through samskaras (affective

* © Сторчак М.В., 2025.

Сакральные сюжеты гражданской религии в СССР

tendencies) are analyzed, as well as the role of meditative practices in the study of non-intentional consciousness. The article emphasizes the connection between the phenomenology of pain, neurophysiological data and the Buddhist teaching on anatman, demonstrating how the rejection of conceptualization changes the perception of reality. Particular attention is paid to the dialogue between Western philosophy (Sartre, Henri, Levinas) and Buddhist epistemology (Dharmakirti, Dignaga), revealing common ground in understanding the affective nature of consciousness. The study concludes that self-consciousness is rooted in pre-verbal, affective experience, which is structured by the traumatic impact of the Other and language, but retains the original phenomenality, accessible through meditative reduction.

Key words: self-awareness, higher-order theories, Heidelberg School, Buddhist philosophy, Yogacara, samskaras, reflection, non-intentional consciousness, neurophenomenology, meditation.

Введение

Предпосланное открытиями структурной лингвистики переосмысление языка как замкнутой, автономной системы, структурированной таким образом, что значения содержащихся в нем знаков обретаются не в соотношении с объектами внешней языку реальности, но в связи с другими знаками этой системы, привело европейское мышление, логоцентризм которого прочно увязывал между собой области языка, мышления и бытия, к финальной онтологической черте, подведенной тезисом Ж. Деррида (названного А.М. Пятигорским «чемпионом постмодернизма») «нет ничего вне языка». Помимо очевидных преимуществ в сравнении с другими онтологическими представлениями (меметичная фраза «из постмодерна выхода нет» есть следствие глубокой интуиции загнанности в угол: в логоцентричной цивилизации дрейф от одной парадигмы мышления к другой совершается посредством речи, выявление самозамкнутости которой лишает ее такой привилегии), такая точка зрения обладает определенным эпистемологическим изыщством: действительно, если восприятие реальности уже всегда опосредовано концептуальной структурой языка, то и познание такой реальности не представляется

проблематичным.

Но действительно ли мы можем отринуть представление о не опосредованном языковыми элементами восприятии, не вступая в противоречие с собственным опытом? С одной стороны, довольно сложно помыслить себе такой объект восприятия, который не был бы отмечен присутствием в нем языковых структур - ведь язык и есть способ объективации реальности и, следовательно, условие присутствия в опыте объектов. С другой стороны, направляясь к своим объектам, сознание горизонтальным образом также направляется и к себе самому: проблематичным представляется заявлять о том, что я сознаю стоящую передо мной чашку кофе, но не сознаю собственное переживание этой чашки. Отстаиваемый некоторыми исследователям тезис прозрачности (Dretske, 1995; Tye, 1995), согласно которому интроспекция опыта восприятия обнаруживает лишь независимые от ума объекты, качества и отношения, но не сам дающий их акт, не выдерживает критики, ведь та же самая чашка кофе может быть дана как в порядке восприятия, так и, например, в порядке памятования. Следовательно, коль скоро существует некоторое «как» нашего переживания, то вполне уместно вести речь и об осознании данно-

го переживания. Это позволяет постулировать, что знакомство с объектом предполагает и знакомство с собой. Таким образом, можно поставить вопрос о том, является ли опыт самосознания вербальным или же Я дан самому себе непосредственным способом.

Современные теории самосознания

Современная западная философская традиция предлагает два вида теорий, описывающих феномен самосознания: теории высшего порядка и одноуровневые теории. Теории высшего порядка берут свое начало в философии Дж. Локка, использовавшего термин рефлексия для описания способности ума оборачиваться на самого себя и делать собственные операции предметом созерцания. С этой точки зрения, самосознание есть интенциональный акт, включающий субъект-объектное отношение между двумя разными ментальными состояниями: допустим, субъект S пребывает в ментальном состоянии M (предположим, что состояние M есть воспоминание о былой любви). Однако сам факт пребывания S в M еще не дает субъекту возможности отдать себе отчет в этом воспоминании - это достигается лишь посредством вхождения S во вторичное («более высокого порядка») состояние M1, объектом которого будет состояние M.

Что не так с таким представлением? Теория рефлексии (т.е. представление о самосознании как о результате вторичного осознания изначального ментального состояния в результате акта сознания более высокого порядка) предполагает, что самосознание - есть результат рефлексии: т.е. для того, чтобы манифестировать себя феноменально, чувство, восприятие или мысль должны дожидаться своей объективации последующим рефлексивным актом.

Однако, теория само_сознания должна быть способна не просто объяснить, как то или иное состояние сознания становится сознательным - она должна также быть способной объяснить, как это состояние сознания становится МОИМ. Такое требование вытекает из повседневного опыта: знание о переживании всегда характеризуется перволичной данностью и обнаруживает его как данное КОМУ-ТО (т.е. в нем предполагается некоторая самоотнесенность). И для этой присвоенности не достаточно того, чтобы некое переживание А схватывалось неким переживанием Б: Б должно узнавать себя в А - именно так утверждается идентичность состояний сознания (в смысле их принадлежности одному потоку сознания). Возникает вопрос: как же установление такой идентичности возможно в порядке такой теории рефлексии, где переживание Б само не прошло путь осознания? Никак. А значит, сознание должно быть УЖЕ ВСЕГДА знакомо с собой как с познающим субъектом, а не создаваемым объектом - в противном случае, феномен самосознания всегда оказывался бы недостижимым среди возвышающихся друг над другом актов сознания. Теоретическая трудность проявляется, следовательно, в бесконечном регрессе, а практическая - в том, что в опыте вообще никогда не получается так, что я чувствую тревогу и начинаю думать о ней, с точки зрения того, чувствую ли Я ее: мой опыт свободен от ошибки идентификации. Таким образом, единственный способ избежать такого рода затруднения - принять существование необъективирующего самосознания как знакомства с собой.

Точка зрения, предлагаемая Гейдельбергской школой исследования самосознания (Д. Генрих, М. Франк), с одной стороны, представляется более

устойчивой: вслед за Сартром, представители этой школы утверждают (Frank, 1991), что сознание может быть дано себе в двух модусах, различие между которыми французский язык фиксирует разницей терминов *reflechir* и *refleter*: если первый передает смысл рефлексии, предполагающей «знание О» и, следовательно, имплицитно предполагающий разделение субъекта и объекта знания, то второй соответствует смыслу отражения и подобная дистинкция им не сообщается - субъект осведомлен о себе как о субъекте во всяком акте сознания. Для того, чтобы сделать отсутствие субъект-объектного разрыва в самосознании в смысле *refleter*, Сартр (Sartre, 1948) заключает в скобки предлог «о» - *conscience «de» soi*.

С другой стороны, такое представление о самосознании, по сути, основанное на критике теорий высшего порядка, является апофатичным: представители Гейдельбергской школы согласны с тем, что описываемый ими феномен самосознания ускользает от каких-либо попыток структурирования. Так, Генрих утверждает (Henrich, 1995), что акт самосознания отличен от объяснения самосознания: в то время как первый дан нам мгновенно в своей очевидности, понимание его нам не дано таким образом. Чтобы исследовать самосознание мы должны сделать его своим объектом - но тогда его изначальное субъективное измерение ускользнет от нас. Тем не менее, Генрих (Henrich, 1995) формулирует 4 тезиса о самосознании:

- сознание содержит знание о себе и нет такого сознания, которое не знало бы себя;

- самосознание - не есть перформативный акт сознания, имеющий какую-либо направленность, но ирреляционная данность; следование вне-

концептуальности

- самосознание есть лишенное эго измерение опыта; Гейдельбергская школа отстаивает представление о самосознании, лишенном субъекта (Я): в то время как рефлексия описывается как некоторая направленная активность, инициированная субъектом, пререфлексивное самосознание предваряет все перформативные акты - и, следовательно, не может быть приписано какому-либо ЭГО;

- самосознание - приватное дело сознания.

В то же время, именно мгновенное, неинтенциональное, ирреляционное и неконцептуальное самосознание является опорой для возникновения самосознания в виде рефлексии, в которой мыслится некое Я, концептуально очерченный (в порядке введения соответствующего личного местоимения) субъект (в отдельности от объекта). Что, впрочем, не означает отсутствие субъективности, источнику КАК всякого переживания. В свете скудности описания самосознания, возникающей в результате трудности концептуального схватывания неконцептуального переживания, представляется уместным обращение к буддийской традиции мысли, на практике исследовавшей различные состояния ума в их отдельности от дискурсивного мышления - в противном случае, описанное Гейдельбергской школой самосознание приобретает характер некоего «чистого принципа», чье содержание обречено неизменно ускользать от исследователя.

Буддийский взгляд на самосознание

Подобно европейским феноменологам, мыслители буддийской школы йогачара (школа только-сознания преследовала практические цели: описав

сознание, осмыслить механизм возникновения иллюзорной реальности – сансары - и ее преодоления) описывают самосознание как неинтенциональное (где ноэтическому полюсу соответствовала бы грахака – присваивающее, схватывающее – а, нозматическому – гракхъя – присваиваемое, схватываемое) (Lusthaus, 2002), неконцептуальное, однако, уточняется отношение между возникновением субъект-объектной дихотомии полюсов сознания и концептуального восприятия. С точки зрения Дхармакирти, «затопление» восприятия концептами происходит *на основании* уже случившейся в нем фундаментальной ошибки, создающей иллюзию разделения поля сознания на внутреннее и внешнее. Именно наличие такого разделения является условием появления концептуального восприятия: для идентификации «этого» КАК синего требуется как определение его в качестве эквивалентного тому синему, что уже было наблюдаемо, так и определение самого себя как субъекта ЭТОГО видения, эквивалентного УЖЕ видевшему.

Представление о некотором разрыве между находящимся в состоянии динамического раскола сознанием и сознанием концептуализирующим (проверяемое практически: понимание логического смысла анатмана, само по себе не дает возможности *переживать* мир иначе, подобно тому, как на иллюзии Мюллера-Лайера нам сложно заставить себя воспринимать отрезки равными, даже обладая соответствующим пониманием) позволяет выделить еще один слой сознания: в котором уже/еще нет привычных объектов, определенных концептами в своих границах, но еще/уже есть некое трудно различимое «внутреннее-внешнее», данное в мгновенных партикулярных (несоотноси-

мых друг с другом) переживаниях, а не в иллюзорно-устойчивых обобщающих концептуализациях (Dunne, 2004).

Демонстрацией пребывания сознания в таком состоянии может служить разновидность медитации, во время которой медитирующий безоценочно наблюдает возникающие переживания (телесного или ментального характера). Предметом одного из исследований была динамика переживания боли во время такой практики. Концепт «боль» имеет несколько аспектов: сенсорный (различение, локализация, ощущаемая интенсивность болезненного стимула), аффективный аспект (эмоциональная значимость стимула), когнитивный (значение стимула, особенности его оценки, вызываемые им воспоминания и ожидания). В ходе нейрофеноменологического исследования было зафиксировано существенное снижение воспринимаемой неприятности болевых стимулов, коррелирующее со снижением нейрональной активности в зонах мозга, ассоциируемых с аффективными и когнитивными аспектами боли (при этом интенсивность боли либо не снижается, либо снижается несущественно). Иными словами, отказ от речевого осмысления и оценки переживания (в сущности, отказ от себя как от субъекта рефлексии), подавление его аффективного аспекта, меняют суть переживания: стимул различается, тогда как (согласно феноменологическим отчетам) его неприятность снижается, а (согласно нейрофизиологическим данным) наблюдается рост нейрональной активности в зонах мозга, связанных с сенсорными аспектами боли (что удивительно, так как ни один другой модулятор боли не способен, одновременно, уменьшить боль и повысить активность в этих зонах). Распад концепта через устранение его аффективной стороны,

погружает медитатора в поток мгновенных, сменяющих друг друга переживаний. Напротив, возникновение концептов, по представлениям учителя Дхармакирти Дигнаги (Dignaga, 2005), основано на исключаящем (апоха) принципе: следуя принципу эмоционально-мотивационной значимости из потока мгновенных переживаний слово исключает объекты-значения (так как речь идет о реальности сознания) из той области, к которой оно не может быть приложено. Т.е. слово есть способ превращения партикулярных, объединенных мотивационной значимостью, в универсалии – для их последующей фиксации, создающей субстанциалистское представление о реальности.

Следуя, с одной стороны, «теоретическим» описаниям, приводимым в сутрах, и, с другой стороны, практическим отчетам самих медитаторов, освободившись от влияния рефлексивной субъектности (т.е. восприятия актуального опыта как принадлежащего определенному субъекту), медитатор переживает на себе воздействие «самскар» – факторов индивидуации опыта (Степанянц, 2011), служащих основой для последующего формирования субъекта повседневного сознания и выделяемых им объектов реальности, являющихся предметом его заботы¹. В этом смысле, указанные самскары реализуют смысл самой увлеченной направленности сознания к чему-то внешнему, что выделяется из реальности на основании актуальных потребностей индивидуального сознания, впоследствии концептуализирует-

ся и далее пребывает в статусе объекта. Самскары, следовательно, выступают буддийским аналогом бессознательных тенденций и склонностей – аффектов - никогда не схватываемых в речи субъекта целиком (чаще всего, думая о своих желаниях, мы склонны мыслить связанные с ними объекты, тогда как структура желания остается доступной лишь в порядке логического вывода – в пользу чего свидетельствуют как Дхармакирти, так и классики психоанализа), но представляющим индивидуальное аффицированное «место» исхождения всякой речи.

Аффицированный субъект в европейской феноменологии

Буддийское представление о самскарах раскрывает смысл феноменальности сознания, уникального «как» опыта. Т.е. воплощающая смысл этого «как» субъективность, сформированная бессознательными влечениями, возникает до того, как ее желания (устремленности от внутреннего к внешнему) реализуются в «присутствие» феноменальных объектов. Такое представление созвучно идее М. Анри о том, что условием возможности феномена выступает явленность индивидуального сознания самому себе – лишь обнаружив себя, я могу обнаружить мир. Другими словами, в качестве предпосылки насыщенности опыта феноменами Анри выделяет саму жизнь как источник феноменализации («как» опыта): переживание любви в подавляющем большинстве случаев имеет вполне определенный объект, однако «суть» любви как аффективного переживания заключается не в том, на что она направлена, а в самом ощущении и переживании, которое дано мне с пугающей достоверностью (Ямпольская, 2013). То, что в любви воздействует, совпадает с тем,

¹ Предполагается, что кармический, т.е. причинно-следственный, эффект, задающий форму сознательного опыта, реализуется именно благодаря бессознательному воздействию этих факторов, имеющих структуру влечения (в дальнейшем развитии буддийской мысли частым синонимом самскар является четана – воление).

что испытывает воздействие – такая тождественность субъекта и объекта любви и образует структуру субъективного любовного переживания без какого-либо зазора между его полюсами.

В то же время, всякое аффицированное «как» нашего переживания предполагает затронутость субъекта некой болезненной нехваткой, цели устранения которой и подчинена структура желания. Исследующий структуру фундирующей субъективности затронутости, Бернетт (Bernett, 2000) дополняет феноменологию психоаналитическим опытом и на основании сходства представлений Левинаса и Лакан о решающей роли Другого в возникновении субъективности указывает на событие пассивного столкновения с чуждым как на травматическое рождение динамического субъекта, столкнувшегося с двойной невозможностью: ни ответить на травму, ни не ответить на нее не представляется возможным в силу принципиальной «выброшенности» травмирующего события за пределы субъективного опыта (и опыта субъективности – как опыта времени), им и конституированного.

С другой стороны, такое представление не позволяет объяснить опыт аутизма: так, испытывавшая такой опыт на себе и частично его преодолевшая И. Юханссон (Юханссон, 2018, в соответствии с современными представлениями о больных расстройствами аутистического спектра как об имеющих значительные трудности с установлением контакта с окружающими, описывая свои воспоминания о периоде, предшествовавшем ее решению выйти за пределы собственного мира (любопытно, что решение покинуть этот мир Юханссон связывает с расцветом подростковой сексуальности, возбуждавшей в ней интерес к Другому), рас-

сказывает, что другие представлялись такими же объектами, как и предметы обихода. Более того, характерно, что шведская писательница воспринимала и саму себя в качестве такого же объекта – по всей вероятности, именно в силу такого переживания то, что мы могли бы назвать ее внутренним миром, в котором она обитала большую часть времени, именовалось ей «миром снаружи». Так или иначе, даже имея в виду отсутствие зафиксированной субъектности, случай Ирис позволяет говорить о наличии опыта, обладающего своим «как», и который мы, из привычной нам ситуации субъект-объектного раскола сознания, именуем «субъективным», «внутренним»².

Следовательно, хотя Другой, вероятно, и является условием Субъекта, будучи, одновременно, источником и адресатом речи, все же его травмирующее возникновение не может быть источником субъективного переживания. С другой стороны, способность иметь такое переживание, не будучи затронутым Другим и языком, в очередной раз указывает на довербальный слой феноменального опыта – в соответствии с описанием буддийских философов, расколотого на поле внутреннего и внешнего без предпосланной способностями концептуализации объективированной фиксации «устойчивых сущностей». Такой слой, в силу от-

2 С одной стороны, такой, не наводненный концептами опыт, являющийся своему обладателю в виде динамического потока мгновенных переживаний, может быть понят в качестве примера опыта партикулярный, описываемого Дхармакирти. С другой стороны, в терминах гуссерлевской феноменологии, будучи конституирующим измерением субъективности – как неинтенциональная гилетическая самоданность, создающая для пробуждающегося Я поле предданной, аффективно мотивирующей предметности, выступающая основанием для последующего интенционального акта, конституирующего смысловую ноэму.

сутствия напряжения между субъектом и объектом сложно полагать интенциональным, однако, в виду наличия «как» его переживания, вполне можно полагать феноменальным и феноменизирующим, данным самому себе, аффицированным самим собой в своем «как».

К вопросу о возможности «схватывания» неинтенционального самосознания

Возможна ли редукция к такому слою сознания? С точки зрения традиции буддийской йоги, искусственное, т.е. воспроизводимое с намеренным усилием исключение из рефлексии над собственным опытом субъект-объектной оппозиции и переход от «что» наблюдения к его «как» не просто возможно: такого рода созерцание не содержаний, но изменчивых состояний ума является одним из способов его очищения и последующего просветления. Так, Сутра об основах осознанности называет два способа ее установления – в отношении тела и в отношении ума. Фундаментальными условиями возможности установления осознания ума, следуя А.М. Пятигорскому (Пятигорский, 2016), (равно как и осознания тела), является, во-первых, созерцание не *моего* ума (т.е. некоторого случая мышления как принадлежащего мне, субъекту этого мышления), но редукция к уму как *объекту* моего ума, и, во-вторых, моя внутренняя договоренность, согласно которой один из факторов определенного изменчивого *состояния* мышления может покрывать все его случаи, при этом, не являясь содержанием ни одного из этих случаев. Такими факторами являются состояния ума, переменчиво охватываемого страстью, отвращением, сомнением, апатией и т.д. При прекращении усилия объективной редукции, направленного

на безоценочное наблюдение изменчивых состояний ума, и переходе к его объектам, к содержанию мышления – мышление мышления прекращается³.

Нельзя, впрочем, сказать, что, по крайней мере, на ранних этапах практики такого рода осознание лишено дискурсивности: замечая движение ума, медитатор определяет его в терминах одного из факторов (например: «это ум с отвращением»). Важно, однако, подчеркнуть четкое различие аффективного и дискурсивного моментов мышления: опытные медитаторы, развившие свою чувствительность к моментам ума (аналогично развивающим чувствительность в отношении ощущений тела), отмечают, что возникновению содержательной мысли предшествует «напряжение», «импульс», «ощущение движения», «побуждение» (Bitbol, 2017)⁴. Такое различие созвучно представлению Анри о необходимости присутствия 3А интенциональным сознанием, сознания феноменального или, правильнее, феноменизирующего.

С точки зрения буддийских философов, возможность разделения в сознании явления и его явленности предпослана возможностью переживания быть данным самому себе: по-

3 Обращает на себя внимание родственность объективной редукции, ориентирующейся на мышление в его «как», постфеноменологическим редукциям – в частности редукции к данности Мариона: если редукция Гуссерля обнаруживала предметности интенционального сознания, Хайдеггера – способы их бытия, то Марион и впоследствии Анри выходили за границы феномена в сторону его данности и приводили либо к Богу (в случае первого), либо к самоаффицированному субъекту (в случае второго).

4 Другим примером такого различия является практика осознанности, имеющая своим предметом элементы учения: созерцая 4 Благородные истины, медитатор стремится превратить знание О благородных истинах в собственное истинствование, пребывать в этих истинах, а не просто понимать сообщаемый ими смысл.

добно западным философам сознания, в попытке объяснения его природы, буддийские мыслители также часто используют метафору света, освещающего самого себя в неинтенциональном, недуральном порядке (Yiannopoulos, 2017)⁵. Дхармакирти указывает на боль и удовольствие как примеры самоданных переживаний: не будь переживание самоосознающим, у нас возникали бы затруднения с идентификацией их субъекта – тогда как в реальности мы сталкиваемся с тем, что осознание субъектом объекта сопряжено с осознанием *своего* осознания объекта, лишённого, следовательно, привычных черт интенционального акта – его полюсов и их концептуализации.

Таким образом, обращение к буддийскому опыту исследования самосознания указывает на фундирующий рефлексивное самосознание слой неинтенционального, неконцептуального самосознания. Именно этот слой сознания является местом реализации феноменальности переживания, структурированного в соответствии со спецификой травмы, формирующей динамику субъективной заботы (понятая в хайдеггеровском смысле, в данном случае она сближается по значению с буддийским представлением о жажде как об источнике старания). Именно в поле такого аффективного опыта при наводнении его концептами, субъект фиксирует универсальные, концептуально-сформированные объекты влечения, равно как и себя самого.

Список литературы / References

1. Пятигорский А.М. Мышление и наблюдение: четыре лекции по обсервационной философии. – СПб.: Аз-

- бука, Азбука-аттикус, 2016.
2. Юханссон, И. Особое детство - Москва: Теревинф, 2018.
3. Ямпольская А.В. Самоаффицирование жизнью в работах М. Анри // Ямпольская А.В. Феноменология в Германии и Франции: проблемы метода. – Москва, 2013.
4. Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. – М.: Вост. лит., 2011. 1045 с. – ISBN 978-5-02-036492-9
5. Bernet R. The Traumatized Subject. Research in Phenomenology. 2000. № 30 (1). P. 160-179.
6. Michel Bitbol, Claire Petitmengin, Martijn van Beek, Jean-Michel Nissou, Andreas Roepstorff. What is it like to meditate? Methods and issues of a micro-phenomenological description of meditative experience. Journal of Consciousness Studies. 2017. № 24 (5-6). P. 170-198.
7. Dretske, F. Naturalizing the Mind – 1995 - Cambridge, Mass.: MIT Press.
8. Dignaga. Dignaga's Pramāṇasamuccaya, Chapter 1: Hypothetical reconstruction of the Sanskrit text with the help of the two translations on the basis of the hitherto known Sanskrit fragments and the linguistic materials gained from Jinendrabuddhi's Tika (Ed. by Ernst Steinkellner), 2005.
9. Frank, M. Selbstbewußtsein und Selbsterkenntnis – 1995 - Stuttgart: Reclam.
10. Henrich, D. Selbstverhältnisse – 1982 - Stuttgart: Reclam.
11. Lusthaus D. Buddhist Phenomenology: A Philosophical Investigation of Yogacara Buddhism and the Ch'eng Wei-shih Lun (1st ed.). Routledge, 2002.
12. Sartre J.P. "Conscience des soi et connaissance de soi," (1947), in Bulletin de la Société Française Philosophie – 1948. № 42. P. 49-91.
13. Tye M. Ten Problems of Consciousness – 1995 - Cambridge, Mass.: MIT Press.
14. Yiannopoulos A. Reflexive Awareness and the Four Stages in Ratnākaraśānti's Epistemological Works – 2017 - Journal of the International Association of Buddhist Studies, 40, 239-267.

5 Для описания такого положения дел используется термин «свасамведана» (самоосознание, самоощущение) – т.е. внеконцептуальное непосредственное восприятие, не конструирующее своего объекта.

Корсак М.В.

Кандидат философских наук, доцент кафедры «Архитектура и дизайн».
Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет
имени Т.Г. Шевченко» Бендеры, Приднестровье, Молдова. SPIN-код: 9665-1457

Чудина Т.В.

Старший преподаватель кафедры «Архитектура и дизайн»
Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет
имени Т.Г. Шевченко» Бендеры, Приднестровье, Молдова.

Золотухина Н.В.

Старший преподаватель кафедры «Архитектура и дизайн»
Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет
имени Т.Г. Шевченко» Бендеры, Приднестровье, Молдова. SPIN-код: 1380-5095

Дудник А.В.

Старший преподаватель кафедры «Промышленное и гражданское строительство»
Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет
имени Т.Г. Шевченко» Бендеры, Приднестровье, Молдова. SPIN-код: 4418-7563

Философская экспликация архитектуры как развивающейся системы*

Аннотация. Синергетический подход эффективен не только в рамках философских исследований процессов самоорганизации в открытых системах, но и при изучении общих закономерностей архитектурного процесса, в проектировании современных объектов, отвечающих требованиям энергоэффективности и экологичности. Принципы синергетики оказали значительное влияние на формирование нового мышления в архитектуре, нового отношения к качеству и эстетическому, функциональному содержанию архитектурной среды. Анализ современного архитектурного процесса с позиций синергетического подхода позволяет выявить основные тенденции, целевые установки и перспективы дальнейшего развития архитектурной среды, как формы объединения объективного и субъективного бытия, материального и идеального.

Ключевые слова: архитектурный процесс, синергетика, нелинейность, самоорганизация, пространство, фрактальная архитектура, социокультурные процессы, синергетический подход, открытые системы.

Korsak M. V.

Associate Professor of the Department "Architecture and Design",
Candidate of Philosophical Sciences. Bendery Polytechnic Branch.
State Educational Institution "Transnistrian State University
named after T.G. Shevchenko" Bendery, Transnistria, Moldova. SPIN code: 9665-1457

* © Корсак М.В., Чудина Т.В., Золотухина Н.В., Дудник А.В., 2025.
Философская экспликация архитектуры как развивающейся системы

Chudina T.V.

Senior Lecturer of the Department "Architecture and Design".
Bendery Polytechnic Branch. State Educational Institution "Transnistrian State University
named after T.G. Shevchenko" Bendery, Transnistria, Moldova.

Zolotukhina N.V.

Senior Lecturer of the Department "Architecture and Design".
Bendery Polytechnic Branch. State Educational Institution "Transnistrian State University
named after T.G. Shevchenko" Bendery, Transnistria, Moldova. SPIN-code: 1380-5095

Dudnik A.V.

Senior Lecturer of the Department "Industrial and Civil Engineering". Bendery Polytechnic Branch.
State Educational Institution "Transnistrian State University
named after T.G. Shevchenko" Bendery, Transnistria, Moldova. SPIN-code: 4418-7563

Philosophical explication of architecture as a developing system

Abstract. The synergetic approach is effective not only within the framework of philosophical studies of self-organization processes in open systems but also in the study of the general patterns of the architectural process, in the design of modern structures that meet energy efficiency and environmental requirements. The principles of synergetics have significantly influenced the formation of new thinking in architecture, shaping a new attitude toward the quality, aesthetic, and functional content of the architectural environment. Analyzing the modern architectural process from the perspective of the synergetic approach makes it possible to identify key trends, goals, and prospects for the further development of the architectural environment as a form of uniting objective and subjective existence, the material and the ideal.

Key words: architectural process, synergetics, nonlinearity, self-organization, space, fractal architecture, sociocultural processes, synergetic approach, open systems.

В последние годы значительное внимание среди общенаучных подходов привлекает синергетический подход, который изучает процессы развития через призму концепции самоорганизации. Самоорганизация трактуется как спонтанное формирование структур из беспорядка и хаоса в открытых неравновесных системах, которые активно обмениваются с окружающей средой веществом, энергией и информацией. Самоорганизация, являющаяся ключевым понятием синергетики, имеет философские корни. В философии часто обсуждается идея саморазвития,

самореализации и автономии, которые находят практическое выражение в синергетических теориях о том, как системы способны сами себя организовывать, не будучи управляемыми извне. Особенностью синергетики является, прежде всего, использование принципа единства линейности и нелинейности и выражение через него тех аспектов материального единства мира, которые связаны с общими свойствами процесса саморазвития сложных систем. В рамках синергетики вселенная рассматривается как диссипативная система с периодически сменяемыми элементами

(элементарными диссипативными системами). При этом, следует обратить внимание на то, что «синергетика не изобретает умозрительно общие эволюционные законы, она открывает их, показывая граничные условия их действия. Она исследует конкретные процессы самоорганизации» [4, с. 8].

Взаимоотношения порядка и хаоса, логики и иррациональности отражены во многих философских теориях, начиная от античных философов – Гераклита, Платона и Аристотеля. Кл. Майцнер говорит о том, что еще со времен досократиков фундаментальная проблема натурфилософии состояла в том, чтобы выяснить, каким образом из сложных, нерегулярных и хаотических состояний материи возникает порядок. Например, Гераклит верил в упорядочивающую силу Логоса, гармонизиующую нерегулярные взаимодействия и создающую упорядоченные состояния материи [9]. Ж. Делез и Ф. Гваттари в своих работах о философии множества и детерминизма поднимали вопрос о «хаосе» как генераторе новых форм порядка. В их концепции «анти-Эдипа» и «тысячи плато» хаос и порядок существуют не как противоположности, а как части единого, изменчивого процесса, который никогда не завершен и всегда развивается [5]. Синергетика развивает эти идеи, показывая, что в природе часто наблюдается переход от хаоса к порядку (и наоборот), что в философском контексте может быть связано с вопросами о границах стабильности и изменения.

Будучи новым способом объяснения мира и его феноменов, новым способом мышления, синергетика повлияла на трансформацию взгляда человека на мир, потребовала формирования новых принципов организации пространства для жизни и деятельности челове-

ка (так как в архитектуре человек всегда выражает свое видение картины мира, его построения). Принципы синергетики оказали значительное влияние на процесс формообразования в современной архитектуре, на формирование нового отношения к качеству и эстетическому, функциональному содержанию архитектурной среды.

Для современной науки характерно мощное движение к формированию общенаучной методологии, универсального метода, который позволил бы создать общее понятийное поле для естественных и гуманитарных отраслей знания. Синергетика может стать новым метаязыком, который позволит специалистам различных направлений решать наиважнейшие социокультурные, политические, экономические и другие задачи совместно, что повысит эффективность результатов труда ученых. Основателем этого направления является доктор философии, доктор естественных наук, физик Герман Хакен, который ввел понятие «синергетика» в 1970 году. Синергетика стала такой методологической базой для постнеклассической науки XXI века. Важную роль в ее развитии сыграло математическое моделирование, широко распространившееся в различных областях знания, включая архитектуру и градостроительство.

Теория архитектуры базируется на принципе синтеза различных областей научного знания, а также на утверждении того факта, что архитектура сочетает в себе искусство и технологии. Есть множество работ известных теоретиков, обосновывающих в ходе анализа современных архитектурных тенденций, а также в результате анализа исторического развития архитектуры сходство органических процессов, процессов роста растений и строительства

зданий. Среди современных архитектурных объектов повсеместно появляются энергоэффективные экологичные здания, сооружения на основе фрактального формообразования, причем, данный прием использован уже совершенно осознанно. Помимо синергетики как самостоятельной дисциплины и научной методологии существует и такая отрасль знания, как архитектурная синергетика. Термин архитектурная синергетика впервые был введен в архитектуру Ричардом Бакминстером Фуллером - американским дизайнером, архитектором и изобретателем.

Архитектура представляет собой не только деятельность по формированию среды жизнедеятельности человека. В мировоззренческом, философском аспекте, архитектура – это отражение актуальных взглядов человека на мир, отражение языком архитектурных форм понимания человеком строения мира, порядка и хаоса; это и отражение специфики социокультурных процессов. Таким образом, именно своеобразие современной социокультурной ситуации определяет и особенности архитектурного процесса, и превалирование в теории архитектуры тех или иных парадигм мышления. Плюрализм, проявляющий себя в эпоху постмодерна во всех сферах человеческой деятельности, от науки до искусства, от философии до повседневного общения, требует соответствующей методологии реализации в научной практике. Таким образом, синергетика, в силу своей дисциплинарной специфики, позволяет реализовать данный фундаментальный принцип в различных научных направлениях, в том числе – в теории архитектуры. Плюрализм, как принцип множественности подходов, пониманий, в случае применения в познании такой обобщающей, универсальной, меж-

дисциплинарной методологии, как синергетика, не исчезает, сохраняет свои позиции, но, при этом, не мешает формированию единых позиций по тем или иным исследовательским проблемам. Основные понятия синергетики позволяют в универсальных наглядных образах объяснять особенности поведения конкретных систем. В результате, познавая себя, свою сущность, общество может выйти из кризисного состояния, полноценно функционировать и осуществлять прогнозы на будущее.

Синергетические исследования в области архитектуры и, в целом - культуры и социокультурных процессов на данный момент находятся на стадии формирования, появляются первые работы. Рассмотрим детальнее, что представляет собой синергетика: «Начав своё развитие ещё в середине двадцатого века, в рамках таких научных направлений как общая теория систем и кибернетика, синергетика прошла долгий и сложный путь своего становления как нового научного направления. Сегодня синергетику понимают как междисциплинарное знание, новую картину мира, язык современной науки, научную парадигму, совокупность знаний о самоорганизации, нелинейности, порядке и хаосе» [1, с. 118]. А. Андреев обращает внимание на то, что статус синергетики определить достаточно сложно, так как она не укладывается в традиционное деление на научное, ненаучное, философское и другие виды знания. Следует заметить, что в этом также проявляется ее сходство с теорией архитектуры и архитектурной деятельностью в целом, для которой характерна неделимость научного и ненаучного, техногенного и природного, утилитарного и художественного, философского и мировоззренческого аспектов. В

современном научном сообществе также отсутствует единое мнение относительно статуса синергетики и её места в структуре научного знания [1, с. 118]. Синергетический подход становится особенно результативным в ситуации, когда необходимо применение новой методологии познания социокультурных процессов, позволяющей в известной мере абстрагироваться от частных проявлений действительности, отсеять все незначительное и проанализировать их предельно обобщенно, что даст реальную возможность получения нового, достоверного знания в ситуации перегруженности информацией, многозначности культурных событий и социокультурных практик, противоречивости научных позиций и мнений отдельных исследователей - «Основной задачей синергетики, как отмечают авторы, является выявление и познание общих закономерностей, управляющих процессами самоорганизации в открытых нелинейных диссипативных системах разной природы: физических, химических, биологических, технических и пр. Иногда, в этой связи, синергетику представляют как науку о законах рождения порядка из хаоса» [7, с. 3].

Масштабные трансформации в современном обществе определяют необходимость поиска новых принципов осмысления социокультурных процессов. Все более остро перед исследователями различных специальностей встает проблема непрерывного усложнения внутренней структуры общества и взаимосвязей в нем. Социальные субъекты и процессы на современном этапе отличаются «сверхсложность, гипертрофированность в развитии одних сфер за счет других, но в то же время все возрастающая взаимозависимость этих сфер» [6, с. 106]. С точки зрения протекающих в нем процессов, наше общество справед-

ливо охарактеризовать как устремленное к сверхсложности. Его изучение может быть реализовано исключительно через применение междисциплинарной методологии. В данном случае, привлечение принципов и понятий синергетики позволит сделать описание и анализ социокультурных процессов и явлений более понятным. Как метод познания, синергетический подход, на настоящее время еще не применяющийся широко в исследованиях общества и культуры, позволит выявить сущность происходящих в социокультурной сфере изменений, а также дать прогноз на будущее, что более чем значимо в современной ситуации. Синергетический подход, соответственно, является одной из наиболее адекватных форм познания современной все более усложняющейся, многогранной, плюралистичной действительности. Таким образом, в качестве цели работы следует указать анализ современных социокультурных процессов и такого знакового процесса современности, как виртуализация, с точки зрения синергетики.

Чтобы выявить взаимосвязь архитектурной деятельности и теории архитектуры с синергетикой, достаточно сформулировать определения объекта и предмета синергетики. Объект синергетики - сложные открытые системы, способные к самоорганизации и самоподдержанию. Такие системы характеризуются проникновением субстанций различной природы как внутрь системы, так и наружу, в результате происходит обмен ресурсами (например, информацией) с внешней средой. Их организация представляет собой упорядоченное разнообразие подструктур. Предмет синергетики включает законы организации, развития, существования и гибели сложных систем. Соответственно, архитектурная практика

и сама архитектурная среда входят в объект синергетики, представляя собой такую сложноорганизованную, открытую, саморазвивающуюся систему.

С точки зрения синергетического подхода, любое архитектурное пространство можно рассматривать как систему, которая непрерывно изменяется под воздействием множества внешних и внутренних факторов, что напоминает поведение живого организма. Современные исследования в разных областях науки требуют более точного представления реальных объектов и процессов, избегая упрощений их форм, контуров и поверхностей, а также исключения некоторых важных и характерных свойств этих объектов и процессов. Это касается сложной геометрии пористых материалов, кривизны неровных поверхностей, сетки трещин на твёрдых телах, траектории распространения молний, биологических конфигураций в мире флоры и фауны и многих других явлений. Пространственная форма фрактала повторяется в каждом её фрагменте, независимо от масштаба. Эта структура отражает иерархическую организацию материи в природе. При изменении масштаба структура не упрощается, и на всех уровнях остаётся одинаково сложной [2].

Феномен фрактальности, будучи универсальным и раскрывающимся также в архитектуре, затрагивает множество глубоких философских вопросов, от структуры реальности до природы познания и эстетики. Фракталы могут быть восприняты как символы бесконечности, изменений, цикличности и поиска смысла, а их самоподобие становится метафорой для множества слоев, через которые мы пытаемся понять мир. Фракталы могут быть как конечными, так и бесконечными. Это

даёт философам повод размышлять о природе бесконечности: бесконечная глубина, которую мы можем наблюдать в фрактале, порождает вопрос о том, что есть «конечность» и «бесконечность» в реальности. Бесконечное повторение и рост фракталов могут стать метафорой для философского поиска — бесконечной работы над самопознанием, попыток понять мир и само существование. Фракталы также могут быть восприняты как метафора самой структуры вселенной. Если природа проявляется через сложные, самоподобные формы, это может указывать на то, что реальность в своей основе является многослойной и непрерывно изменяющейся, несмотря на кажущуюся стабильность.

Использование фрактальных форм наполняет архитектурную форму глубоким философским смыслом, наряду со спецификой пространственной структуры, орнаментикой и колористическим решением. Можно привести целый ряд примеров фрактальных форм в архитектуре. Это самоподобие форм в архитектуре зданий индийских храмов (комплекс в Кхаджурахо); фрактальные прообразы и архитектура пирамидальных фасадов (ступенчатые пирамиды), колоколен, фасадов готических зданий Германии. Замок Капель-дель-Монте, Италия (построен по собственному проекту императором Священной Римской империи Фридрихом II), представляет в плане правильный восьмиугольник, к вершинам которого пристроены восемь башен, также имеющих в плане форму правильных восьмиугольников. Спиральные формы, отражающие один из распространенных фрактальных алгоритмов в природе, используются в архитектурной среде, включая также дизайн — например, спиральный декор храма

Василия Блаженного, металлические узоры оград и решеток, произведения декоративно-прикладного искусства. Таким образом, архитектура представляет собой систему с фрактальными свойствами, которые необходимо учитывать при формировании городской среды и проектировании в ней новых объектов. Фрактальные свойства проявляются как в отдельных архитектурных деталях, объектах, так и в городской среде в целом. Город – уникальное явление соединения творческой и технической деятельности человека, социокультурных процессов и явлений, и также – воздействий природных процессов. Городская среда в целом может быть представлена как непрерывная структура в пространстве и во времени, функционально развивающаяся во взаимосвязи с изменяющейся пространственной организацией города. Города и урбанистические пространства развиваются как сложные системы, в которых социальные, экономические и культурные силы влияют на структуру и форму. Как в природе, города могут «самоорганизовываться», создавая новые формы и структуры без централизованного планирования.

Архитектурная среда, включающая не только здания и сооружения, но и кварталы, улицы, районы, обладает фрактальными характеристиками. При увеличении масштаба плана города открываются новые детали пространственного устройства и транспортной инфраструктуры. Непрерывность развития городской среды иллюстрирует на примере города одну из особенностей фрактальных структур — способность к эволюции [2]. Многофункциональность и динамичность архитектурной среды города становятся основой для непрерывности градостроительного процесса, ко-

торый решает задачи проектирования и развития городской среды с учетом осмысления социально-экологических проблем и существующих на данный момент принципов формирования городского ландшафта. Известный архитектор Кишо Курокава поддерживает мнение об многоэлементности города: «города должны слагаться из суммы многих компонентов», но при этом он говорит следующее: «Мне кажется, что будущее за метаболизмом, т.е. за способными к расширению городами с неопределенными формами. Идеальный город XXI века – это открытый город, который никогда не остановится в росте» [8, с. 22]. В архитектурном формировании синергетика становится своего рода аппликацией органических и бионических заимствований из естественной природы. Основанное на нелинейном компьютерном моделировании, данное направление чаще всего называется в архитектурной теории и практике – «нелинейная архитектура». В качестве примера можно привести сооружение Metropol Parasol, построенное в Испании. Его также называют Грибы Севильи. На настоящий момент оно считается самым большим деревянным сооружением в мире.

Таким образом, анализируя современную архитектуру как саморазвивающуюся открытую систему, можно сформулировать следующие выводы:

- в силу своего стилового разнообразия, изменчивости и вариативности архитектурных форм и среды в целом, современный архитектурный процесс предполагает полидисциплинарный подход;

- постнеклассическое научное знание и культура в целом плюралистичны, и требуют соответствующей методологии;

- современная система «общество

– архитектурная среда» находится в состоянии неравновесности. Явления кризисности характерны всех сфер деятельности человека;

– наблюдается все более активное усложнение архитектурной среды, многообразие, перенасыщение;

– под влиянием техногенных процессов происходит трансформация социокультурного контекста архитектурной среды, возникают новые явления, изменяющие специфику человеческой жизнедеятельности.

Понимание современного архитектурного процесса в аспекте синергетики, применение законов синергетики в практике архитектурного проектирования имеет существенное значение в деле гуманизации среды, создания комфортных условий жизни для человека, когда также соблюдены и требования экологичности, энергоэффективности, то есть, поддерживается и природная среда. В результате, применение синергетических законов дает возможность создавать не просто объекты, реализующие свои непосредственные функции, но и создающие комфортный микроклимат, гармоничный городской ландшафт, доставляющие эстетическое наслаждение.

Все архитектурные объекты, созданные человеком, должны органично вписываться в существующую городскую среду и природный ландшафт. Этот процесс подчиняется принципам синергетики — закону взаимосвязи и взаимозависимости всех элементов, включая искусственные и природные компоненты среды, в которой человек существует. Синергетика служит фундаментом экологических принципов, направленных на создание комфортной урбанистической среды, где гармонично сосуществуют человек и природа. Законы синергетики, лежащие в основе

эволюции сложных систем, могут вывести архитектуру на новый качественный уровень, позволяя интегрировать язык природы в проектирование.

Философско-синергетическая интерпретация архитектурной среды предполагает рассмотрение архитектуры не только как физического пространства, но и как сложной системы, в которой взаимодействуют различные элементы, процессы и смыслы. Это подход, который учитывает динамику, изменения, самоорганизацию и взаимоотношения между людьми и их окружением. По верному замечанию исследователя В. Исаевой, «в наше время приходит более глубокое осознание единства природной и антропогенной среды и единства принципов формообразования в «живой» и «неживой» природе, подкрепляемое концепциями нелинейной науки. Современный научный подход может быть успешно применен для поиска архитектуры, адекватной гармонии порядка и хаоса природной среды» [8, с. 127]. В результате, новое мышление, формируемое в рамках синергетической парадигмы, расширяет понимание современного архитектурного процесса и дает возможность заметить то, что невозможно было бы наблюдать, исходя из прежних установок теории архитектуры.

Список литературы

1. Андреев А.А. Философские аспекты синергетики // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 21 (121). С. 118-121
2. Бабич В.Н. О фрактальных моделях в архитектуре // В.Н. Бабич, А.Г. Кремлёв, Г. А.Шангин, Е.И. Шангина; В кн.: Системный анализ в геометрическом моделировании. – Екатеринбург, 2014. С. 82-102.
3. Витюк Е.Ю. Синергетические основы эоархитектуры / Е.Ю. Витюк, И.А. Ябуров // Аналитика культурологии. 2010. № 2 (17). С. 9-16.
4. Гафиатуллин Р.А. Синергетический подход в познании микро- и макромира // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 103 (09). С. 1-11.
5. Делез Жиль. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; [пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского]. Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астрель, 2010. 892, [2] с. : ил., портр.; 21 см.

6. Дмитриенко Е.И. Синергетический подход к социокультурным процессам в обществе // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 105-113.
7. Жилин В.И. К вопросу об онтологических основах синергетики // Вестник ЧитГУ. 2010. № 8 (65). С. 3-9.
8. Исаева В.В. Фрактальность природных и архитектурных форм / В.В. Исаева, Н.В. Касьянов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2006. № 5. С. 119-127.
9. Майнцер К. Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже веков // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 48-61.
10. Мерлен П. Новые города / Пьер Мерлен; [пер. с фр. К.Т. Топуридзе и В.Н.Зайцева; Вступительная статья Топуридзе К.Т.] – М.: Прогресс, 1975. 254 с.

References

1. Andreev A.A. Philosophical aspects of synergetics // Bulletin of SUSU. 2008. № 21 (121). P. 118-121
2. Babich V.N. On fractal models in architecture // V.N. Babich, A.G. Kremlev, G.A. Shangin, E.I. Shangina; In the book: Systems analysis in geometric modeling. - Ekaterinburg, 2014. P. 82-102.
3. Vityuk E.Yu. Synergetic foundations of eco-architecture / E.Yu. Vityuk, I.A. Yaburov // Analytics of cultural studies. 2010. № 2 (17). P. 9-16.
4. Gafiatullin R.A. Synergetic approach to understanding the micro- and macroworld // Scientific journal of KubSAU. 2014. № 103 (09). P. 1-11.
5. Deleuze Gilles. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia / Gilles Deleuze, Felix Guattari; [trans. from French and afterword by Ya. I. Svirsky]. Ekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel, 2010. 892, [2] p. : ill., port.; 21 cm.
6. Dmitrienko E. I. Synergetic approach to socio-cultural processes in society // Russia and Asia-Pacific region. 2005. № 4. P. 105-113.
7. Zhilin V. I. On the issue of ontological foundations of synergetics // Bulletin of ChitSU. 2010. № 8 (65). P. 3-9.
8. Isaeva V.V. Fractality of natural and architectural forms / V.V. Isaeva, N.V. Kasyanov // Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2006. № 5. P. 119-127.
9. Mainzer K. Complexity and self-organization. The emergence of a new science and culture at the turn of the century // Questions of Philosophy. 1997. № 3. P. 48-61.
10. Merlin P. New cities / Pierre Merlin; [translated from French by K.T. Topuridze and V.N. Zaitsev; Introductory article by K.T. Topuridze] – Moscow: Progress, 1975. 254 p.

Основные подходы к сущности понятия жизненных ориентаций личности*

Аннотация. Жизненные ориентации представляют собой многоуровневую систему. Они объективно существуют и функционируют в практике социальных взаимоотношений, субъективно осознаются и переживаются как ценностные категории, нормы и цели. В результате этого осознания они становятся личностной позицией человека. Признаками жизненных ориентаций являются их открытость и доступность для всех, бесспорность ценностно-смыслового содержания, неподверженность моральному старению (Каунова, 2006).

Теме жизненных ориентаций посвящено большое количество научных трудов русских ученых, таких как В.С. Братусь, В.Г. Алексеева, С.С. Бубнова, Т.В. Корнилова, А.А. Волочков, Д.А. Леонтьев, В.Э. Чудновский (см. обзор Каунова, 2006).

Китайская культура отличается выраженным своеобразием. В формировании жизненных ориентаций китайцев можно отметить значительный вклад как традиций, так и современных тенденций в обществе и политике. Следование традиционным патриархальным ценностям, ориентация на социум, сочетается с ориентацией на личные интересы, саморазвитие и получение жизненных благ (Малышева, 2018; Коржова, Дун, 2020).

Ключевые слова: жизненные ориентации, личность, культура, ценности, индивид.

The main approaches to the essence of the concept of personal life orientations

Abstract. The relevance of research. Chinese culture has a distinct identity. The significant contribution of both traditions and modern trends in society and politics can be noted in shaping the life orientations of the Chinese. Adherence to traditional patriarchal values, orientation towards society, is combined with a focus on personal interests, self-development and obtaining life benefits (Malysheva, 2018; Korzhova, Dun, 2020).

Life orientations are a multi-level system. They objectively exist and function in the practice of social relationships, and are subjectively recognized and experienced as value categories, norms, and goals. As a result of this awareness, they become a person's personal position. Signs of life orientations are their openness and accessibility to all, indisputability of value and semantic content, and non-commitment to moral aging (Kaunova, 2006).

A large number of scientific works by Russian scientists such as V.S. Bratus, V.G. Alekseeva, S.S. Bubnova, T.V. Kornilova, A.A. Volochkov, D.A. Leontiev, V.E. Chudnovsky are devoted to the topic of life orientations (see the review by Kaunov, 2006).

Key words: life orientations, personality, culture, values, individual.

* © Ли Юйчжэнь, 2025.

Основные подходы к сущности понятия жизненных ориентаций личности

Жизненные ориентации как иерархия форм жизнедеятельности, компонентов группового сознания могут рассматриваться в разных контекстах: 1) внутренняя картина жизнедеятельности субъекта; 2) поведенческий (готовность заняться той или иной деятельностью). Жизненные ориентации относятся не только к психологической, но и к философско-социологической категории, охватывающей совокупность типовых видов жизнедеятельности социальной группы, в том числе нации, общества в целом, которое берется в единстве с условиями жизни, определяющими ее.

Согласно исследованиям, участники с высоким уровнем ценностных ориентаций показывают более высокие показатели уровня осмысленности и удовлетворенности жизнью по сравнению с участниками с низким уровнем ценностных ориентаций. Эти результаты свидетельствуют о том, что деятельность людей имеет смысл, когда она соответствует их основным ценностям (Besika A. et al, 2022).

Ценности в структуре личности предопределяют смыслообразование и побуждения индивида, и способствуют его уровню социализации через переинтериоризацию ценностей в онтогенезе, влияя, тем самым, на формирование потребностей и поведение в целом.

М. Рокич различает два класса ценностей - терминальные - ценности-цели и инструментальные - ценности-средства. Структура личности, по Г. Олпорту, может быть представлена центрирующейся вокруг высших мотивов индивида, мотивов развития, его ценностей, интересов и намерений. Эти мотивы порождают обращенную в будущее систему целей, и именно - зафиксированные в мотивах и целях перспективы становления личности со-

ставляют важнейшие характеристики личности человека (Рокич, 1973).

Смыслжизненные ориентации имеют иерархическую структуру, отражают наличие значимых жизненных целей, чувство полноты жизни в настоящем и наличие удовлетворенности итогами прожитой жизни, и носит субъективную оценку. Экзистенциальная исполненность дополняет понятие смыслжизненных ориентаций, характеризуя полноту и качество бытия человека, рассматривается с точки зрения субъективного переживания человеком собственного благополучия, внутреннего согласия с событиями проживаемой жизни (Леонтьев, 1999).

Смысл жизни - категория подверженная возрастной динамике. Он является личностным образованием, которое помогает субъекту преобразовывать собственную жизнь в единое целое, помогает воспринимать ее через единую линию. Все это способствует развитию высшего уровня рефлексии, от переживания отдельных поступков, событий своей жизни к рефлексии ее в целом. Смыслжизненная концепция начинает складываться к подростковому возрасту и меняется на протяжении всей жизни в зависимости от возраста (Осипов, 2015).

Таким образом именно общие смысловые образования, в случае их осознания - личностные ценности, являются основными образующими единицами сознания личности, определяют главные отношения человека к основным сферам жизни - к миру, к другим людям, к самому себе.

Смысловые системы, по крайней мере высшие, нравственно-ценностные их уровни, несут в себе функцию не столько отражения, сколько преобразования действительности. Смысл жизни и связанные с ним смыслжиз-

ненные ориентации являются отличительной особенностью человека (Зинченко, 2015).

Термин «жизненные ориентации» не имеет четкого определения. Как правило их можно рассматривать как результат осознания ценностей, целей и смысла собственной жизни.

Каунова Н.Г. обозначает смысло-жизненные ориентации как «целостную систему сознательных и избирательных связей, отражающую направленность личности, наличие жизненных целей, осмысленность выборов и оценок, удовлетворенность жизнью (самореализацией) и способность брать за нее ответственность, влияя на ее ход» (Каунова, с.3, 2006).

Смысложизненные ориентации можно рассмотреть в двух аспектах. Во-первых, это те сферы жизни, в которых данный конкретный человек с наибольшей вероятностью может найти смысл своей жизни. Во-вторых, это связь смысла жизни с будущим, настоящим и прошлым человека.

Смысложизненные ориентации отражают то, насколько в жизни человека присутствует значимая цель, в какой степени он считает процесс своей жизни насыщенным и интересным, и в какой степени он удовлетворен теми результатами, которых уже достиг (Гончар, 2012).

Развитие смысла жизни является ведущим критерием сформированности личности, показателем того, насколько человек готов управлять своей жизнью и независим от внешних обстоятельств.

Смысложизненные ориентации имеют иерархическую структуру, отражают наличие значимых жизненных целей, чувство полноты жизни в настоящем и наличие удовлетворенности итогами прожитой жизни, и носит субъективную оценку. Экзистенциаль-

ная исполненность дополняет понятие смысложизненных ориентаций, характеризуя полноту и качество бытия человека, рассматривается с точки зрения субъективного переживания человеком собственного благополучия, внутреннего согласия с событиями проживаемой жизни (Ниязбаева, 2019).

Согласно исследованиям, высокие показатели смысложизненных ориентаций положительно коррелируют с показателями жизнестойкости, обеспечивая способность преодоления сложных жизненных ситуаций (Калашникова, 2011).

Можно отметить положительную корреляцию смысложизненных ориентаций с позитивным самоотношением (Кочеткова, 2010), а также связь смысложизненных ориентаций с позитивным принятием гендерной идентичности (Сухоносков, 2015).

Многие исследования показывают, что более глобальное ощущение смысла жизни связано с лучшим психологическим здоровьем и функционированием, также установлено, что смысл жизни является надежным предиктором физического здоровья, усиливая саморегуляцию организма (Hooker S.A., Masters K.S., Park C.L., 2018).

Приведенные примеры свидетельствуют о тесной связи смысловых структур с множеством других психических явлений, говоря об основополагающей роли смыслов в функционировании психики.

Основные подходы к определению понятия «жизненных ориентаций» личности могут быть представлены разными теоретическими концепциями.

1. Первый подход основывается на идеях существования универсальных, врожденных ценностей и смыслов, которые присущи всем людям независимо от их культурных или статусных

характеристик. В этом случае смысло-жизненные ориентации представляют собой некий набор основных ценностей и смыслов, которые являются основной опорой для деятельности и саморазвития личности.

2. Второй подход к определению смысложизненных ориентаций основывается на предположении, что смысл жизни индивида складывается из его субъективных оценок и интерпретаций жизненных ситуаций и событий. Под жизненными ориентациями в этом случае понимаются способы восприятия и понимания реальности, которые определяются индивидуальными особенностями личности и ее жизненным опытом. Этот подход предполагает, что ориентации являются динамическими и могут изменяться в зависимости от внутренних и внешних факторов.

3. Третий подход основывается на представлении о жизненных ориентациях как системе ценностей и смыслов, которые личность формирует в процессе самореализации и самопознания. В этом случае смысловые ориентации являются результатом взаимодействия человека с окружающей средой, его ценностных предпочтений и стремления к достижению определенных целей. Такой подход предполагает, что смысложизненные ориентации являются своеобразным «компасом» личности, определяющим ее поведение, выбор жизненного пути и оценку своих достижений.

Результаты кросскультурных исследований дают нам понять, что базовые жизненные ориентации характеризуют общую направленность личности и зависят от культуры, традиций и менталитета. Вопрос о факторах, которые могут быть связаны с вопросом о жизненных ориентациях, рассматривается в широком контексте. Обсуждаются ценност-

но-личностная направленность, смысл жизни и смысложизненные ориентации, ценностные ориентации, идеалы (Maio, 2017; Никулина, 2022), социальные условия их формирования (Rossas, Sagiv, 2017; Кряжева, Виноградская, 2020; Шатене, 2021), а также жизненные модели (Костромина и др., 2021). Вместе с тем, исследований, посвященных изучению специфики жизненных ориентаций китайцев к настоящему моменту проведено крайне мало.

Список литературы

1. Гончар С.Н. Особенности развития смысложизненных ориентаций современных студентов-первокурсников // Современная психология. 2012. С. 17-19.
2. Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85-97. // URL: <https://naukarus.com/tsennosti-v-strukture-soznaniya> (Дата обращения: 05.12.2023).
3. Калашникова С.А. Смысложизненные ориентации, базовые убеждения и стратегии поведения в трудных жизненных ситуациях людей с различными показателями жизнестойкости // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2011. № 5. С. 161-167.
4. Каунова Н.Г. Исследование смысложизненных ориентаций и значимости смысла жизни современной молодежи (на материале Молдовы) // Автореферат дис.... канд. психол. Наук. 2006.
5. Колга В.А. Исследование когнитивных стилей в СССР // Интегральное исследование индивидуальности / Под ред. Б.А. Вяткина. Пермь, 1992. С. 17-36.
6. Коржова Е.Ю., Дун Я. Проявление отношения к жизни в рисунках китайских и российских студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 339-342. // URL: <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0902-0082>
7. Корнилова Т.В., Парамей Г.В. Подходы к изучению когнитивных стилей: двадцать лет спустя // Вопросы психологии. 1989. № 6.
8. Костромина С.Н., Гришина Н.В., Москвичева Н.Л., Зиновьева Е.В. Жизненные модели молодежи: изменения и традиции // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1 (103). С. 79-98. // URL: <http://dx.doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-79-98>
9. Кочеткова Т.Н. Смысложизненные ориентации лиц с разным самоотношением // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 118-123.
10. Леонтьев Д.А. Психология смысла. 1999.
11. Малышева О.Л. «Конфуцианский капитализм» и бизнес-культура Китая: социокультурная традиция и современные тенденции // Управление устойчивым развитием. 2018. № 4 (17). С. 75-82
12. Меркулов К.К. Сравнение культурных архетипов народов России и Китая: обзор источников // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2022.

- T. 1. № 10. С. 65-93. // URL: <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.99.16.036>
13. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования личности. – М.: 1986.
14. Никулина А.А. Теоретический анализ понятия «жизненные ориентации» в психологии // Обзор педагогических исследований. 2022. Т. 4. № 8. С. 221-226.
15. Ниязбаева Н.Н. Экзистенциальная исполненность человека в переживании ценностей // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. № 5А.
16. Осипов Ф.М. Формирование профессионально значимых смысложизненных ориентаций будущих психологов: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ф.М. Осипов. – Н.-Новгород, 2015. 27 с.
17. Романенко А.А., Яценко П.Ф. Влияние конфуцианства на менталитет китайского народа // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник IV Международной научной конференции / отв. ред. Н.И. Степкин. Курск, Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 231-236.
18. Скотникова, И.Г. Когнитивные стили и стратегии решения познавательных задач // Стиль человека: психологический анализ / Под общ. ред. А.В. Либиной. – М.: Смысл, 1998.
19. Сухоносков А.П. Смысложизненные ориентации и гендерная идентичность студентов педагогических специальностей // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2015. № 4. С. 73-83.
20. Холодная М.А. Когнитивные стили и интеллектуальные способности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 3. С. 84-93.
21. Холодная М.А. Феномен «расщепления» полюсов когнитивных стилей // Интеллект и творчество: Сб. научных трудов / Отв. ред. А.Н. Воронин. – М.: Ин-т психологии РАН, 1999. С. 30-48.
22. Холодная, М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. М.: Пер Сэ, 2002а; – М.: Питер-Принт, 2004.
23. Холодная, М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – СПб.: Питер, 2002б.
24. Цинь П., Веселова Е.К., Дворецкая М.Я. Структура базовых жизненных ориентаций: этнокультурный аспект (на примере китайской версии Опросника субъект-объектных ориентаций) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 4. С. 493-508. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.404>
25. Шатене К. Психология ценностей / пер. с фр. Харьков: Гуманитарный центр, 2021.
26. Шкуратова И.П. Исследование стиля в психологии: оппозиция и консолидация // Стиль человека: психологический анализ / Под общ. ред. А.В. Либиной. – М.: Смысл, 1998.
27. Besika A. et al. A Relationship that Makes Life Worth-Living: Levels of Value Orientation Explain Differences in Meaning and Life Satisfaction // Heliyon. 2022.
28. Ford N., Wilson T.D., Foster A., Ellis D., Spink A. Information Seeking and Mediated Searching. Part 4. Cognitive Styles in Information Seeking // Journal of the American Society for information science and technology. 2002. Vol. 53. № 9. P. 728-735.
29. Hough, J.R. An Empirical Test of Cognitive Style and Strategic Decision Outcomes // Journal of Management Studies. 2005. Vol. 42 (2). P. 418-448.
30. Hooker S.A., Masters K.S., Park C.L. A meaningful life is a healthy life: A conceptual model linking meaning and meaning salience to health // Review of General Psychology. 2018. Vol. 22. № 1. P. 11-24.
31. Maio G.R. The psychology of human values. London: Routledge, 2017.
32. Roccas S., Sagiv L. (eds). Values and behavior: Taking a cross cultural perspective. Zurich: Springer, 2017.
33. Ragan T.J., Back K.T., Stansell V., Ausburn L.J., Ausburn F.B., Butler P.A., Huckabay T., Burkett J.R. Cognitive styles: a review of the literature. Air Force Human Resources Laboratory, 1979.
34. Witkin H.A., Lewis H.B., Hertzman M., Machover K., Meissner P.B., Wapner S. Personality through perception. – New York: Harper and Row, 1954.
35. Liu Lei, Ban Yongfei, Ding Junfeng. Характеристики инновационной способности аспирантов и ее связь с личностью и мышлением когнитивности [J]. Journal of Anshun College, 2017. № 19 (2). P. 4. – DOI: CNKI:SUN:ASSZ.0.2017-02-011
36. Wu Xiaomeng, Yong Wenjing, Dai Liang, et al. Исследование опыта студентов в онлайн-курсах на основе модели курса Coursera [J]. China Electrochemical Education, 2014. № 6. P. 7. – DOI: CNKI:SUN:ZDJY.0.2014-06-003. [1] Qin Chu
37. Zhao Shen. Исследование взаимосвязи между психологией сожаления и чувством ответственности, когнитивным стилем и личностными особенностями студентов на разных этапах развития [D]. Shaanxi Normal University – DOI: CNKI:CDMD:2.1014.398244

References

1. Gonchar S.N. Features of the development of life-meaning orientations of modern first-year students // Modern Psychology. 2012. P. 17-19.
2. Zinchenko V.P. Values in the structure of consciousness // Questions of Philosophy. 2011. № 8. P. 85-97. // URL: <https://naukarus.com/tsennosti-v-strukture-soznaniya> (05.12.2023).
3. Kalashnikova S.A. Life-meaning orientations, basic beliefs and behavior strategies in difficult life situations of people with different indicators of resilience // Scientific notes of the Zabaikalsky State University. Series: Pedagogical sciences. 2011. № 5. P. 161-167.
4. Kaunova N.G. A study of life-meaning orientations and the significance of the meaning of life of modern youth (based on Moldova) // Abstract of Cand. Psychol. Sciences. 2006.
5. Kolga V.A. A study of cognitive styles in the USSR // Integral study of individuality / Ed. B.A. Vyatkin. Perm, 1992. P. 17-36.
6. Korzhova E.Yu., Dun Ya. Manifestation of attitude to life in the drawings of Chinese and Russian students // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2020. Vol. 9. № 2 (31). P. 339-342. // URL: <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0902-0082>
7. Kornilova T.V., Paramei G.V. Approaches to the Study of Cognitive Styles: Twenty Years Later // Voprosy Psychologii. 1989. № 6.
8. Kostromina S.N., Grishina N.V., Moskvicheva N.L., Zinovieva E.V. Life Models of Young People: Changes and Traditions // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences. 2021. № 1 (103). P. 79-98. // URL: <http://dx.doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-79-98>
9. Kochetkova T.N. Life-Meaning Orientations of Persons with Different Self-Attitudes // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2010. № 2. P. 118-123.
10. Leontiev D.A. Psychology of meaning. 1999.

11. Malysheva O.L. "Confucian Capitalism" and China's Business Culture: Sociocultural Tradition and Modern Trends // *Sustainable Development Management*. 2018. № 4 (17). P. 75-82
12. Merkulov K.K. Comparison of Cultural Archetypes of the Peoples of Russia and China: A Review of Sources // *Man and Culture of the East. Research and Translations*. 2022. Vol. 1. № 10. P. 65-93. // URL: <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.99.16.036>
13. Merlin V.S. Essay on the Integral Study of Personality. – M.: 1986.
14. Nikulina A.A. Theoretical Analysis of the Concept of "Life Orientations" in Psychology // *Review of Pedagogical Research*. 2022. Vol. 4. № 8. P. 221-226.
15. Niyazbaeva N.N. Existential fulfillment of a person in the experience of values // *Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2019. Vol. 8. № 5A.
16. Osipov F.M. Formation of professionally significant life-meaning orientations of future psychologists: author's abstract. diss. ... candidate of psychological sciences / F.M. Osipov. – N.-Novgorod., 2015. 27 p.
17. Romanenko A.A., Yashchenko P.F. The influence of Confucianism on the mentality of the Chinese people // *Language, culture, mentality: problems and prospects of philological research: collection of the IV International scientific conference* / ed. N.I. Stepykin. Kursk, South-West State University, 2022. P. 231-236.
18. Skotnikova, I.G. Cognitive styles and strategies for solving cognitive problems // *Human style: psychological analysis / Under the general editorship of A.V. Libin*. – M.: Smysl, 1998.
19. Sukhonosov A.P. Life-meaning orientations and gender identity of students of pedagogical specialties // *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology*. 2015. № 4. P. 73-83.
20. Kholodnaya M.A. Cognitive styles and intellectual abilities // *Psychological journal*. 1992. Vol. 13. № 3. P. 84-93.
21. Kholodnaya M.A. The Phenomenon of "Splitting" the Poles of Cognitive Styles // *Intelligence and Creativity: Collection of Scientific Papers* / Ed. A.N. Voronin. – M.: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 1999. P. 30-48.
22. Kholodnaya, M. A. Cognitive Styles. On the Nature of the Individual Mind. M.: Per Se, 2002a; – M.: Piter-Print, 2004.
23. Kholodnaya, M. A. Psychology of Intelligence. Research Paradoxes. – SPb.: Piter, 2002b.
24. Qin P., Veselova E.K., Dvoretzskaya M.Ya. The Structure of Basic Life Orientations: Ethnocultural Aspect (Based on the Chinese Version of the Subject-Object Orientation Questionnaire) // *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*. 2023. Vol. 13. Issue 4. P. 493-508. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.404>
25. Shatenay K. Psychology of Values / trans. from French. Kharkov: Humanitarian Center, 2021.
26. Shkuratova I.P. Research of Style in Psychology: Opposition and Consolidation // *Human Style: Psychological Analysis / Under the general editorship of A.V. Libin*. – M.: Smysl, 1998.
27. Besika A. et al. A Relationship that Makes Life Worth-Living: Levels of Value Orientation Explain Differences in Meaning and Life Satisfaction // *Heliyon*. 2022.
28. Ford N., Wilson T.D., Foster A., Ellis D., Spink A. Information Seeking and Mediated Searching. Part 4. Cognitive Styles in Information Seeking // *Journal of the American Society for information science and technology*. 2002. Vol. 53. № 9. P. 728-735.
29. Hough, J.R. An Empirical Test of Cognitive Style and Strategic Decision Outcomes // *Journal of Management Studies*. 2005. Vol. 42 (2). P. 418-448.
30. Hooker S.A., Masters K.S., Park C.L. A meaningful life is a healthy life: A conceptual model linking meaning and meaning salience to health // *Review of General Psychology*. 2018. Vol. 22. № 1. P. 11-24.
31. Maio G.R. The psychology of human values. London: Routledge, 2017.
32. Roccas S., Sagiv L. (eds). Values and behavior: Taking a cross cultural perspective. Zurich: Springer, 2017.
33. Ragan T.J., Back K.T., Stansell V., Ausburn L.J., Ausburn F.B., Butler P.A., Huckabay T., Burkett J.R. Cognitive styles: a review of the literature. Air Force Human Resources Laboratory, 1979.
34. Witkin H.A., Lewis H.B., Hertzman M., Machover K., Meissner P.B., Wapner S. Personality through perception. – New York: Harper and Row, 1954.
35. Liu Lei, Ban Yongfei, Ding Junfeng. Characteristics of Graduate Students' Innovative Ability and Its Relationship with Personality and Thinking Cognition[J]. *Journal of Anshun College*, 2017. № 19 (2). P. 4. – DOI: CNKI:SUN:ASSZ.0.2017-02-011
36. Wu Xiaomeng, Yong Wenjing, Dai Liang, et al. A Study on Students' Experience in Online Courses Based on Coursera Course Model[J]. *China Electrochemical Education*, 2014. No. 6. P. 7. – DOI: CNKI:SUN:ZD-JY.0.2014-06-003.[1]Qin Chu
37. Zhao Zhen. A Study on the Relationship between Regret Psychology and Sense of Responsibility, Cognitive Style, and Personality Traits of Students at Different Stages of Development [D]. Shaanxi Normal University – DOI: CNKI:CDMD:2.1014.398244

Цзя Мэнтянь

Аспирант. Владимирский Государственный Университет, г. Владимир.

Ульянова Л.Н.

Кандидат философских наук, профессор.

Высшая школа музыки и театра, Владимирский Государственный Университет, г. Владимир.

Концептуальная система древнекитайской эстетической мысли в контексте музыкальных практик*

Аннотация. Изучение концептуальной системы древнекитайской эстетической мысли является необходимым содержанием для представления и объяснения китайской эстетической мысли, соединения китайской и западной эстетической культуры. Древняя китайская философия основана на терминах, категориях и предложениях, которые появились на основе различных дисциплин, таких как поэзия, живопись, литературное творчество и т. д., и формировании концептуальной системы со своими собственными отличительными характеристиками путем формирования идеологического содержания, которое проходит через всю систему китайской эстетической мысли и полностью представляет характеристики древнекитайской эстетической мысли. В процессе непрерывного развития этого содержания постоянно генерируются новые концепции на основе интерактивного развития китайской и западной цивилизаций. В этой статье мы берем перспективу музыкальной практики в качестве резака для завершения резюме характеристик трех метаединиц терминов, категорий и предложений в концептуальной системе древнекитайской эстетической мысли и объясняем взаимосвязи между тремя. В то же время данная статья иллюстрирует фактическое выражение древнекитайской эстетической мысли в контексте музыкальной практики и различных видов литературной и художественной деятельности, с тем чтобы сформировать введение в систему теоретических знаний древнекитайской эстетической мысли в перспективе музыкальной практики.

Ключевые слова: древнекитайская эстетика, концептуальная система, терминология, категория, предложения.

Jia Mengtian

Postgraduate student. Vladimir State University, Vladimir.

Ulyanova L.N.

PhD in Philosophy, Professor. Higher School of Music and Theatre, Vladimir State University, Vladimir.

Conceptual system of ancient Chinese aesthetic thought in the context of musical practices

* © Цзя Мэнтянь, Ульянова Л.Н., 2025.

Концептуальная система древнекитайской эстетической мысли в контексте музыкальных практик

Abstract. The study of the conceptual system of ancient Chinese aesthetic thought is a necessary content for presenting and explaining Chinese aesthetic thought and connecting Chinese and Western aesthetic cultures. Ancient Chinese philosophy is based on the terms, categories and propositions that appeared on the basis of different disciplines such as poetry, painting, literary creation, etc., and the formation of a conceptual system with its own distinctive characteristics by the formation of ideological content, which runs through the whole system of Chinese aesthetic thought, and fully presents the characteristics of ancient Chinese aesthetic thought. In the process of continuous development of these contents, new concepts are constantly generated on the basis of the interactive development of Chinese and Western civilisations. In this article, we take the perspective of music practice as a cutter to complete the summary of the characteristics of the three meta-units of terms, categories and propositions in the conceptual system of ancient Chinese aesthetics thought, and explain the interrelationships among the three. At the same time, this paper illustrates the actual expression of ancient Chinese aesthetic thought in the context of music practice and various kinds of literary and artistic activities, so as to form an introduction to the theoretical knowledge system of ancient Chinese aesthetic thought in the perspective of music practice.

Key words: Ancient Chinese aesthetics, conceptual system, terms, categories, propositions.

Концептуальная система древнекитайской эстетической мысли состоит из терминов, категорий и пропозиций. Терминология - это сочетание различных видов китайских художественных практик на основе философской терминологии для формирования обобщения опыта или выражения мысли. Категория - Основана на логической системе китайской философии и объединяет художественную практику, чтобы интегрировать фактическую взаимосвязь между мыслью и практикой, которая называется связующим звеном между художественной практикой и философской мыслью. Предложения - это изложение эстетических идей или краткость, а также интерпретация или расширение терминов и категорий. Мы можем рассматривать термины как основные единицы в концептуальной системе древнекитайской эстетики, в то время категории являются основными терминами в системе древнекитайской эстетики, а предложения являются более ясными и точными выражениями, чем термины. Большинство

этих древнекитайских эстетических концепций основаны на обобщениях конкретных эстетических явлений, характеризуются неопределенностью и широтой.

Концепция древнекитайской эстетики - это обобщение конкретных, ярких и реальных эстетических явлений, включающее три части: терминологию, категорию и пропозиции. Среди них большинство древнекитайских эстетических терминов являются открытыми. Древнекитайские эстетические термины отличаются от западных эстетических терминов, которые в основном являются абстрактными, а большинство древнекитайских эстетических терминов не абстрактны. Они имеют природу существительных и продолжают расширять сферу своего применения в эстетических явлениях и постепенно становятся эффективным инструментом интерпретации идей. Большинство терминов в древнекитайской эстетике были выражением чувственности с использованием образного языка, такого как метафоры и символы. Эта особенность

также является важным проявлением акцента древнекитайской эстетики на эстетическом опыте и аналогичном мышлении. Например, такие слова, как дух, слон, кость и дыхание, называются эстетическими терминами с помощью метафор, выражающих логическую взаимосвязь и ключевые ассоциации в эстетическом мышлении. В Древнем Китае словарь чувственности субъекта также использовался для обобщения абстрактных представлений об объекте, таких как инь и ян, тепло и холод. Эти термины являются выражением интуитивного опыта субъекта после добавления эмпатии и поэтического мышления. Так же, как и в западной философии, вкус эволюционировал от специфического чувственного понятия к базовому понятию с универсальными эстетическими характеристиками. В древнекитайской эстетической мысли «вкус» также стал важной частью эстетической категории художественной практики поэтической критики.

Существует большое количество терминов, образованных в результате расширения философских терминов в сочетании с художественной практикой в китайских эстетических терминах. В древних китайских книгах записано, что “天有六气，降生五味．．．发为五声” [1]. Это краткое изложение древнекитайской философской концепции познания вселенной, которая считая существование и сила вселенной могут быть обобщены различными ‘ци’, а в реальной жизненной практике они в конечном итоге выражаются через различные звуки или музыкальные формы. Между ‘ци’, образующей начало вселенной, источником звуков, которые слышат люди, и запахов, которые они чувствуют, и цветов, которые они видят,

формируется целостная философская система понятий. Позднее, в процессе древней музыкальной практики, ‘ци’ вновь соединилось с эстетическими характеристиками самой музыки, образовав в системе древнекитайской музыкальной эстетики понятие ‘ци юнь’. ‘Ци юнь’ – это общий термин, обозначающий дыхание природы и ритмические изменения. В китайском философском мышлении это выражение энергетического потока природы, присущего людям, но в древнекитайской эстетике оно сочетает в себе музыку, живопись и литературу. В конечном счете, оно называется обобщением духовного стиля произведений искусства или эстетической деятельности, которые выходят за рамки внешнего вида.

Этот феномен расширения существует и в других областях, что напрямую связано с формами искусства, представленными интеграцией различных категорий искусства в древнекитайской культуре. В Древнем Китае не существовало подробной классификации искусств. Обычно несколько видов искусства сочетаются друг с другом и представляются вместе. Например, поэзия, литература и живопись – это одно и то же, или поэзия, музыка и танец – это одно и то же. Это облегчает придание терминам различных специальностей расширенного эстетического значения. Например, рисование линий – это техника, заимствованная из искусства живописи, в виде рисования линий для завершения контура периферийного содержания картины, которое позже был использован в комментариях к литературным произведениям. Красочный тон – это не только знание живописи, но и выражение музыкальных чувств. Существует большое количество при-

меров древнекитайских эстетических терминов, которые выделяют эстетическую мысль из общего контекста гуманитарной и академической мысли.

Древнекитайские эстетические термины содержали большое количество повседневных терминов, которые были расширением первоначального значения этих повседневных терминов. Например, такие части тела, как 'мышцы' и 'кости', используются в качестве метафор для обозначения структуры и содержания искусства. Древнекитайская эстетика рассматривала произведение искусства через призму осознания жизни и описывала значение произведений искусства с помощью расширенного значения метафоры или метонимии. Используют такие термины, как 'дыхание' и 'дух', чтобы выразить эстетические характеристики произведений искусства.

В области философии категория - это буквальный перевод 'Kategorie', из Аристотеля и Канта, является образцовым существительным и термином [2, 3]. В древнекитайской философии и мышлении категория - это разделение древнекитайскими учеными девяти типов и правил поведения различных существ в мире природы. Её значение включает в себя типы моделей и образов. В древнекитайской эстетической мысли категория - это смысловое определение раздела знаний, которое является более абстрактным, чем терминология, и играет ведущую роль. Это более широкое разделение, представляющее собой концепцию типов с определенным охватом и типами. Развитие и становление категории древнекитайской эстетики - это динамичный процесс, представляющий собой динамичную систему непрерывного порождения, обогащения, наследова-

ния и развития. Более 1700 лет назад литературовед Лю Се предложил понятие "образ"[4]. Первоначально оно использовалось только как термин для поэтической критики. В процессе постоянного развития это понятие стало одной из важнейших категорий китайской эстетической мысли. Категория эстетики играла ключевую роль в системе эстетических представлений древнего Китая. Это печатное изложение, которое воплощает в себе основные законы и характеристики конкретных проявлений. Категория эстетики также играла ключевую роль в системе эстетических представлений древнего Китая. Это категорическое изложение основных законов и характеристик китайской эстетики. По сравнению с терминологией, оно придает большее значение законам и связям эстетической деятельности и подчеркивает систематизацию древнекитайской внутренней мысли. Она заключает в себе границы между внутренним опытом и внешним и сочетает китайскую эстетическую теорию с конкретными явлениями. Древнекитайская эстетическая мысль в значительной степени основывалась на логической системе, присущей древнекитайской философии, и в сочетании с художественной практикой формировала независимое идеологическое выражение. Уточнение понятия категории более непосредственно выражает зависимость и независимость взаимных эстетических концепций и философских идей. Оценивая древнюю живопись, объединили 'Дао' (Путь) и 'Ци'(Дыхание) Лао-цзы, предложив эстетические категории 'форма и цвет' и 'душа и дыхание'.

В соответствии с динамичным развитием и непрерывными производными характеристиками китайской эсте-

тической мысли, понятие категории в китайской эстетической мысли также имеет производные характеристики. В процессе постоянного расширения и изменений из категорий было выведено большое количество концепций составных категорий. В частности, эти две метакатегории можно назвать новыми составными категориями. Например, 'кость', 'стиль', 'сила' и 'дыхание' являются метакатегориями. Позже их значения применяются к конкретным художественным практикам, чтобы сформировать представление о составных категориях конкретных произведений искусства. Искусство, в результате чего возникают сложные категории понятий, такие как 'контекст', 'фракция' и 'мысль'. Конечно, это явление культурных изменений, тесно связанное со словообразованием китайских иероглифов, и в процессе перевода будет наблюдаться определенная степень отклонения от значения.

Такие, как французское "Стиль - это личность" 18-го века[5], выдвинутое Бюффеном, или "Язык - это дом существования" Хайдеггера [6] и т.д., они утверждения эстетики, эстетические законы и характерные суждения. Эти короткие предложения или фразы в форме предложения, лаконично выражающие различные идеи эстетики. В древнекитайской эстетике также существует большое количество подобных эстетических положений. Некоторые из них представляют собой расширение эстетических терминов и категорий, а некоторые являются глубокими и краткими обобщениями в процессе использования эстетических терминов и категорий. Например, Конфуций утверждал, что "мудрые люди любят воду, а доброжелательные - горы. [7]" Чжуан-цзы предложил категорию 'ве-

лика красота', а Лао-цзы предположил, что "самый громкий и прекрасный голос - это тишина", чтобы выразить стремление к естественным и простым эстетическим взглядам.

Предложения - эта важная форма выражения, которая пронизывает основное содержание древнекитайской философии и мысли. Актуальность большого количества положений обусловлена актуальными исследованиями, которые проходят через весь процесс развития древнекитайской эстетической мысли. Например, утверждение Чжуан-цзы о том, что "Небо и земля сосуществуют со мной, и все сущее связано со мной", и утверждение Мэн-цзы о том, что "Природа всех вещей связана со мной", являются истинным исследованием эстетической мысли о 'гармонии и единстве', которая всегда пронизывала развитие искусства. Предложения содержат суждения и мнения древних китайских эстетиков, и большинство из них являются выводами, существующими в литературных произведениях, отражающими теоретические утверждения литературной мысли. Интересно, что большинство предложений в древнекитайской эстетике не остаются на уровне концепции, а объединяют практику литературной мысли в художественной деятельности, чтобы завершить окончательную дистилляцию и резюме. Древние китайские книги по теории музыки записали, что "способ игры должен находиться во взаимной гармонии со стилем музыки, а стиль тембра должен находиться во взаимной гармонии с коннотацией музыки" [8]. Это предложение является истинным примером эстетических требований инструментальной музыкальной исполнительской практики.

Самая известная работа по теории музыки в Древнем Китае, Книга музыки предполагает, что животные могут понимать только звук, а люди могут понимать звучание музыкального искусства[9]. Только те, кто овладел знаниями, которые даёт цивилизация, могут понимать музыку и переживать музыкальный опыт. Положение, которое стало дальнейшим объяснением различия между музыкальными материалами в природе и настоящей музыкой, а также основополагающей теорией древнекитайской музыкальной эстетики и даже философского мировоззрения. Дальнейшее прояснение и диверсификация положений как терминов в теоретической системе китайской эстетики полностью выражены здесь.

Концептуальная система древнекитайской эстетики чрезвычайно богата коннотациями, причем термины, категории и предложения являются как выражением опыта и восприятия субъекта, так и обобщением характеристик объекта. Неоднозначность концепций китайской эстетики определяется сложностью и динамичным развитием ее внутренних концепций, но представление субъектно-объектных отношений в практической деятельности всегда было важной основой для формирования концепций китайской эстетики. Символизм, сигнификация и тесная связь с практикой являются наиболее типичными чертами концептуальной системы китайской эстетики, а также оригинальным выражением древнекитайского философского мировоззрения. Изучение концептуальной системы древнекитайской эстетики является способом поиска выражения китайской эстетики в совершенно новом контексте и

системе, основанной на нашем прослеживании истории китайской эстетики и уважении основных законов древнекитайской эстетики. Китайская музыкальная практика варьируется от религиозной музыки до придворной церемониальной музыки, до музыки литераторов и народной музыки, передавая различные эстетические стремления выражения, музыкального коннотации и музыкального стиля в разные периоды [10]. Музыкальные практики и музыкальные произведения разных периодов были основой для генерации соответствующих музыкально-эстетических идей того времени, а также основой для дальнейшего обобщения и резюмирования теорий. Так же, как китайская музыкальная эстетика всегда следовала своему собственному закону наследования, выведение и открытое развитие терминов, категорий и положений в древних китайских эстетических теориях позволило китайской эстетике расширить свои горизонты и обогатить свое содержание в современной глобальной культурной среде. В центре внимания современных исследований китайской эстетики находится исправление эстетических идей и концепций на практике, поддержание базовой концепции китайской эстетики сосуществования уникальности и интеграции и полное использование преимуществ гетерогенной культурной конвергенции.

Список литературы

1. Ян Боцзюнь. Заметки слева от весны и осени. цит. С. 1222.
2. Кант И. Критика чистого разума. Пер. М. Итина, комм. А. Круглова. – М.: Академический проект, 2019. С. 200-203.
3. Аристотель. Категории // Сочинения в четырёх томах. Т. 1. Пер. А.Ф. Лосева. Ред. В.Ф. Асмус. М.–Л.: Наука, 1975. С. 25-53.
4. Zhou Zhenfu. Commentary on Wenxin Diaolong. Beijing: People's Publishing House, 1981. P. 308.
5. Бюффон Ж.Л. О стиле // Избранные произведения.

- Пер. с франц. Л. Лиходеева. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. С. 78.
6. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Мартин Хайдеггер. Время и бытие. Пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. С. 213.
 7. Чэн Шудэ. Собрание толкований Конфуция. Шанхай: Шанхайское издательство древних книг, 2013. С. 19.
 8. Сюй Шаньин. Си Шань Цинь Ситуация. Пекин: Чжунхуа Шуцзюй, 2013. С. 19.
 9. Ван Вэньцзинь. Перевод и комментарий к Книге обрядов. цит. С. 336.
 10. Цзя М., Качалова А.А., Таирова А.В. Музыка Китая сквозь призму национальной философии. В сборнике: Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. 2024. С. 3094-3098.

References

1. Yang Bojun. Notes from the Left of Spring and Autumn. cit. P. 1222.
2. Kant I. Critique of Pure Reason. Trans. M. Itin, comment. A. Kruglov. – M.: Academicheskii proekt, 2019. P. 200-203.
3. Aristotle. Categories // Works in four volumes. Vol. 1. Trans. A.F. Losev. Ed. V.F. Asmus. M.–L.: Nauka, 1975. P. 25-53.
4. Zhou Zhenfu. Commentary on Wenxin Diaolou. Beijing: People's Publishing House, 1981. P. 308.
5. Buffon J.L. On Style // Selected Works. Trans. from French by L. Likhodeeva. – M.: State Publishing House of Fiction, 1954. Page 78.
6. Heidegger M. Letter on Humanism // Martin Heidegger. Time and Being. Translated from German by V.V. Bikhina. – M.: Republic, 1993. Page 213.
7. Cheng Shude. Collection of Interpretations of Confucius. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House, 2013. Page 19.
8. Xu Shanying. Xi Shan Qin Situation. Beijing: Zhonghua Shuju, 2013. Page 19.
9. Wang Wenjin. Translation and Commentary on the Book of Rites. cit. Page 336.
10. Jia M., Kachalova A.A., Tairova A.V. Music of China through the Prism of National Philosophy. In the collection: Days of Science of Students of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov. 2024. P. 3094-3098.

Чарикова Т.В.*Старший преподаватель.**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный университет путей сообщения», г. Омск. SPIN-код: 1647-9519*

Блог как социокультурный феномен*

Аннотация. Значительно увеличивающаяся скорость распространения блогов и разрастание блогосферы как площадки и способа применения, реализации человека информационного общества вызвали необходимость философского и культурологического осмысления данного явления. Особенно это важно в условиях лавинообразного распространения информационных технологий, замещения реальности виртуальной и, как следствие, влияния этих процессов на культуру современного общества.

Изменения социокультурного пространства, кризисные явления и процессы, протекающие в социуме, общественная нестабильность, актуализируют задачу рассмотрения блога и его роль в культурной жизни социума, блога как социокультурного феномена, рассмотреть блог как инструмент изменения социокультурной реальности, истоки культурогенеза блога, дискурс блогосферы в нарративной культуре, а также в выявлении тех ценностей, которые определяют сознание и поведение человека информационного общества.

Ключевые слова: блог, социальная практика, феномен культуры, сетевой дневник, блогосфера, блогер, виртуальный дневник, посты блога, виртуальная реальность, «цифровой капитализм», новые медиа, симулякр, постмодернизм.

Charikova T.V.*The senior teacher. Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education «Omsk State Transport University», Omsk.*

Blog as a socio-cultural phenomenon

Abstract. The significantly increasing speed of spread of blogs and the growth of the blogosphere as a platform and method of application and implementation of the information society person have necessitated a philosophical and cultural understanding of this phenomenon. This is especially important in the context of the avalanche-like spread of information technology, the replacement of virtual reality and, consequently, the influence of these processes on the culture of modern society. Changes in the sociocultural space, crisis phenomena and processes occurring in society, social instability, actualize the task of considering the blog and its role in the cultural life of society, the blog as a sociocultural phenomenon, consider the blog as a tool for changing sociocultural reality, the origins of the cultural genesis of the blog, the discourse of the blogosphere in narrative culture, as well as in identifying those values that determine the consciousness and behavior of a person in the information society.

Key words: blog, social practice, cultural phenomenon, online diary, blogosphere, blogger, virtual diary, blog posts, virtual reality, «digital capitalism», new media, simulacrum, postmodernism.

* © Чарикова Т.В., 2025.

Блог как социокультурный феномен

Стремительное появление и распространение блогов и формирование блогосферы в современном виртуальном пространстве привело к изменениям социокультурного пространства, ценностей, которые определяют сознание и поведение человека и в целом изменяют социальную реальность. Эти и другие причины вызывают необходимость философского и культурологического осмысления блога как нового феномена и рассмотрения этого явления всесторонне.

Блог как специфичный сетевой дневник, размещенный в пространстве виртуальной реальности, может пониматься как один из важнейших элементов социальной сети в узком смысле этого слова и социальной системы в широком. Каждый из элементов выполняет свои функции: автор блога обеспечивает адаптацию информации и формирует целедостижения (блогер лично или с помощью специалистов модерирует дневник, размещает информацию, коммуницирует с аудиторией, развивает блог); аудитория выполняет функцию интеграции (посредством определенных действий через обратную связь, вовлеченность или бездействий в отношении контента). Посты блога и Интернет-площадка – функцию поддержания образца системы (через определенные правила ресурса и блога, размещения постов, специфичный стиль текста, периодичность, рубрики). Таким образом, в сетевом дневнике прослеживаются функции концепции AGIL (adaptation, goal attainment, integration, latent pattern maintenance), которые выделял представитель структурного функционализма Парсонс [1] в любой социальной системе.

Кроме того, блог – социальная структура с явными (создания мему-

аров, продвижение товаров и услуг, развлечения, самопрезентации) и латентными функциями (сплочение и удержание социальных сетей, создание площадки для саморазвития, рефлексии и психографики). Перечисленные функции были выявлены в ходе одного из исследований, проводимом В.Л. Волохонским и описаны в его статье «Психологические механизмы и основания классификации блогов» [2]. При этом виртуальный сетевой дневник стимулирует ряд структурных элементов системы на нарушение стабильности и системы на осуществление дисфункций. Например, появление альтернативных оппозиционных СМИ; распространение заведомо ложной или опасной информации; обесценивание образования через навязывание в блогах краткосрочных курсов обучения.

В ракурсе новых медиа блог формируется как действенный инструмент влияния на общественное мнение, его сегментирования и, следовательно, разделения общества в целом. Сетевой дневник представляется как элемент капиталистической системы производства информации. Прибыль блога в разы больше затрат на его организацию и ведение. При этом логика такого капитала может не учитывать вред, приносимый другим сферам, например праву, морали, социальной защите. Сегодня эта концепция имеет и другие названия: «коммуникативный капитализм», «информационный капитализм» [3], «киберкапитализм» [4], «цифровой капитализм» [5], «капитализм New Media» [6]. Блог — это надстройка, которая обусловлена способом производства материальной жизни в условиях новых медиа, и этот способ производства определяет сознание человека. В пространстве блога индивид получает возможность зарабатывать, потреблять

товары, услуги, впечатления, относительно открыто высказывать и транслировать в сеть свои идеи. Однако любой, даже самый оппозиционно настроенный индивид вынужден подчиняться «правилам игры» блог-пространства и Интернет-ресурса. Таким образом, виртуальный сетевой дневник становится одним из способов контроля, позволяющим поддерживать целостность отдельного сегмента общества через возможность интегрировать любую оппозицию в ресурс своего развития.

В контексте конкретных ситуаций, в которых задействован отдельный участник виртуальной площадки, блог – это процесс обмена, при котором предполагается, что каждая сторона получает свою выгоду. Под ней в сетевом дневнике понимаются не только материальные (деньги, товары, предметы), но и символические блага (эмоции, согласие, статус, слава). Происходит своеобразный «социальный рефлекс»: действия блогера подчинены тому, чтобы получить от аудитории максимальное количество одобрений, репостов, увеличение подписчиков, комментариев. Аудитория стремится выполнять «требования» автора дневника для получения своих выгод в виде информации, подарков, славы. Стоит также отметить, что здесь можно увидеть отношения подчинения и власти: зачастую блогер на правах «хозяина» дневника наделен монопольным правом выбирать наиболее выгодные для себя условия взаимодействия с аудиторией и навязывать свое мнение, что является примером несимметричного обмена, приводящего к неравенству.

Блог может пониматься как организованное сообщество, в котором происходит постоянный процесс интеракции. В нарративе блога наблюдается специфичный диалог между автором

дневника и «обобщенным другим» – аудиторией. Установка аудитории может пониматься как «установка всего сообщества» [7]. В сетевом дневнике можно наблюдать зависимость блогера от аудитории и желание управлять ее впечатлениями. Таким образом, блог выступает виртуальной «сценой», на которой его автор устанавливает соответствующие «декорации» и «реквизит», ведь его цель – сформировать определенное сильное и нужное для него впечатление для аудитории. Зачастую это происходит автоматически, как «сами собой разумеющиеся» действия как для блогера, так и для аудитории и является реализацией самопрезентации каждого из участников коммуникации в сетевом дневнике.

Информация блога, наделенная автором дневника определенным смыслом, посредством специфичной логики интерпретации, позволяет человеку конструировать реальность и создавать определенный порядок с помощью типизации. Усиливает эту возможность контекст восприятия блога как альтернативной, неангажированной площадки в сравнении с официальными источниками информации. Таким образом, блог может пониматься как способ социального взаимодействия и способ конструирования социальной реальности.

Блог позиционирует себя в качестве как коммуникативного действия, воспроизводит общество как жизненный мир (Lebenswelt). Индивид придает смысл событиям и действиям через символические структуры. Мир-блог состоит из трех взаимосвязанных и координируемых с помощью языка элементов (сфер): культура блога, социализация личности (например, идентификация себя блогером), возможность быть действующим лицом, актором.

При этом равновесие такой системы может быть нарушено за счет корыстных интересов, которые могут стать главенствующими для автора дневника, исходя из чего блог коммерциализируется, его формат, стиль, контент изменяются, по сути, речевая коммуникация замещается деньгами и властью.

Сегодня сетевой дневник – это совокупность определенных социальных практик. Целевые установки автора дневника и аудитории различны, однако они позволяют индивидам воспроизводить разнообразные модели поведения в пространстве блога. В данном контексте блогосфера есть порядок, «систематизирующий» воспроизводство социальных практик в Интернет-пространстве. Сетевой дневник создается с нуля благодаря лишь деятельности блогера и аудитории, что очень точно перекликается с феноменом, описанным Ю. Хабермасом: «не сотворенное никем в отдельности, общество производится и воспроизводится чуть ли не с нуля участниками социального события. Производство общества – суть умелое конструирование, обеспечиваемое и реализуемое человеческими существами. Оно возможно лишь потому, что каждый член общества является практикующим социальным теоретиком: осуществляя всякого рода взаимодействия, он обычно обращается к своим знаниям и теориям; и именно использование этих практических ресурсов есть условие осуществления взаимодействия вообще» [8]. Сетевой дневник создается благодаря рутинной повседневной работе как блогера, так и аудитории – социальной практике. При этом преобразуя блог, они преобразуют и самих себя.

Сетевой дневник как структура не привязан к какому-либо географическому месту, в процессе коммуникации

блога возможно активное использование характерных для современного человека абстрактных систем (виртуальных денег, веб-комнат, экспертов). Участники интернет-дневника подвержены рефлексивному мониторингу и рационализации своих действий. Первый проявляется в сознательном отслеживании своих поступков и поступков других в рамках определенных социальных контекстов деятельности, второе – в пояснении этих действий. За счет этого происходит контроль деятельности, а также соотнесение своих желаний и возможностей в контексте блога. Еще одной спецификой коммуникации и социальных практик в виртуальном дневнике является то, что они как повседневное действие зачастую напрямую не мотивированы и совершаются автоматически. Кроме того, в блоге как системе можно увидеть одно из главных ее свойств – дуальность или двойственность, которая проявляется во взаимной зависимости блога, его автора и аудитории.

Блогосферу можно понимать как социальное пространство, характеризующееся как «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей, которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» [9]. «Капитал» блогера (символический, социальный, культурный, информационный) наделяет его определенной властью и определяет степень успешности. При этом сам виртуальный дневник изначально привычная, нередко неосознаваемая социальная практика, спонтанно начинающаяся как импровизация, однако

предопределенная теми поведенческими установками, мыслями и принципами индивида, которые были сформированы в течение его жизни (габитус).

Блог может пониматься как социальная система, состоящая из коммуникаций, то есть операций, в результате которых создаются различные сообщения, информация и интерпретация. Эти операции составляют блог как систему, придают его контенту и информации определенный социальный порядок и смысл событиям. Коммуникация виртуального дневника по-своему упорядочивает организацию общества, формируют его, так же как создают новую реальность. Стоит также отметить, что сетевой дневник как социальная система операционно закрыт, блогу свойственно самовоспроизводство, в трактовке Лумана – аутопойесис [10]. Происходит это благодаря тому, что он имеет собственные операции (коммуникации), которые раз за разом порождают новую информацию, а размещенная информация, в свою очередь, – новую коммуникацию. Блогосфера как совокупность сетевых дневников также является самовоспроизводящей аутопойетической системой.

В виртуальном дневнике можно увидеть три уровня формирования системы: интеракцию через взаимодействие между блогером и аудиторией, их восприятие друг друга, организацию в виде появления в блогосфере определённых правил и формализации коммуникаций, а также определенное виртуальное сообщество или повсеместную коммуникацию через размещение в контексте блога реакций, мнений, высказываний, трансляцию событий из реальной жизни. Блог формирует новую реальность, на данном этапе развития общества достаточно тесно пересекающуюся с реальностью вне сети Интернет. При этом

в пространстве виртуального дневника могут находить место те явления, которые являются запретными как в сети Интернет, так и вне нее, приобретают смысл, становятся социальными и обсуждаемыми.

В постмодернистском обществе, характеризуемом совокупностью дискурсов и реальностью, формируемой через знаки и символические структуры, блог предстает в виде вполне состоявшейся социальной практики. Также его можно понимать и как специфичную технологию подчинения людей, поскольку блогер в пространстве дневника доминирует над аудиторией, имеет власть через те знание и информацию, которые транслирует в своем блоге, с помощью дискурса своего блога создает нужный образ и самопрезентацию, которые хотел бы иметь в глазах аудитории. Аудитория, коммуницируя и откликаясь определенным образом на контент блога и активность автора или других участников коммуникации дневника, участвует в дискурсе потребления информации, который также является важной стратегией власти, определяющей существующий порядок системы. При этом информация блога – это симулякр, в нем как в реальности постмодерна потоки знаков скрывают за собой реальные социальные действия. Реальных социальных действий нет, есть симуляция действий, которая, впрочем, может приводить к вполне реальным результатам.

В рассмотренном выше можно увидеть опору автора на мультипарадигмальный принцип при определении блога как социокультурного феномена. В дальнейшем для теоретико-концептуального исследования возможно применение философско-методологического подхода и фокусирование взгляда на блог в рамках каждой конкретной

парадигмы, нахождение специфики и общих точек пересечения в изучении сетевого дневника, поскольку блог это и социальная система, и инструмент влияния на общественное мнение, и способ разделения общества или контроля, а также постоянный процесс интеракции, способ конструирования социальной реальности, совокупность дискурсов и социальная практика.

5. Schiller D. Digital Capitalism: Networking the Global Market System. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. XVII. P. 11.
6. Nakamura L. Digitizing Race: Visual Cultures of the Internet. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2007. P. 55.
7. Mead J. From gesture to symbol. P. 228.
8. Giddens A. New rules of sociological method. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 14-15.
9. Bourdieu P. Sociology of politics: Trans. from French. Comp., general editorship and foreword by N.A. Shmatko. – Moscow: Socio-Logos, 1993. P. 40.
10. Luhmann N. The Autopoiesis of Social Systems. Essays on Self-Reference. New York, 1990. P. 79.

Список литературы

1. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94-122.
2. Волохонский В.Л. Психологические механизмы и основания классификации блогов [Текст] // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность: Сборник статей / В.Л. Волохонский, Ю.Е. Зайцева, М.М. Соколов. – СПб.: 2006. С. 123-127.
3. Schmiede R. Knowledge, work and subject in informational capitalism // Social Informatics: An Information Society for All? In Remembrance of Rob Kung / Eds.: J. Berleur, M. Nurminen, J. Impagliazzo. N.Y.: Springer, 2006. P. 333-354.
4. Graham P. Hypercapitalism: New Media, Language, and Social Perceptions of Value. N.Y. et al.: Peter Lang, 2006. P. 6-7.
5. Schiller D. Digital Capitalism: Networking the Global Market System. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. XVII. P. 11.
6. Nakamura L. Digitizing Race: Visual Cultures of the Internet. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2007. P. 55.
7. Мид Дж. От жеста к символу. С. 228.
8. Giddens A. New rules of sociological method. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 14-15.
9. Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. С. 40.
10. Luhmann N. The Autopoiesis of Social Systems. Essays on Self-Reference. New York, 1990. P. 79.

References

1. Parsons T. The concept of society: components and their relationships // THESIS. Spring 1993. Vol. 1. Issue 2. P. 94-122.
2. Volokhonsky V.L. Psychological mechanisms and bases for classification of blogs [Text] // Personality and interpersonal interaction on the Internet. Blogs: a new reality: Collection of articles / V.L. Volokhonsky, Yu.E. Zaitseva, M.M. Sokolov. – St. Petersburg: 2006. P. 123-127.
3. Schmiede R. Knowledge, work and subject in informational capitalism // Social Informatics: An Information Society for All? In Remembrance of Rob Kung / Eds.: J. Berleur, M. Nurminen, J. Impagliazzo. N.Y.: Springer, 2006. P. 333-354.
4. Graham P. Hypercapitalism: New Media, Language, and Social Perceptions of Value. N.Y. et al.: Peter Lang, 2006. P. 6-7.

Сафьянов В.И.*Доктор философских наук, профессор. Московский политехнический университет.*

Коммуникативный контакт как предмет социогуманитарного анализа*

Аннотация. Цель: Настоящее исследование направлено на создание основ будущей теоретической системы коммуникативной контактологии. Объектом является вся совокупность процессов коммуникаций и общения, предметом настоящего комплексного анализа является феномен и понятие «коммуникативный контакт» как основной элемент всех процессов общения и коммуникаций. Коммуникативный контакт рассматривается как междисциплинарное понятие и предпринимается попытка создания его комплексной, интеграционной модели. Данная модель открывает новые возможности изучения различных систем личных и социальных контактов с использованием современных психологических и социологических средств, связанных с электронными информационными технологиями. Реализация этих возможностей может принести значимый практический результат.

Методы: Предлагается комплексный, междисциплинарный подход в исследовании коммуникативных контактов, он основан на методологии единства аксиологической (идеалы, цели, ценности, смыслы), антропологической (психологические и социальные характеристики участников контактного взаимодействия) и технологической (средства, формы, способы, приёмы, правила, нормы) сфер коммуникативных контактов. Нарушение гармонического соответствия этих сфер лежит в основе формирования конфликтных контактов.

Результаты: Результаты исследования связаны с решением задач по созданию теоретической базы для исследования индивидуальных и социальных контактов. Данная база призвана служить реализации практических задач по построению культуры эффективных и плодотворных коммуникативных контактов. Формирование культуры коммуникативных контактов является основой создания системы профилактики конфликтных контактов и разрешения конфликтов в сфере коммуникативных контактов.

Выводы: Решение задач по созданию комплексной модели изучения коммуникативных контактов возможно на объединении усилий специалистов всего комплекса социогуманитарных наук и создания целостного учения о прикладной коммуникативной контактологии.

Ключевые слова: общение, коммуникация, коммуникативный контакт, виды контактов, структура контактов, сферы контакта, конфликтный коммуникативный контакт, конфликтологическая контактология.

Safianov V.I.*Doctor of Philosophy, Professor. Moscow Polytechnic University.*

Communicative contact as a subject of socio-humanitarian analysis

Abstract. Purpose: The present research is aimed at creating the foundations of a future theoretical system of communicative contactology. The object is the whole set of communication and

* © Сафьянов В.И., 2025.

Коммуникативный контакт как предмет социогуманитарного анализа

communication processes, the subject of this comprehensive analysis is the phenomenon and concept of "communicative contact" as the main element of all communication and communication processes. Communicative contact is considered as an interdisciplinary concept and an attempt is being made to create its complex, integration model. This model opens up new possibilities for studying various systems of personal and social contacts using modern psychological and sociological tools related to electronic information technologies. The realization of these opportunities can bring great practical results.

Methods: A comprehensive, interdisciplinary approach is proposed in the study of communicative contacts based on the methodology of unity of axiological (ideals, goals, values, meanings), anthropological (psychological and social characteristics of participants in contact interaction) and technological (means, forms, methods, techniques, rules, norms) spheres of communicative contacts. The violation of the harmonious correspondence of these spheres underlies the formation of conflict contacts.

Results: The results of the study are related to solving the problems of creating a theoretical basis for the study of individual and social contacts. This database is designed to serve the implementation of practical tasks to build a culture of effective and fruitful communication contacts. The formation of a culture of communicative contacts is the basis for creating a system of conflict prevention and conflict resolution in the field of communicative contacts.

Conclusions: The solution of the tasks of creating a comprehensive model for the study of communicative contacts is possible by combining the efforts of specialists from the entire complex of socio-humanitarian sciences and creating a holistic teaching on applied communicative contactology.

Key words: communication, conversation, communicative contact, types of contacts, structure of contacts, spheres of contact, conflict communicative contact, conflictological contactology.

Объем литературы и информации, связанный с проблемами общения и проблемам коммуникаций растёт просто фантастически. Действительно, сфера коммуникаций не имеет себе равных по востребованности: значение этой сферы как в теории, так и на практике трудно переоценить, ибо коммуникации представляют собой субстанциональную основу всех личностных, социальных и культурных отношений и взаимосвязей [11]. Дальнейшие перспективы анализа процессов общения и коммуникаций связаны, на наш взгляд, с использованием возможностей «контактного анализа», то есть с изучением социальных коммуникаций на уровне коммуникативных контактов.

Особое, стратегическое значение исследование коммуникативный контактов имеет как для интерперсональной сферы, так и для социальной. Социальная философия и социология получают

в рамках «контактного анализа» новые возможности в плане развития современных исследований, связанных и с применением современных технологий в анализе систем личных и социальных контактов.

Очевидно что развитие исследований в сфере коммуникативистики требует определённой модернизации, которая открывала бы новые возможности оптимизации коммуникативных исследований. Речь идёт о внедрении и расширении возможностей новых подходов в изучении коммуникаций, которые позволят совершать новые прорывы в сфере анализа процессов и феноменов коммуникаций. Более углубленный, детальный, инструментальный, интеграционный методологический подход позволит существенно продвинутся вперёд, стать на ступеньку повыше: прежде всего, речь идет о коммуникативных контактах как ос-

новой ячейки общения и коммуникаций и как предмета социогуманитарного анализа.

Феномены коммуникативных контактов представляют собой определенный симбиоз психологии, культурологии, права, этики, эстетики, лингвистики и искусства. Система и смысл коммуникативных контактов определяет основные характеристики и сущность человеческого и социального бытия, межличностных и социальных отношений. Коммуникативный контакт, несмотря на то, что невозможно однозначно дать его дефиницию, есть субстанция общения и коммуникаций и как диалог определяет все процессы общения и коммуникаций, направлен на достижение общности по самым разным параметрам в коммуникативной культуре.

Понимание коммуникативных контактов самым тесным образом связано с понятиями «общение», «коммуникация», «контакт». Эти понятия прошли большой, удивительный путь изменений, трансформаций значений. Было время, когда понятие контакт (от лат. *contactus* - прикосновение) в «Советской энциклопедии» определялось как электрический феномен, как соприкосновение (соединение) составных частей (элементов) электрической цепи, обеспечивающее прохождение между ними электрического тока. Понятия «Общение» в Большой советской энциклопедии даже и не было, но была статья «Общение животных»!!! Понятие «коммуникации» первоначально было связано, как правило, с техническими значениями: «инженерные коммуникации», «сантехнические коммуникации» и т.д.

Начинать анализировать проблему, как известно, принято и целесообразно с самого простого, с элементарного,

но самое простое часто оказывается и самым важным и самым сложным. Все сферы и процессы коммуникаций, общения, все связи и взаимосвязи, все отношения и взаимоотношения как в индивидуальной, так и в социальной сферах связаны и основаны на коммуникативных контактах. Структурным элементом, такой своеобразной «молекулой» всех объектов коммуникации является, на наш взгляд, «коммуникативный контакт». Поэтому именно коммуникативный контакт и может и должен стать предметом изучения в рамках социогуманитарного знания; именно с исследования коммуникативных контактов обоснованно и взвешенно можно строить целостную коммуникативную теорию, без которой решать практические задачи весьма непросто.

Феномен понятия «коммуникативный контакт» проявляется в каждом акте человеческого общения, при этом многие порой просто не задумываются о том, что их общение состоит из множества самых разнообразных контактов как в личной, так и в социальной жизни. При этом эти контакты настолько не похожи друг на друга по самым многообразным параметрам и критериям, что порой мы порой даже не понимаем как и почему они возникают, когда они завершаются, как трансформируются и т.д. Контакты можно классифицировать по самым разным критериям: время, скорость, сила, глубина, цели, формы, значимость, сферы, направление, роли, опосредованность, гуманность и... Каждый контакт имеет свою структуру и функции, фазы и субординацию, поэтому каждый контакт можно рассматривать междисциплинарно, как феномен культуры, как междисциплинарное понятие, как комплексную элементарную модель.

Возрастающая теоретическая и практическая актуальность исследования проблем общения и коммуникаций, растущая глобализация роста индивидуальных и социальных коммуникаций постоянно требует все большего внимания к их всестороннему и углубленному, всестороннему анализу, к построению современной концептуальной модели. Объекты коммуникативного анализа действительности являются тем фокусом, где сходятся основные параметры человеческого бытия и где сливаются усилия представителей самых разнообразных социальных и гуманитарных дисциплин. При этом процессы коммуникаций изучать следует все более специализированно, но и одновременно интеграционно: «одномерный» подход и усилия самых разнообразных специалистов должны быть объединены в одном направлении, чтобы выполнять одну целевую функцию и предназначение. Это объединение, на наш взгляд, возможно реализовать, прежде всего, в рамках «контактного анализа», в котором коммуникативные контакты представляют собой самый элементарный и самый базовый предмет комплексного социогуманитарного.

Когда мы вступаем в контакт, то, как правило, у нас есть, во-первых, определенные цели, принципы, предпочтения, во-вторых, наш партнер представляет собой определенный субъект с определенными психологическими, антропологическими и социальными характеристиками и, в-третьих, мы используем в этом контакте определенные средства, приемы, правила, «технику общения» и т.д. Именно поэтому, на наш взгляд, анализируя структуру коммуникативного контакта необходимо умозрительно выделить ценностные, антропологические [4] и норматив-

ные параметры. То есть любой коммуникативный акт детерминируется во-первых, какими-либо целями, ценностями, идеалами, смыслами, любой контактный процесс - это, во-вторых, взаимодействие конкретных психологических субъектов с определенными характерологическими особенностями и, в-третьих, любой коммуникативный контакт - это совокупность определенных норм, правил, способов, форм человеческого общения.

Однако, на наш взгляд, исследования процессов общения и коммуникаций на «контактном уровне» изучения ещё не получили должной реализации. В то же время, практика показала, что повышение плодотворности решения коммуникативных проблем, связанных с реализацией целей и задач в деловой и личной сфере, требует обращения именно к комплексному анализу конкретных коммуникативных контактов.

Тема коммуникативных контактов, несомненно, интересует и касается всех. В рамках учения о коммуникативных контактах возможности всестороннего и профессионального анализа коммуникативных процессов возрастает, появляются новые возможности управления контактными процессами, включая использования универсальных моделей, методологий и превентивных алгоритмов избегания конфликтных ситуаций, а также реального разрешения, в случае необходимости, конфликтных контактов.

Таким образом, смысловое поле нашей концепции связано, прежде всего, с такой базовой, узловой категорией как «коммуникативный контакт», с изучением феноменов интерперсональных и социальных контактов, с исследованиями их ценностной, антропологической и нормативно-технологической сфер. Особое место отводится анализу

этико-психологической детерминации конфликтных контактов, их предупреждения и технологическим алгоритмам их разрешения [8, 9, 12].

К сожалению, в соответствующей специализированной литературе по коммуникациям наблюдается определенная несистематизированность, хаотичность и отсутствие специализированных статей и диссертаций по коммуникативным контактам. В отечественной социогуманитарной литературе не уделено должного, на наш взгляд, внимания проблемам коммуникативной контактологии. Только лишь филологи говорят и пишут о коммуникативных контактах, но пишут о них весьма односторонне, лишь как о речевых контактах. Так в работе Формановской Н.И. «Коммуникативный контакт» [7 - 2], которая адресуется специалистам по коммуникативной лингвистике, коммуникативный контакт определяется просто как «одно из ключевых понятий общения как речевого взаимодействия». Несомненно, очень хорошо, правильно и обосновано, что филологи анализируют коммуникативные контакты с позиций лингвистики. Однако, это совершенно не может означать, что коммуникативные контакты не могут быть предметом изучения и других гуманитарных и социальных наук. Напротив, только междисциплинарный подход имеет особые возможности и перспективы в исследовании проблем общения и коммуникаций.

В психологическом словаре «общение» определяется как «сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, обмен действиями, восприятие и понимание партнёра». Примечательно, что в данном случае

особо подчёркивается то, что общение как процесс связан с установлением и развитием контактов между людьми.

Психологический анализ контактов представлен в лице, прежде всего, А.Б. Добровича, который в своей работе «Общение: наука и искусство» [2, 67-82], утверждал, что под контактом нужно понимать «случай коммуникации с обратной связью». А.Б. Добрович представляет развернутый, психологический анализ контактов [2, 89-111, 115-142]. Не вдаваясь в подробности и в оценку данной позиции хотелось бы подчеркнуть очень большую и серьёзную работу в рамках психологии контактов.

В международной коллективной монографии «Man in the modern world: identity and intercultural communication». Dusseldorf, Germany, 2019 Сафьянов В.И. подготовил раздел «Коммуникативный контакт как элемент межкультурной коммуникации: теория и практика» [5, 32-36], в котором представлена культурная парадигма коммуникативного контакта и рассмотрены её возможности в проектировании реальных моделей и систем коммуникативных контактов. Большой интерес представляет работа В.П. Конечкой «Социология коммуникаций», в которой, в свою очередь, анализируются уже социологические аспекты коммуникаций и коммуникативных контактов [1].

Работа проводится и в других сферах, однако, попыток создать комплексную междисциплинарную концепцию пока не было. В то же время, важно подчеркнуть, что только на основе целостного, систематизированного интеграционного и междисциплинарного исследования коммуникативных контактов в рамках социально-психологических, социально-философских, культуроло-

гических, этических, конфликтологических, филологических, педагогических, юридических, эстетических, кибернетических, этнографических..... работ может быть построена целостная концепция коммуникативной контактологии. Требуется огромные усилия специалистов самых разнообразных сфер деятельности для того, чтобы создать в будущем единое, основополагающее учение под названием «контактология» со всеми её прикладными, практическими, отраслевыми сферами.

Кто-то скажет: вот снова и опять «новая наука». На самом деле, речь не обязательно идёт о новой науке. Просто в современной постнеклассической науке интеграционные и междисциплинарные связи, прикладная практическая направленность становятся само собой разумеющимся и распространенным явлением. Относительно коммуникационных дисциплин дело обстоит по существу таким же образом. Поэтому прикладная коммуникативная контактология представляет собой самую назревшую необходимость, без реализации которой реально продвигаться в сфере изучения проблем общения и коммуникаций будет просто невозможно. Коммуникативные контакты могут быть исследованы специалистами самых разнообразных направлений и структур, но следующим этапом этих исследований будет интеграция этих исследований в рамках такой синтетической сферы знаний как коммуникативная контактология. Так обстояло дело, когда формировались, в частности, такие сферы знания, такие дисциплины как конфликтология и имиджелогия.

Для реализации целевой функции по созданию коммуникативной контактологии необходимо, прежде всего, решить целый комплекс таких задач как:

определение сущности понятий «контакт» и «коммуникативный контакт», раскрыть взаимосвязь понятия «коммуникативный контакт» и понятий «общение», «коммуникации», «связи», «взаимосвязи», «отношения» «взаимоотношения», показать особые возможности понятия коммуникативного контакта для более углубленного анализа процессов общения и коммуникаций, исследовать основные сферы коммуникативных контактов, выяснить причины возникновения конфликтных ситуаций и конфликтов в системе социальных и личностных контактов, выявить пути предупреждения и разрешения конфликтов в коммуникативных контактах. Такое специализированное, междисциплинарное и интегрированное изучение коммуникативных контактов даст возможности перейти на более глубокий, современный уровень исследования процессов общения и коммуникаций. Этот уровень анализа коммуникативного контакта позволяет исследовать процессы общения и коммуникаций более детально, системно, с использованием возможностей электронного программного обеспечения и искусственного интеллекта. Это касается не только коммуникативных контактов в целом, но и конфликтных коммуникативных контактах, в частности.

Общеметодологический подход построения учения о коммуникативных контактах может быть основан, на наш взгляд, на идее единства аксиологических, антропологических и технологических (или технических, праксеологических, прагматических, нормативных) аспектов в исследовании проблем общения и коммуникаций [6, 88-96]. В процессе реального общения и коммуникативных контактов, эти аспекты, естественно, неразделимы и лишь в целях теоретического анализа

их можно дифференцировать и определить особенности взаимоотношений между ними. Именно такой интегративный метод предлагается для решения задач по созданию системы коммуникативной контактологии.

Такая специализированная методология была апробирована автором при построении целостной концепции этики общения [6, 43-87], этической контактологии [3], этот методологический подход поможет создать и целостную концепцию коммуникативных контактов. Исследование процессов общения осуществляется в рамках авторского подхода, основанного на признании "трехмерности" человеческого бытия и общения, на понимании целостности и взаимообусловленности основных структурных элементов общения. Определяется и обосновывается принцип гармонического соответствия всех сторон, граней и элементов общения, коммуникаций и, соответственно, коммуникативных контактов.

Общение как форма бытия человека, как особый способ его существования, как интерперсональный диалог проявляется, выражается и реализуется в системе разнообразных коммуникативных контактов, которые являются субстанциональной основой интерперсональных и социальных коммуникаций, взаимоотношений и взаимосвязей. Любой коммуникативный контакт имеет определенные цели и мотивы, связан с определенными субъектами и партнерами, реализуется с помощью определенных средств, методов, приемов, норм. Именно поэтому он и представляет собой целостное единство аксиологических, антропологических и нормативных сторон (граней, аспектов), которые в норме должны представлять собой гармоническое единство, а в случае дисгармонии ведут

к возникновению конфликтных контактов.

Социогуманитарный анализ общения, коммуникаций и коммуникативных контактов может быть реализован должным образом с помощью создания теории коммуникативных контактов и создания коммуникативной контактологии в рамках самых разнообразных прикладных сфер. Коммуникативная контактология призвана стать в будущем важной, магистральной областью социогуманитарных исследований, включающей в себя широкий спектр вопросов теоретического и нормативного характера, среди которых проблема предупреждения и разрешения конфликтов в сфере общения и коммуникаций. Целостная концепция коммуникативных контактов как основа коммуникативной контактологии может быть построена лишь на всестороннем социогуманитарном анализе, поэтому именно на этом основании и предлагается конституировать такую междисциплинарную сферу знания как коммуникативная контактология.

В заключении работы хотелось бы отдать дань памяти известнейшему отечественному юридическому психологу, доктору психологических наук, почетному профессору Льву Борисовичу Филонову, который активно занимался психологическими проблемами установления особо сложных контактов и в самых сложных условиях между людьми. Однажды Лев Борисович предложил мне принять участие в создании Академии контактологии. Но, к великому сожалению, Лев Борисович так и не успел дожить до создания этой Академии. Его работы, в основном, находятся в закрытых фондах: мне не удалось их даже увидеть, ибо они совсем не доступны. Однако, его идея создания Академии контактологии жива, и жива

надежда, что эта Академия состоится и объединит представителей самых разнообразных сфер научного знания в рамках сферы под названием «Контактология».

Список литературы

1. Конечская В.П. Социология коммуникации. – М.: 1997.
2. Психология влияния. Хрестоматия. Составитель А.В. Морозов. – СПб.: 2001. 506 с.
3. Сафьянов В.И. Этика общения и этическая контактология. /Проблемы этики. Философско-этический альманах, серия Выпуск IX. Материалы юбилейной конференции «Этика в современном философском дискурсе», место издания Воробьев А.В. Москва, 2020. С. 59-62.
4. Сафьянов В.И. Антропологические основы коммуникативного контакта. / Человек в современном мире: кризис и глобализация. Международная междисциплинарная коллективная монография. Дюссельдорф, 2020. С. 192-199.
5. Сафьянов В.И. Коммуникативный контакт как элемент межкультурной коммуникации: теория и практика. / Человек в современном мире: идентичность и межкультурная коммуникация. Международная коллективная монография. Дюссельдорф, 2019. С. 32-37.
6. Сафьянов В.И. Этика общения: проблема разрешения конфликтов. – М.: Мир книги, 1997. 192 с.
7. Формановская Н.И. Коммуникативный контакт. – Москва.: Икар, 2012. 197 с.
8. Coser L.A., Levis A. Theorie sozialer Konflikte. – Neuwied am Rhein-Berlin: Luchterhand, 1965. 195 p.
9. Dahrendorf R. The modern social conflict: An essay on the politics of liberty. – London: Weidenfeld a. Nicolson, 1988. XVI. 219 p.
10. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Fr ./ M., 1984.
11. Safianov V., Sokolovskaya I., Shcherbakova O., Belobragin V., Tkach R. Ethical and psychological features of conflict prevention in interpersonal communication Contacts. 3S Web of Conferences 291, 05021. 2021. // URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202129105021>

- conflict resolution. – М.: Mir knigi, 1997. 192 p.
7. Formanovskaya N.I. Communicative contact. – Moscow.: Ikar, 2012. 197 p.
8. Coser L.A., Levis A. Theorie sozialer Konflikte. – Neuwied am Rhein-Berlin: Luchterhand, 1965. 195 p.
9. Dahrendorf R. The modern social conflict: An essay on the politics of liberty. – London: Weidenfeld a. Nicolson, 1988. XVI. 219 p.
10. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Fr ./ M., 1984.
11. Safianov V., Sokolovskaya I., Shcherbakova O., Belobragin V., Tkach R. Ethical and psychological features of conflict prevention in interpersonal communication Contacts. 3S Web of Conferences 291, 05021. 2021. // URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202129105021>

References

1. Konetskaya V.P. Sociology of communication. – M.: 1997.
2. Psychology of influence. Reader. Compiled by A.V. Morozov. – St. Petersburg: 2001. 506 p.
3. Safyanov V.I. Ethics of communication and ethical contactology. / Problems of ethics. Philosophical and ethical almanac, series Issue IX. Proceedings of the anniversary conference "Ethics in modern philosophical discourse", place of publication Vorobyov A.V. Moscow, 2020. P. 59-62.
4. Safyanov V.I. Anthropological foundations of communicative contact. / Man in the modern world: crisis and globalization. International interdisciplinary collective monograph. Dusseldorf, 2020. P. 192-199.
5. Safyanov V.I. Communicative contact as an element of intercultural communication: theory and practice. / Man in the modern world: identity and intercultural communication. International collective monograph. Dusseldorf, 2019. Pp. 32-37.
6. Safyanov V.I. Ethics of communication: the problem of

Гладышева Е.В.

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук,
«МИРЭА – Российский технологический университет», г. Москва. ORCID: 0000-0002-3411-6437

Соотношение понятий «соборность», «коммунитарность» и «коллективизм» в русской религиозной философии*

Аннотация. В работе фиксируется пересечение и замещение понятий «соборность», «коммунитарность» и «коллективизм», присутствующее в современном научном дискурсе. Неясность терминов мешает адекватно обозначать происходящие в современном социуме процессы взаимодействия и объединения. Автор исследования обращается к оригинальным работам русских философов конца XIX – XX вв. с целью выявления специфики интерпретаций этих понятий в русской религиозной философии. Новизной исследования являются предложенные автором формулировки и соотношение понятий «соборность», «коммунитарность» и «коллективизм». В понятии «соборность» отдельно выделяются богословский, антропологический, гносеологический и социальный аспекты. Предлагаются следующие определения: соборность – глубинное свободное духовное единство, основанное на любви (что важно) и сохраняющее индивидуальность каждого (религиозно-метафизический уровень); коммунитарность – единство мировоззренческих ценностей и принципов, проявляющееся в дружбе и духовном общении; коллективизм – соответствие нормативно-правовым требованиям и профессиональному этосу в трудовом коллективе. В работе показано, как внешнее объединение в трудовом коллективе (коллективизм) может наполняться глубоким внутренним содержанием (коммунитарность и соборность).

Ключевые слова: соборность, коммунитарность Н.А. Бердяева, коммунитаризм, коллективизм, русская религиозная философия.

Gladysheva E.V.

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities
and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University, Moscow. ORCID: 0000-0002-3411-6437

The relationship between the concepts of “conciliarity”, “communitarianism” and “collectivism” in Russian religious philosophy

Abstract. The paper records the intersection and substitution of the concepts of «sobornost», «communitarianism» and «collectivism» present in modern scientific discourse. The ambiguity of the terms prevents us from adequately designating the processes of interaction and unification taking place in modern society. The author of the study refers to the original works of Russian philosophers of the late 19th – 20th centuries in order to identify the specifics of interpretations of these concepts in Russian religious philosophy. The novelty of the study is the formulations and relationship between the concepts of «sobornost», «communitarianism» and «collectivism»

* © Гладышева Е.В., 2025.

Соотношение понятий «соборность», «коммунитарность» и «коллективизм» в русской религиозной философии

proposed by the author. The concept of «sobornost» separately distinguishes the theological, anthropological, epistemological and social aspects. The following definitions are offered: sobornost is a deep free spiritual unity based on love (which is important) and preserving the individuality of each (religious and metaphysical level); communitarianism is the unity of ideological values and principles, manifested in friendship and spiritual communication; collectivism – compliance with regulatory and legal requirements and professional ethos in a work collective. The work shows how external unification in a work collective (collectivism) can be filled with deep internal content (communitarianism and conciliarity).

Key words: conciliarity, communality of N.A. Berdyaev, communitarianism, collectivism, Russian religious philosophy.

Введение

В настоящее время гуманитарное знание, формирующее мировоззрение, играет ключевую роль в процессах самоидентификации человека и консолидации общества. Эти процессы не возможны без опоры на традиционные ценности, о чем говорится в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 [16]. Введенный во всех вузах страны предмет «Основы российской государственности» связывает понятие «государство-цивилизация» с традиционными ценностями российского социокультурного мира [8, 9, 10, 11].

Постановка проблемы

На сегодняшний день обозначилась нечеткость понятий «соборность», «коллективизм» и «коммунитарность» («коммунитаризм»), обсуждаемых в российском научном сообществе. Так, в Указе Президента РФ № 809 одной из традиционных ценностей назван коллективизм [15]. Авторы учебного пособия по дисциплине «Основы российской государственности» формулируют понятие «ценностное ядро», где коллективизм заменяется понятием соборность [9, С. 123]. Смещение терминов присутствует в фильмах, рекомендованных для использования в учебном процессе по дисциплине «Основы российской государственности», на-

пример: «ДНК России. Солидарность, согласие, соборность» [5]. Требуется более четкое понимание обозначенных понятий.

Целью данной работы является анализ интерпретаций указанных понятий в работах русских философов XIX-XX вв. и в современных научных исследованиях, на основе которого автор предлагает свое уточнение этих понятий для более плодотворного их использования в гуманитарном образовании.

Методология и методы исследования

Материалом исследования предлагаемой темы служили работы русских философов XIX-XX вв., научные статьи современных авторов, рекомендуемые учебные пособия и фильмы по курсу «Основы российской государственности». Методология данного исследования основана на теоретико-аналитическом анализе источников и работ, интерпретирующих названные понятия. В работе использовались концептуальный и герменевтический методы.

Обзор литературы

Исследовательская литература по теме «соборность в русской религиозной философии» обширна. Это фундаментальные труды создателя синергической антропологии С.С. Хоружего (глава «Хомяков и принцип соборности» в

книге «После перерыва. Пути русской философии») [20] и знатока русской и немецкой философии А.В. Гулыги («Русская идея и ее творцы») [4], считающего соборность «зерном русской идеи, центральным понятием русской философии» [4, С. 23]. Исследователь из Нижнего Новгорода Л.Е. Шапошников анализирует понятие «соборность» в трудах славянофилов и православном богословии («Философия соборности. Очерки русского самосознания») [21]. С.С. Хоружий обозначил перспективы этого концепта в современном пост-секулярном мире в докладе на Международном Научном Собрании «Соборность и Демократия» (Босния и Герцеговина, 2012) [19].

Об интересе к данному понятию в настоящий момент свидетельствуют работы современных российских и зарубежных исследователей. Вопросу о соотношении понятий «соборность» и «свобода» в русской религиозной философии посвящена переизданная в 2024 году монография А.Н. Лазаревой [7]. Автор справедливо замечает, что ощущение реальности, выражаемой словом соборность «в такой потрясающей мере утрачено современным человеком, что появляется потребность восстановить или заново уяснить подлинную ее природу» [7, С. 6]. Ф.А. Гайда рассматривает историю этого термина в России XIX – I четверти XX века и выделяет целый ряд значений этого понятия: свободное единение, соборное управление, общественность и даже коллективизм, что представляется неожиданным [2]. А.В. Тонковидова и М.О. Орлов соотносят понятия «соборность» и «светская социальность», основываясь на анализе работ В.С. Соловьева, С.Л. Франка и Н.А. Бердяева. Исследователи противопоставляют «механическое и формальное единство» светской социаль-

ности духовному соборному единению [13]. Исследователи Д.В. Семикопов, И.А. Лебедев и А.В. Аксенов продолжают тему историко-философской интерпретации понятия «соборность» в религиозном персонализме В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова и архимандрита Софрония (Сахарова). Понятие «соборность» связывается с «софийным персонализмом» русской философии Всеединства [11]. Следует отметить, что А.В. Гулыга также связывал соборность с категорией всеединства [4, С. 24]. Из богословских интерпретаций соборности как «литургического единства», «соучастия в любви Христовой» можно указать работу религиозного писателя С.И. Фуделя «Соборность Церкви и экуменизм» [18].

О соотношении понятий «соборность», «коммунотарность» и «коллективизм» у Н.А. Бердяева пишет автор О.А. Запека [6]. Он считает, что «коммунотарность» и «соборность» - близки, но не тождественны, их нельзя смешивать. Оба эти понятия резко противопоставляются Бердяевым «коллективизму». Джеймс МакЛаклан, анализируя соборность Н.А. Бердяева, напротив, связал ее с коммюнитарной, «не изолированной природой человека» [22].

Результаты исследования, обсуждение

Н.А. Бердяев в работе «Царство Духа и царство кесаря» главу VII называет «Коммюнитарность, коллективизм и соборность» и посвящает ее рассмотрению вопроса о соотношении этих понятий. Философ критикует коллективизм как механистически-рациональную «сборность», которая всегда авторитарна и утверждается через насилие над человеческой личностью. Коммюнитарность и соборность, по Бердяеву,

всегда признают ценность личности и индивидуальную свободу. Соборность философ определяет как «религиозную коммюнитарность» [1].

Можно говорить об антропологическом аспекте соборности у П. Флоренского в его труде «У водораздела мысли»: «Живя, мы соборуемся сами с собой – и в пространстве, и во времени, как целостный организм, собираемся воедино из отдельных...элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр. и пр. Подобно мы собираемся в семью, в род, в народ и т.д., собираясь до человечества и включая в единство человечности весь мир» [16, С.343]. Важен также гносеологический аспект, берущий свое начало в концепции «цельного знания» славянофилов и В.С. Соловьева и применительно к концепту соборности развитого С.Н. Трубецким в его работе «О природе человеческого сознания», которое ни единолично, но соборно, т.к. «мы держим внутри себя собор со всеми» [14, С. 498]. Плодотворно раскрытие концепта соборности как «симфонической личности» у Л.П. Карсавина. Важно соотношение соборности с понятиями Всеединства и Софии. Относительно социального аспекта рассмотрения этого термина в настоящее время представляется более актуальной не концепция соборности как общины, предложенная К.Аксаковым, а скорее представление о единстве всех народов в Божественной Софии, представленное Е.Н. Трубецким: «...в Софии все племена земные собраны в одно целое человечество: в ней не только все люди – все народы призваны совместно царствовать» [Цит. по: 12, С. 364]. Со словами Е.Н. Трубецкого перекликаются мысли Ф.М. Достоевского о русской идее как «всемирной отзывчивости» и «всечеловеческом единении». Напомним, что А.В. Гулыга считал соборность

средоточием русской идеи, ее посланием всему человечеству [4].

В целом в понятии «соборность» важно подчеркнуть свободное единение, основанное на духовной любви, сохраняющее индивидуальную свободу в составе целого. Подчеркнем еще раз, что соборность многогранна, может проявляться на разных уровнях единения: цельность личности, семья, род, народ, Отечество, все человечество. На всех этих уровнях можно говорить о соборном единстве, целостности, когда присутствует духовная любовь и сохранение индивидуальной свободы.

Для не столь глубинных связей между людьми, не предполагающими в качестве обязательной духовную любовь, употребим другие термины. У Бердяева коммюнитарность предстает как открытость личности в свободном общении, дружбе и любви. Но здесь не обязателен глубинный, метафизически-религиозный смысл.

Несмотря на отрицательное отношение русских философов к понятию «коллективизм», все же решимся предложить его положительное значение, следуя из термина «трудовой коллектив». Представляется, что это еще более внешняя социальная форма объединения, в первую очередь, подчиняющаяся нормативно-правовым актам. Человек, поступая на службу, подчиняется трудовому законодательству и существующему в данной профессии этическому кодексу.

Об углублении личности внутри себя и там обнаружении духовного единства со всеми людьми писал С.Л. Франк [3]. В работе «Духовные основы общества» Франк говорил о двух горизонтах структуры общества – внутреннем (соборность) и внешнем (общественность): соборность есть «внутреннее единство и оформленность общества»,

общественность же – «внешнее отношение между людьми» [17, С. 300, 304]. На этот момент у Франка обратил внимание С.С. Хоружий [19]. Предлагаемый в нашей работе ряд (коллективизм – коммунитарность – соборность) развивает эти идеи.

Понятия «коллективизм», «коммунитарность» и «соборность» отражают разные степени углубления ракурса взаимосвязи и могут переходить друг в друга при смене этого ракурса. Так, коллеги по работе (коллективизм) могут обнаружить более глубокое их единение на основе разделяемых ценностей, духовном общении и дружбе, что будет свидетельствовать о коммунитарности. Наконец, они могут почувствовать духовное единство друг с другом, например, в любви к Родине (соборность). Внешняя связь в коллективе может наполниться глубоким духовным содержанием (коммунитарностью и соборностью). Мы предлагаем рассматривать соборность как свободное духовное единение, сохраняющее индивидуальность (религиозно-метафизический уровень). Коммунитарность может рассматриваться как единство мировоззренческих принципов и ценностей (социальный уровень). Коллективизм означает вступление в коллектив с обязательным выполнением его нормативно-правовых требований (правовой уровень).

Заключение

Интерпретация понятий и выявление их соотношений с учетом реалий современности необходимы для выполнения миссии гуманитарного образования в объединении общества. Важно фиксировать взаимосвязь разного уровня между людьми, не путаясь в терминологии. Особенно это актуально в современной России.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995. 382 с.
2. Гайда Ф.А. «Соборность»: к вопросу о понимании термина в общественных кругах России в XIX – I четверти XX в. // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 1. С. 17–40.
3. Гладышева Е.В. С.Л. Франк о смысле жизни в контексте современности // Христианская культура и славянский мир: XVIII Международные образовательные Рождественские чтения: Материалы круглого стола. – М.: ГАСК, 2010. С. 56–65.
4. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. – М.: Соратник, 1995. 310 с.
5. ДНК России. Солидарность, согласие, соборность // Российское общество «Знание». // URL: <https://znanierussia.ru/library/video/dnk-rossii-solidarnost-soglasie-sobornost-3835> (Дата обращения: 10.03.2025)
6. Запека О.А. Учение о коммунитарности в творчестве позднего Н.А. Бердяева // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 81–87.
7. Лазарева А.Н. Идея соборности и свободы в русской религиозной философии. – М.: ИФРАН, 2024. 154 с.
8. Основы российской государственности: учебник / коллектив авторов; под ред. А.В. Малько. – М.: КНОРУС, 2024. 264 с.
9. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов естественно-научных и инженерно-технических специальностей / авт.колл.: А.П. Шевырев, В.В. Лапин, С.В. Рогачев и др. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 252 с.
10. Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В.М. Марасанова, В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский и др. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 212 с.
11. Семикопов Д.В., Лебедев И.А., Аксенов А.В. Соборность как метафизическая категория в религиозном персонализме В.С.Соловьева, протоиерея Сергия Булгакова и архимандрита Софрония (Сахарова) // Вестник Мининского университета. 2022. Том 10. № 1. С. 11–24.
12. Смысл жизни. Антология. – М.: «Прогресс-Культура», 1994. 592 с.
13. Тонковидова А.В., Орлов М.О. Соборность и светская социальность (на материалах философии В.Соловьева, С.Франка, Н.Бердяева) // Вестник ВГУ. Серия Философия. 2023. №3. С. 90–93.
14. Трубецкой С.Н. Сочинения. – М.: Мысль, 1994. 816 с.
15. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Дата обращения: 10.03.2025)
16. Флоренский П.А. Сочинения в 2-х томах. Т.2. У водоразделов мысли. – М.: «Правда», 1990. 496 с.
17. Франк С.Л. Духовные основы общества // Русское Зарубежье. – Л.: Лениздат, 1991. 438 с.
18. Фудель С.И. Соборность Церкви и экуменизм. Собрание сочинений: В 3 т. – М.: Русский путь. 2003. Т. 2. 448 с. С. 351–360.
19. Хоружий С. С. Идея соборности: ее православно-славянофильские истоки и ее перспективы в современном постсекулярном мире: Доклад на Международном Научном Собрании «Соборность и демократия». Требиње (Босния и Герцеговина), 13–16 июня 2012 г. // URL: <https://synergia-isa.ru/>

- wpcontent/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (Дата обращения: 10.03.2025)
20. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. – СПб.: Алетейя, 1994. 445 с.
 21. Шапошников Л.Е. Философия соборности. Очерки русского самосознания. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. 199 с.
 22. McLachlan J.M. Existentialist interpretations of the desire to be God: Radical freedom in Sartre and Berdyaev. Ph. D. dissertation. University of Toronto, 1989. P. 244.
- ## References
1. Berdyaev N.A. The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar. – M.: Republic, 1995. 382 p.
 2. Gaida F.A. "Sobornost": on the issue of understanding the term in public circles of Russia in the 19th - 1st quarter of the 20th century // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 6. № 1. P. 17-40.
 3. Gladysheva E.V. S.L. Frank on the meaning of life in the context of modernity // Christian culture and the Slavic world: XVIII International educational Christmas readings: Materials of the round table. – M.: GASK, 2010. P. 56-65.
 4. Gulyga A.V. Russian idea and its creators. – M.: Soratnik, 1995. 310 p.
 5. DNA of Russia. Solidarity, consent, conciliarity // Russian society "Knowledge". // URL: <https://znanierussia.ru/library/video/dnk-rossii-solidarnost-soglasie-sobornost-3835> (10.03.2025)
 6. Zapeka O.A. The doctrine of communality in the works of the late N.A. Berdyaev // Bulletin of Slavic cultures. 2022. Vol. 66. P. 81-87.
 7. Lazareva A.N. The idea of conciliarity and freedom in Russian religious philosophy. – M.: IFRAS, 2024. 154 p.
 8. Fundamentals of Russian statehood: textbook / collective of authors; edited by A.V. Malko. – M.: KNORUS, 2024. 264 p.
 9. Fundamentals of Russian statehood: a textbook for students of natural science and engineering specialties / author's coll.: A.P. Shevyrev, V.V. Lapin, S.V. Rogachev et al. – M.: Publishing house "Delo" RANEPa, 2023. 252 p.
 10. Fundamentals of Russian statehood: a teaching and methodological complex on the discipline for educational institutions of higher education / V.M. Marasanova, V.E. Baghdasaryan, Yu.Yu. Ierusalimsky et al. – M.: Publishing house "Delo" RANEPa, 2023. 212 p.
 11. Semikopov D.V., Lebedev I.A., Aksenov A.V. Sobornost as a Metaphysical Category in the Religious Personalism of V.S.Solovyov, Archpriest Sergiy Bulgakov and Archimandrite Sophrony (Sakharov) // Bulletin of Minin University. 2022. Vol. 10. № 1. P. 11-24.
 12. The Meaning of Life. Anthology. – M.: "Progress-Culture", 1994. 592 p.
 13. Tonkovidova A.V., Orlov M.O. Sobornost and Secular Sociality (based on the philosophy of V.Solovyov, S.Frank, N.Berdyaev) // Bulletin of VSU. Philosophy Series. 2023. № 3. P. 90-93.
 14. Trubetskoy S.N. Works. – M.: Mysl, 1994. 816 p.
 15. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (10.03.2025)
 16. Florensky P.A. Works in 2 volumes. Vol. 2. At the Watersheds of Thought. – M.: Pravda, 1990. 496 p.
 17. Frank S.L. Spiritual Foundations of Society // Russian Abroad. – L.: Lenizdat, 1991. 438 p.
 18. Fudel S.I. Sobornost' Church i ecumenizm. Collected Works: In 3 volumes. – Moscow: Russian Way. 2003. Vol. 2. 448 p. P. 351-360.
 19. Khoruzhy S.S. The Idea of Sobornost: Its Orthodox-Slavophile Origins and Its Prospects in the Modern Post-Secular World: Report at the International Scientific Meeting "Sobornost and Democracy". Trebinje (Bosnia and Herzegovina), June 13–16, 2012 // URL: https://synergia-isa.ru/wpcontent/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (10.03.2025)
 20. Khoruzhy S. S. After the Break. Paths of Russian Philosophy. – St. Petersburg: Aleteya, 1994. 445 p.
 21. Shaposhnikov L.E. Philosophy of conciliarity. Essays on Russian self-consciousness. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 1996. 199 p.
 22. McLachlan J.M. Existentialist interpretations of the desire to be God: Radical freedom in Sartre and Berdyaev. Ph. D. dissertation. University of Toronto, 1989. P. 244.

Аннотации

Матющенко В.С.

Старообрядчество Дальнего Востока: исследование онлайн-активности

Статья впервые анализирует онлайн-присутствие старообрядцев Дальнего Востока (поповцев и беспоповцев), рассматривая использование ими различных интернет-ресурсов и классифицируя их активность как «introverbum» (создаваемый старообрядцами контент) и «extraverbum» (контент внешних источников). Исследование актуально ввиду растущего влияния цифровых технологий на религию. В статье изучается отношение старообрядцев к интернету, а также положительные и отрицательные последствия цифровизации их религиозной жизни. Анализ показывает ограниченное использование онлайн-платформ на Дальнем Востоке (представленное в основном в Забайкальском и Бурятском регионах), что связывается с малочисленностью общин, возрастом прихожан, техническими ограничениями и отсутствием миссионерской активности. В статье рассматривается информационная, коммуникативная и образовательная роль интернета в жизни дальневосточных старообрядцев.

Ключевые слова: старообрядчество, киберпространство, киберрелигия, интернет-ресурсы, цифровизация, традиционная религия, Дальний Восток.

Петрова С.И.

Жидяева Е.С.

О взаимосвязи философии и культуры

Философский взгляд позволяет увидеть культуру в предельно широкой перспективе - как специфически человеческий способ бытия, систему надбиологических программ деятельности, поведения и общения. Философия ставит вопросы о сущности и смысле культуры, ее генезисе, структуре, динамике, функциях в жизни человека и общества. Она выявляет наиболее общие закономерности и механизмы культурного творчества и трансляции культурного опыта. В статье показывается, что союз философии и культуры необходим для целостного и всестороннего постижения многогранного универсума культуры во всем богатстве его проявлений - от повседневных практик до высших достижений человеческого духа. Опираясь на философский базис, культурология как интегральная наука углубляется в более детальный анализ конкретных культурных форм, практик, институций в синхроническом и диахроническом измерении. Она привлекает данные истории, антропологии, психологии, социологии, искусствоведения и других дисциплин для всестороннего описания культурных феноменов.

Ключевые слова: философия, культура, античность, взаимодействие, культурология, наука, человек.

Зинатуллин Р.Ф.

Барсуков Р.Р.

Федорчукова Л.А.

Песни периодов ВОВ и СВО: сравнительный анализ

Во «Введении», исходя из названия, формулируется цель, основные задачи и методология исследования. «Теоретическая часть» содержит последовательный анализ песенного материала ВОВ и СВО и основные отличия, созданных в указанные периоды произведений. В «Заключении и выводах» подводятся итоги исследования, выявляющие ценностные отличия в менталитете человека двух периодов истории. К которым относятся коллективизм и индивидуализм, готовность жертвовать собой и стремление к сохранению собственной жизни, а также профессионализм и дилетантизм, повлекшие за собой качественную дифференциацию произведений периода СВО. Отмечается факт, что наиболее качественными оказались произведения, в той или иной степени связанные с отечественной традицией военной песни.

Ключевые слова: военная песня, форма, содержание, менталитет, ценности, качество произведения, традиция, дифференциация.

Гарин М.Ю.

Критерии элитарности в исторической перспективе

Объектом исследования является становление критериев элитарной культуры в исторической перспективе. Рассматриваются элементы культурологической рефлексии в античной, средневековой философии, а также в эстетической мысли раннего нового времени. Особое внимание автор уделяет представлениям о социальной и воспитательной роли культуры, как она осмыслилась в трудах основных мыслителей каждого из обозреваемых исторических периодов. Предметом исследования, таким образом, являются философские и культурологические работы, в которых мы находим критерии элитарной культуры.

Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как античный культурный идеал, понимаемый в качестве упорядоченного космоса, а также трансформация этого идеала в последующие эпохи, в частности, в рамках культуры христианского средневековья. Помимо анализа и интерпретации классических философских и культурологических трудов, автор также обращается к современным теоретическим подходам, например, к концепциям «постистины» и «знания как борьбы за власть» Стива Фуллера. При работе с текстами и отдельными понятиями используются методы исторической реконструкции, а также компаративного анализа. Новизна исследования заключается в том, что в фокусе исследования находятся размышления об элитарном характере культуры, которым уделяется не так много внимания в исследовательской литературе. Таким образом, настоящее исследование закрывает лауну в отечественной культурологии. Особым вкладом автора можно считать выделение ряда критериев элитарности, свойственных разным историческим эпохам. Автор полагает, что выделенные критерии обладают эвристической ценностью и могут быть использованы в дальнейшей работе. Основной вывод, который делает автор, заключается в том, что в целом ряде ключевых философских работ, затрагивающих проблему культуры, может быть найдено описание элитарной культуры, а также критерии элитарности. Это представляет особенный интерес для нас сегодня, поскольку, согласно современному культурологическому мейнстриму, границы между элитарной и массовой культурой являются размытыми, как и критерии отнесения конкретных культурных объектов к тому или иному типу культуры.

Ключевые слова: культура, элитарность, критерии элитарности, типологизация культуры, культурология, философия, социология, Стив Фуллер, тенденции культуры, культура античности.

Аграфонова М.В.

Семина Н.В.

Явление молодежного самовыражения:

обзор современных подростковых субкультур и их правовое регулирование

С 1960 - 1970-х годов наблюдается стойкий интерес исследователей по отношению к молодежи вообще и молодежной субкультуре в частности. Это объясняется тем, что молодежные субкультуры являются важным средством изменения современного общества. Научные работы, касающиеся молодежи и молодежных субкультур всегда будут актуальны, так как от молодого поколения зависит будущее развитие общества и государства. Именно подростки являются носителями тех ценностей, с которыми общество войдет в следующий этап своей жизнедеятельности. От молодого поколения зависит культура, которая будет в социуме.

Кроме того, молодежь поддается влиянию, их взгляды и ценности изменчивы, поэтому важно сформировать у представителей данной социальной группы правильные ценности, направленные на общественный прогресс.

Авторы рассматривают современные подростковые субкультуры. Проводится анализ возникновения и развития различных молодежных движений, их положительных и негативных сторон.

Особое внимание исследователи уделяют правовому регулированию существования различных субкультур в мировом сообществе.

Ключевые слова: субкультура, правовое регулирование, подростковые движения, юридическая ответственность, самовыражение, социальные сети, альт, квадроберы, темная академия, интернет.

Сафонова Е.А.

Игровая логика квест-технологий в условиях метамодерна

В представленной работе исследуется эволюция игры с точки зрения темпоральных трансформаций в контексте культурной парадигмы. Отдельное внимание уделяется игровому характеру праздников и их видоизменениям от обрядов к зрелищным мероприятиям. Также рассматривается формирования квестов из игр-испытаний. Кроме того, материал анализирует ключевые особенности эпохи метамодерна. При этом, особое внимание акцентируется на игровой логике квест-технологий и их влиянии на современное общество.

Ключевые слова: игровая логика, квест-технологии, игра-испытание, метамодерн.

Кравченко В.И.

Капелюш М.Б.

Искусственный интеллект в рекламе: угроза или союзник для креативных решений?

В последние годы искусственный интеллект (ИИ) стал неотъемлемой частью рекламной индустрии,

вызывая множество дискуссий о его роли и влиянии на маркетинг. Эксперты разделились на два лагеря: одни считают ИИ потенциальной угрозой для рекламного рынка, другие — его ценным союзником. В статье рассматривается главный вопрос, - является ли искусственный интеллект угрозой для креативных профессий или, наоборот, союзником, который помогает улучшить работу? Авторы не дают однозначного ответа на поставленные вопросы, но приводят примеры использования ИИ в современных условиях.

Ключевые слова: реклама, искусственный интеллект, ИИ, маркетинг, экономика, нейросети, главный вопрос.

Кангина Е.Н.

**Компаративный анализ понятий «вовлеченность»,
«участие» и «партиципаторность» в социологии управления**

Статья посвящена теоретическому разграничению понятий «вовлеченность», «участие» и «партиципаторность» в социологии управления, что актуально в условиях антропоцентричного поворота в государственном и муниципальном управлении. На основе компаративного анализа зарубежных и российских концепций выявлены смысловые различия терминов, препятствующие их синонимизации. Научная новизна работы заключается в систематизации дефиниций через призму социологических теорий, а также в предложении четырехуровневой модели вовлечения граждан в управленческие процессы.

Ключевые слова: вовлеченность, партиципаторность, гражданское участие, антропоцентризм, управленческая парадигма, этнокультурное взаимодействие.

Зарянова А.С.

Коммуникационная стратегия в реализации эффективного антикризисного PR-реагирования

Современное общество переживает значительные социально-экономические трансформации, вызванные глобализацией, информатизацией и усилением роли массовых коммуникаций. В таких условиях PR становится важным инструментом управления общественным мнением и адаптации компаний к изменяющейся среде. Возрастающая конкуренция, снижение уровня контроля над информационными потоками, превалирование эмоциональной составляющей информационных поводов над фактологией ставит перед профессиональным сообществом новый вызов: минимизация возникновения кризисных ситуаций и снижение репутационного урона при реализации кризиса. Несмотря на наличие большого количества инструментов, направленных на преодоление кризисных ситуаций, автор полагает, что ключевую роль в преодолении кризисов играет коммуникационная стратегия. В данной статье автором систематизирована теоретическая и прикладная база, обосновывающая превентивную роль выстроенной коммуникационной стратегии во время кризисных ситуаций.

Ключевые слова: коммуникации, коммуникационная стратегия, антикризисное реагирование, кризис, PR.

Насипова С.Б.

**Коллективная ответственность как основа устойчивого
развития: от локальных сообществ к глобальным инициативам**

Статья посвящена исследованию роли коллективной ответственности в достижении устойчивого развития на различных уровнях – от локальных сообществ до глобальных инициатив. Авторы рассматривают, как совместные усилия государств, международных организаций, бизнеса и гражданского общества могут способствовать решению современных социальных, экологических и экономических проблем. Особое внимание уделяется вопросам распределения обязанностей, ресурсов и вызовам, возникающим в условиях глобализации. Статья предлагает практические рекомендации для укрепления коллективной ответственности и повышения эффективности взаимодействия между различными акторами.

Ключевые слова: коллективная ответственность, развитие, глобализация, локальные сообщества, международное сотрудничество, социальные проблемы, экологические вызовы, экономическое развитие, распределение ресурсов.

Сунь Чао

**Динамика традиционных социальных отношений
в Китае - распад «Общество дальних родственных отношений»**

Родственные отношения в китайском обществе состоят из кровных и брачных отношений, основанных на клановых отношениях. По сравнению с европейским регионом, структура личных родствен-

ных отношений в Китае более обширна и включает в себя три клановых отношения с отцом, матерью и супругом. С развитием социального индивидуализма в Китае «дальние родственные отношения» в родственных отношениях постепенно приходят в упадок, а другие родственные отношения в клане, кроме ближайших родственников, постепенно теряют свою значимость. Это явление «разделения дальних родств» проявляется главным образом в «явлении уменьшения связей между дальними родственниками, уменьшения передвижения и постепенного отчуждения». Причины этого изменения в основном связаны с изменением индивидуальных жизненных привычек, увеличением различий между поколениями в научно - техническом развитии, трансформацией и изменением социальной структуры. Явление «разделения дальних родств» вызывает различные положительные и отрицательные эффекты и побуждает общество к необходимости правильного здорового «дальнего родства».

Ключевые слова: китайский клан, дальние родственники, китайское общество, индивидуализм.

Лукинова И.А.

Человек и общество в дебрях современного информационного пространства: философский ракурс

В статье представлено философское исследование феномена информационно-социальных и информационно-антропологических перемен взаимодействия и взаимосвязи мирового Целого и его частей. Проведен анализ с использованием холистской и конструктивистской парадигм. Рассмотрены причины изменения информационного пространства, информационного общества, социальных связей и отношений.

Ключевые слова: информационное пространство, холистская парадигма, конструктивистская парадигма, информационное общество.

Россинский А.Г.

Родин К.В.

Россинская Е.А.

Пьянзина И.В.

Костерина М.Г.

Русский Мир: история и современность

Масштабный кризис, который испытала Россия начиная с 90-х годов, привёл к тяжелым последствиям в её духовной жизни и для его преодоления требуются серьёзные усилия всего общества. В представленной статье на обширном историческом материале исследуются предостережения и советы великих русских философов, просветителей, общественных деятелей, которые не потеряли своей актуальности и могут быть использованы на современном этапе борьбы за истинно русскую духовность, благодаря которой Россия преодолевала в своей истории подобные кризисы. Особое место в исследовании занимают материалы, которые содержат иные оценки известных событий в культуре и искусстве происходившие в СССР в 30–50 годах XX века. Что касается событий, происходящих в духовной жизни России, то и здесь вместе с тревожными размышлениями приводятся многие перспективные и оптимистичные направления по преодолению возникших проблем в строительстве Русского Мира с его исторической духовностью. Приводятся и имена самых известных современных музыкантов, просветителей и меценатов. Особое место в статье отводится и событиям вокруг Украины, где важная роль отводится музыкальному искусству, которое веками собирало наши народы в общность. Приводятся достаточно редкие и малоизвестные материалы, которые совершенно иначе характеризуют некоторые исторические личности (Сталин, Суслов, Жданов и др.). В статье приводятся интересные и значимые материалы о культурной жизни Алтайского края, которая ярко отражает его трансграничное значение в синтезе культур Востока и России.

Ключевые слова: Русский мир, духовность, музыка, коммунистическая партия, войны, модерн, Украина, капитализм, интеллигенция.

Антипов М.А.

Антропологический аспект в учении Н.А. Бердяева о будущем России

В статье исследуется антропологическое измерение историософской концепции Н.А. Бердяева о будущем России. Цель работы заключается в выявлении связи между философской антропологией мыслителя и его видением исторических перспектив России. На основе герменевтического анализа философского наследия Бердяева раскрывается ключевая роль таких категорий как творчество, свобода и духовное преображение личности в контексте исторической судьбы страны. Исследование показывает, что будущее России в интерпретации философа неразрывно связано с духовным самоопределением человека и преодолением кризиса технократической цивилизации. В статье доказывается, что бердяев-

ский подход к проблеме будущего России имеет выраженное антропологическое основание, где историческое развитие страны представлено как реализация творческого потенциала личности. Результаты исследования позволяют переосмыслить современные вызовы российской идентичности через призму бердяевской философской антропологии, предлагающей альтернативу как технократическому детерминизму, так и традиционалистскому фатализму в понимании исторического процесса. Практическая значимость работы заключается в формировании концептуального базиса для интеграции идей Бердяева в современный культурно-образовательный и общественно-политический дискурс.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, философская антропология, личность, свобода, творчество, будущее России, духовное преображение, историософия, технократическая цивилизация, персонализм.

Дружкин С.М.

Биоэтика как практическая философия в Латинской Америке: современный философский дискурс

Статья посвящена анализу роли биоэтики как практической философии в Латинской Америке, с акцентом на современные философские концепции и их влияние на развитие биоэтических норм в регионе. В работе рассматриваются историко-культурные предпосылки формирования биоэтики, включая влияние философии освобождения и теологии. Особое внимание уделяется трудам таких философов, как Флоренсия Луна, которая вводит концепцию «многослойной уязвимости», и Хуан Карлос Теальди, который анализирует биоэтику через призму власти и социальной справедливости. Статья критикует универсалистские подходы и акцентирует внимание на необходимости контекстуального подхода в решении биоэтических проблем, таких как доступное здравоохранение, права маргинализированных групп и другие. В заключении предлагаются рекомендации по дальнейшему развитию биоэтики, ориентированной на реальные социальные и культурные условия Латинской Америки.

Ключевые слова: Латинская Америка, практическая философия, философия освобождения, биоэтика, религиозный фактор в биоэтике, этический релятивизм.

Завгородний Т.О.

Рефлексия о пререфлексивном: самосознание и его неконцептуальный аспект

Статья посвящена философскому анализу феномена самосознания в контексте западной феноменологии и буддийской мысли. Автор исследует противоречия классических теорий самосознания, таких как концепция рефлексии (теории высшего порядка), и альтернативные подходы, представленные Гейдельбергской школой (Генрих, Франк), которая утверждает, что самосознание носит неинтенциональный, ирреляционный характер и предшествует рефлексивным актам. Критикуя идею субъект-объектного дуализма, статья обращается к буддийской школе йогачара, где самосознание рассматривается как поток мгновенных переживаний, лишенных концептуальной фиксации. Анализируются механизмы формирования субъективности через самсары (аффективные тенденции), а также роль медитативных практик в исследовании неинтенционального сознания. Статья подчеркивает связь между феноменологией боли, нейрофизиологическими данными и буддийским учением об анатмане, демонстрируя, как отказ от концептуализации меняет восприятие реальности. Особое внимание уделяется диалогу между западной философией (Сартр, Анри, Левинас) и буддийской эпистемологией (Дхармакирти, Дигнага), выявляя общие основы в понимании аффективной природы сознания. Исследование заключает, что самосознание коренится в довербальном, аффицированном опыте, который структурируется травматическим воздействием Другого и языка, но сохраняет изначальную феноменальность, доступную через медитативную редукцию.

Ключевые слова: самосознание, теории высшего порядка, Гейдельбергская школа, буддийская философия, йогачара, самсары, рефлексия, неинтенциональное сознание, нейрофеноменология, медитация.

Корсак М.В.

Чудина Т.В.

Золотухина Н.В.

Дудник А.В.

Философская экспликация архитектуры как развивающейся системы

Синергетический подход эффективен не только в рамках философских исследований процессов самоорганизации в открытых системах, но и при изучении общих закономерностей архитектурного процесса, в проектировании современных объектов, отвечающих требованиям энергоэффективности и экологичности. Принципы синергетики оказали значительное влияние на формирование нового мышления в ар-

хитектуре, нового отношения к качеству и эстетическому, функциональному содержанию архитектурной среды. Анализ современного архитектурного процесса с позиций синергетического подхода позволяет выявить основные тенденции, целевые установки и перспективы дальнейшего развития архитектурной среды, как формы объединения объективного и субъективного бытия, материального и идеального.

Ключевые слова: архитектурный процесс, синергетика, нелинейность, самоорганизация, пространство, фрактальная архитектура, социокультурные процессы, синергетический подход, открытые системы.

Ли Юйчжэнь

Основные подходы к сущности понятия жизненных ориентаций личности

Жизненные ориентации представляют собой многоуровневую систему. Они объективно существуют и функционируют в практике социальных взаимоотношений, субъективно осознаются и переживаются как ценностные категории, нормы и цели. В результате этого осознания они становятся личностной позицией человека. Признаками жизненных ориентаций являются их открытость и доступность для всех, бесспорность ценностно-смыслового содержания, неподверженность моральному старению (Каунова, 2006).

Теме жизненных ориентаций посвящено большое количество на-учных трудов русских ученых, таких как В.С. Братусь, В.Г. Алексеева, С.С. Бубнова, Т.В. Корнилова, А.А. Волочков, Д.А. Леонтьев, В.Э. Чуд-новский (см. обзор Каунова, 2006).

Китайская культура отличается выраженным своеобразием. В формировании жизненных ориентаций китайцев можно отметить значи-тельный вклад как традиций, так и современных тенденций в обществе и политике. Следование традиционным патриархальным ценностям, ориентация на социум, сочетается с ориентацией на личные интересы, саморазвитие и получение жизненных благ (Малышева, 2018; Коржова, Дун, 2020).

Ключевые слова: жизненные ориентации, личность, культура, ценности, индивид.

Цзя Мэнтянь

Ульянова Л.Н.

Концептуальная система древнекитайской эстетической мысли в контексте музыкальных практик

Изучение концептуальной системы древнекитайской эстетической мысли является необходимым содержанием для представления и объяснения китайской эстетической мысли, соединения китайской и западной эстетической культуры. Древняя китайская философия основана на терминах, категориях и предложениях, которые появились на основе различных дисциплин, таких как поэзия, живопись, литературное творчество и т. д., и формировании концептуальной системы со своими собственными отличительными характеристиками путем формирования идеологического содержания, которое проходит через всю систему китайской эстетической мысли и полностью представляет характеристики древнекитайской эстетической мысли. В процессе непрерывного развития этого содержания постоянно генерируются новые концепции на основе интерактивного развития китайской и западной цивилизаций. В этой статье мы берем перспективу музыкальной практики в качестве резака для завершения резюме характеристик трех метаединиц терминов, категорий и предложений в концептуальной системе древнекитайской эстетической мысли и объясняем взаимосвязи между тремя. В то же время данная статья иллюстрирует фактическое выражение древнекитайской эстетической мысли в контексте музыкальной практики и различных видов литературной и художественной деятельности, с тем чтобы сформировать введение в систему теоретических знаний древнекитайской эстетической мысли в перспективе музыкальной практики.

Ключевые слова: древнекитайская эстетика, концептуальная система, терминология, категория, предложения.

Чарикова Т.В.

Блог как социокультурный феномен

Значительно увеличивающаяся скорость распространения блогов и разрастание блогосферы как площадки и способа применения, реализации человека информационного общества вызвали необходимость философского и культурологического осмысления данного явления. Особенно это важно в условиях лавинообразного распространения информационных технологий, замещения реальности виртуальной и, как следствие, влияния этих процессов на культуру современного общества.

Изменения социокультурного пространства, кризисные явления и процессы, протекающие в социуме, общественная нестабильность, актуализируют задачу рассмотрения блога и его роль в культурной

жизни социума, блага как социокультурного феномена, рассмотреть блог как инструмент изменения социокультурной реальности, истоки культурогенеза блога, дискурс блогосферы в нарративной культуре, а также в выявлении тех ценностей, которые определяют сознание и поведение человека информационного общества.

Ключевые слова: блог, социальная практика, феномен культуры, сетевой дневник, блогосфера, блогер, виртуальный дневник, посты блога, виртуальная реальность, «цифровой капитализм», новые медиа, симулякр, постмодернизм.

Сафьянов В.И.

Коммуникативный контакт как предмет социогуманитарного анализа

Цель: Настоящее исследование направлено на создание основ будущей теоретической системы коммуникативной контактологии. Объектом является вся совокупность процессов коммуникаций и общения, предметом настоящего комплексного анализа является феномен и понятие «коммуникативный контакт» как основной элемент всех процессов общения и коммуникаций. Коммуникативный контакт рассматривается как междисциплинарное понятие и предпринимается попытка создания его комплексной, интеграционной модели. Данная модель открывает новые возможности изучения различных систем личных и социальных контактов с использованием современных психологических и социологических средств, связанных с электронными информационными технологиями. Реализация этих возможностей может принести значимый практический результат.

Методы: Предлагается комплексный, междисциплинарный подход в исследовании коммуникативных контактов, он основан на методологии единства аксиологической (идеалы, цели, ценности, смыслы), антропологической (психологические и социальные характеристики участников контактного взаимодействия) и технологической (средства, формы, способы, приёмы, правила, нормы) сфер коммуникативных контактов. Нарушение гармонического соответствия этих сфер лежит в основе формирования конфликтных контактов.

Результаты: Результаты исследования связаны с решением задач по созданию теоретической базы для исследования индивидуальных и социальных контактов. Данная база призвана служить реализации практических задач по построению культуры эффективных и плодотворных коммуникативных контактов. Формирование культуры коммуникативных контактов является основой создания системы профилактики конфликтных контактов и разрешения конфликтов в сфере коммуникативных контактов.

Выводы: Решение задач по созданию комплексной модели изучения коммуникативных контактов возможно на объединении усилий специалистов всего комплекса социогуманитарных наук и создания целостного учения о прикладной коммуникативной контактологии.

Ключевые слова: общение, коммуникация, коммуникативный контакт, виды контактов, структура контактов, сферы контакта, конфликтный коммуникативный контакт, конфликтологическая контактология.

Гладышева Е.В.

Соотношение понятий «соборность», «коммунитарность» и «коллективизм» в русской религиозной философии

В работе фиксируется пересечение и замещение понятий «соборность», «коммунитарность» и «коллективизм», присутствующее в современном научном дискурсе. Неясность терминов мешает адекватно обозначать происходящие в современном социуме процессы взаимодействия и объединения. Автор исследования обращается к оригинальным работам русских философов конца XIX – XX вв. с целью выявления специфики интерпретаций этих понятий в русской религиозной философии. Новизной исследования являются предложенные автором формулировки и соотношение понятий «соборность», «коммунитарность» и «коллективизм». В понятии «соборность» отдельно выделяются богословский, антропологический, гносеологический и социальный аспекты. Предлагаются следующие определения: соборность – глубинное свободное духовное единство, основанное на любви (что важно) и сохраняющее индивидуальность каждого (религиозно-метафизический уровень); коммунитарность – единство мировоззренческих ценностей и принципов, проявляющееся в дружбе и духовном общении; коллективизм – соответствие нормативно-правовым требованиям и профессиональному этиосу в трудовом коллективе. В работе показано, как внешнее объединение в трудовом коллективе (коллективизм) может наполняться глубоким внутренним содержанием (коммунитарность и соборность).

Ключевые слова: соборность, коммунитарность Н.А. Бердяева, коммунитаризм, коллективизм, русская религиозная философия.

Abstracts

Matyushchenko V.S.

Old Believers of the Far East: online activity research

The article is the first to analyze the online presence of Old Believers of the Far East (popovtsy and bez-popovtsy), considering their use of various Internet resources and classifying their activity as “introverbum” (content created by Old Believers) and “extraverbum” (content from external sources). The study is relevant in view of the growing influence of digital technologies on religion. The article examines the attitude of Old Believers to the Internet, as well as the positive and negative consequences of the digitalization of their religious life. The analysis shows a limited use of online platforms in the Far East (represented mainly in the Transbaikalian and Buryat regions), which is associated with the small number of communities, the age of parishioners, technical limitations and the lack of missionary activity. The article examines the informational, communicative and educational role of the Internet in the life of Far Eastern Old Believers.

Key words: Old Believers, cyberspace, cyberreligion, Internet resources, digitalization, traditional religion, Far East.

Petrova S.I.

Zhidyayeva E.S.

On the relationship between philosophy and culture

The philosophical view allows us to see culture in an extremely broad perspective - as a specifically human way of being, a system of supra-biological programs of activity, behavior and communication. Philosophy raises questions about the essence and meaning of culture, its genesis, structure, dynamics, and functions in human and social life. It identifies the most common patterns and mechanisms of cultural creativity and translation of cultural experience. The article shows that the union of philosophy and culture is necessary for a holistic and comprehensive understanding of the multifaceted universe of culture in all its richness of manifestations - from everyday practices to the highest achievements of the human spirit. Based on a philosophical basis, cultural studies as an integral science delves into a more detailed analysis of specific cultural forms, practices, institutions in a synchronic and diachronic dimension. It draws on data from history, anthropology, psychology, sociology, art history, and other disciplines to comprehensively describe cultural phenomena.

Key words: philosophy, culture, antiquity, interaction, cultural studies, science, man.

Zinatullin R.F.

Barsukov R.R.

Fedorchukova L.A.

Songs from the periods of the Great Patriotic War and the special military operation: a comparative analysis

In the introduction, based on the title, the purpose of the work, its main objectives and research methodology are formulated. The theoretical part contains a consistent analysis of the song material of the Great Patriotic War and the Special Military Operation and the main differences between the works created in these different periods. The conclusion summarizes the results of the study, revealing the value differences in the mentality of a person from the two periods. These are collectivism and individualism, the willingness to sacrifice oneself and the desire to preserve one's own life, as well as professionalism and amateurism, which led to a qualitative differentiation of the works of the period of the Special Military Operation. It is noted that the works of the highest quality turned out to be more or less related to the national tradition of military song.

Key words: military song, form, content, mentality, values, quality of the work, tradition, differentiation.

Garin M.Y.

Criteria of elitism in historical perspective

The object of the study is the formation of criteria of elite culture in a historical perspective. The elements of cultural reflection in ancient and medieval philosophy, as well as in the aesthetic thought of the early modern period, are considered. The author pays special attention to the ideas of the social and educational role of culture, as it was conceptualized in the works of the main thinkers of each of the surveyed historical periods. The subject of the study, therefore, is philosophical and cultural studies, in which we find criteria of elite culture.

The author examines in detail such aspects of the topic as the ancient cultural ideal, understood as an ordered cosmos, as well as the transformation of this ideal in subsequent epochs, in particular, within the framework of the culture of the Christian Middle Ages. In addition to analyzing and interpreting classical philosophical and cultural works, the author also turns to modern theoretical approaches, for example, to the concepts of "post-truth" and "knowledge as a struggle for power" by Steve Fuller. When working with texts and individual concepts, methods of historical reconstruction and comparative analysis are used. The novelty of the research lies in the fact that the focus of the research is on reflections on the elitist nature of culture, which are not given much attention in the research literature. Thus, this study closes a gap in Russian cultural studies. A special contribution of the author can be considered the identification of a number of criteria of elitism peculiar to different historical epochs. The author believes that the selected criteria have heuristic value and can be used in further work. The main conclusion drawn by the author is that in a number of key philosophical works dealing with the problem of culture, a description of elite culture can be found, as well as criteria of elitism. This is of particular interest to us today, because, according to the modern cultural mainstream, the boundaries between elite and mass culture are blurred, as are the criteria for classifying specific cultural objects to a particular type of culture.

Key words: culture, elitism, criteria of elitism, typologization of culture, culturology, philosophy, sociology, Steve Fuller, cultural trends, the culture of antiquity.

Agrafonova M.V.

Semina N.V.

The phenomenon of youth self-expression: a review of modern adolescent sub-cultures and their legal regulation

Since the 1960s and 1970s, there has been a persistent interest among researchers in relation to youth in general and youth subculture in particular. This is explained by the fact that youth subcultures are an important means of changing modern society. Scientific works concerning youth and youth subcultures will always be relevant, since the future development of society and the state depends on the younger generation. It is teenagers who are the bearers of those values with which society will enter the next stage of its life. The culture that will be in society depends on the younger generation.

In addition, young people are susceptible to influence, their views and values are changeable, so it is important to form the right values in representatives of this social group, aimed at social progress.

The authors consider modern teenage subcultures. An analysis of the emergence and development of various youth movements, their positive and negative sides is carried out.

The researchers pay special attention to the legal regulation of the existence of various subcultures in the world community.

Key words: subculture, legal regulation, teenage movements, legal responsibility, self-expression, social networks, alt, quadrobbers, dark academy, internet.

Safonova E.A.

Game logic of quest technologies in the context of metamodernism

The presented work examines the evolution of the game from the point of view of temporal transformations in the context of the cultural paradigm. Special attention is paid to the game nature of holidays and their modifications from rituals to spectacular events. The formation of quests from test games is also considered. In addition, the material analyzes the key features of the metamodern era. At the same time, special attention is focused on the game logic of quest technologies and their influence on modern society.

Key words: game logic, quest technologies, challenge game, metamodern.

Kravchenko V.I.

Kapelyush M.B.

Artificial intelligence in advertising: a threat or an ally for creative solutions?

In recent years, artificial intelligence (AI) has become an integral part of the advertising industry, causing many discussions about its role and impact on marketing. Experts are divided into two camps: some consider AI a potential threat to the advertising market, while others consider it a valuable ally. The article examines the main question - is artificial intelligence a threat to creative professions or, on the contrary, an ally that helps improve work? The authors do not give a clear answer to the questions posed, but provide examples of the use of AI in modern conditions.

Key words: advertising, artificial intelligence, AI, marketing, economics, neural networks, the main question.

Kangina E.N.

**Comparative analysis of the concepts of «engagement»,
«involvement» and «participation» in the sociology of management**

The article is devoted to the theoretical distinction between the concepts of “engagement”, “participation” and “involvement” in the sociology of management, which is relevant in the context of the anthropocentric turn in state and municipal management. Based on a comparative analysis of foreign and Russian concepts, semantic differences in terms that prevent their synonymization are identified. The scientific novelty of the work lies in the systematization of definitions through the prism of sociological theories, as well as in the proposal of a four-level model for involving citizens in management processes.

Key words: engagement, participation, citizen involvement, anthropocentrism, management paradigm, ethnocultural interaction.

Zaryanova A.S.

Communication strategy in the implementation of an effective anti-crisis PR response

Modern society is undergoing significant socio-economic transformations caused by globalization, informatization and the increasing role of mass communications. In such circumstances, PR becomes an important tool for managing public opinion and adapting companies to a changing environment. Increasing competition, a decrease in the level of control over information flows, and the predominance of the emotional component of information over factual issues pose a new challenge to the professional community: minimizing the occurrence of crisis situations and reducing reputational damage during the crisis. Despite the availability of a large number of tools aimed at overcoming crisis situations, the author believes that a communication strategy plays a key role in overcoming crises. In this article, the author systematizes the theoretical and applied framework that substantiates the preventive role of a built communication strategy during crisis situations.

Key words: communications, communication strategy, anti-crisis response, crisis, PR.

Nasipova S.B.

**Collective responsibility as the basis
for sustainable development: from local communities to global initiatives**

The article explores the role of collective responsibility in achieving sustainable development at various levels, from local communities to global initiatives. The authors examine how the joint efforts of states, international organizations, businesses, and civil society can address modern social, environmental, and economic challenges. Special attention is paid to the distribution of responsibilities, resources, and the challenges arising in the context of globalization. The article offers practical recommendations for strengthening collective responsibility and improving the effectiveness of collaboration among various actors.

Key words: collective responsibility, sustainable development, globalization, local communities, international cooperation, social issues, environmental challenges, economic development, resource allocation.

Sun Chao

**The dynamics of traditional Chinese social relations:
the dissolution of the ‘distant relatives society’**

Kinship in Chinese society consists of blood relations and marriage relations based on clan relationships. Compared to the European region, the personal kinship structure in China is more extensive, including three types of clan relationships with father, mother, and spouse. With the development of individualism in Chinese society, the “distant relatives” in kinship relationships have gradually declined, and other clan relationships besides direct relatives have also gradually lost their meaning. This phenomenon of ‘distant relative separation’ is mainly manifested in the reduction of distant relative relationships, decreased mobility, and gradual estrangement. The main reasons for this change are changes in personal living habits, the expansion of inter-generational differences in technological development, and the transformation and changes in social structure. The phenomenon of ‘distant relative separation’ can have various positive and negative effects, and promote the need for a correct and healthy ‘distant relative relationship’ in society.

Key words: Chinese clans, distant relative, Chinese society, individualism.

Lukinova I.A.**Man and society in the wilds of modern information space: a philosophical perspective**

The article presents a philosophical study of the phenomenon of information-social and information-anthropological changes of interaction and interrelation of the world Whole and its parts. It is analyzed using holistic and constructivist paradigms. The reasons for changes in information space, information society, social ties and relations are considered.

Key words: information space, holistic paradigm, constructivist paradigm, information society.

Rossinsky A.G.Rodin K.V.Rossinskaya E.A.Pyanzina I.V.Kosterina M.G.**Russian world: history and modernity**

The large-scale crisis that Russia has experienced since the 90s has led to serious consequences in its spiritual life, and serious efforts by the entire society are required to overcome it. In this article, based on extensive historical material, we examine the warnings and advice of great Russian philosophers, educators, and public figures that have not lost their relevance and can be used at the present stage of the struggle for a truly Russian spirituality, thanks to which Russia has overcome similar crises in its history. A special place in the study is occupied by materials that contain other assessments of well-known events in culture and art that took place in the USSR in the 30–50s of the 20th century. As for the events taking place in the spiritual life of Russia, here, along with alarming reflections, many promising and optimistic directions are given to overcome the problems that have arisen in the construction of the Russian World with its historical spirituality. The names of the most famous modern musicians, educators, and philanthropists are also provided. The article also devotes a special place to the events around Ukraine, where an important role is given to the art of music, which for centuries has brought our peoples together. The article presents rare and little-known materials which characterize some historical figures in a completely different way (Stalin, Suslov, Zhdanov, etc.). The authors reveal interesting and significant information about the cultural life of the Altai Territory, which vividly reflects its transboundary significance in the synthesis of the cultures of the East and Russia.

Key words: Russian world, spirituality, music, communist party, wars, modernism, Ukraine, capitalism, intelligentsia.

Antipov M.A.**Anthropological aspect in N.A. Berdyaev's teaching on the future of Russia**

The article examines the anthropological dimension of N.A. Berdyaev's historiosophical concept on the future of Russia. The purpose of the work is to identify the connection between the philosophical anthropology of the thinker and his vision of the historical prospects of Russia. Based on the hermeneutic analysis of Berdyaev's philosophical heritage, the key role of such categories as creativity, freedom and spiritual transformation of the individual in the context of the historical destiny of the country is revealed. The study shows that the future of Russia in the interpretation of the philosopher is inextricably linked with the spiritual self-determination of man and overcoming the crisis of technocratic civilization. The article proves that Berdyaev's approach to the problem of the future of Russia has a pronounced anthropological basis, where the historical development of the country is presented as the realization of the creative potential of the individual. The results of the study allow us to rethink contemporary challenges to Russian identity through the prism of Berdyaev's philosophical anthropology, which offers an alternative to both technocratic determinism and traditionalist fatalism in understanding the historical process. The practical significance of the work lies in the formation of a conceptual basis for integrating Berdyaev's ideas into contemporary cultural, educational and socio-political discourse.

Key words: N.A. Berdyaev, philosophical anthropology, personality, freedom, creativity, the future of Russia, spiritual transformation, historiosophy, technocratic civilization, personalism.

Druzhkin S.M.**Bioethics as a practical philosophy
in Latin America: modern philosophical discourse**

The article analyzes the role of bioethics as a practical philosophy in Latin America, with an emphasis

on modern philosophical concepts and their impact on the development of bioethical norms in the region. The paper examines the historical and cultural prerequisites for the formation of bioethics, including the influence of liberation philosophy and theology. Special attention is paid to the works of such philosophers as Florencia Luna, who introduces the concept of “layered vulnerability”, and Juan Carlos Tealdi, who analyzes bioethics through the prism of power and social justice. The article criticizes universalist approaches and focuses on the need for a contextual approach to solving bioethical problems such as affordable healthcare, the rights of marginalized groups, and others. In conclusion, recommendations are made for the further development of bioethics, focused on the real social and cultural conditions of Latin America.

Key words: Latin America, practical philosophy, philosophy of liberation, bioethics, religious factor in bioethics, ethical relativism.

Zavgorodniy T.O.

Reflection on the pre-reflexive: self-awareness and its non-conceptual aspect

The article is devoted to the philosophical analysis of the phenomenon of self-consciousness in the context of Western phenomenology and Buddhist thought. The author explores the contradictions of classical theories of self-consciousness, such as the concept of reflection (higher-order theory), and alternative approaches presented by the Heidelberg School (Heinrich, Frank), which argues that self-consciousness is non-intentional, irrelational and precedes reflective acts. Criticizing the idea of subject-object dualism, the article turns to the Buddhist school of Yogacara, where self-consciousness is viewed as a stream of momentary experiences devoid of conceptual fixation. The mechanisms of formation of subjectivity through *samskaras* (affective tendencies) are analyzed, as well as the role of meditative practices in the study of non-intentional consciousness. The article emphasizes the connection between the phenomenology of pain, neurophysiological data and the Buddhist teaching on *anatman*, demonstrating how the rejection of conceptualization changes the perception of reality. Particular attention is paid to the dialogue between Western philosophy (Sartre, Henri, Levinas) and Buddhist epistemology (Dharmakirti, Dignaga), revealing common ground in understanding the affective nature of consciousness. The study concludes that self-consciousness is rooted in pre-verbal, affective experience, which is structured by the traumatic impact of the Other and language, but retains the original phenomenality, accessible through meditative reduction.

Key words: self-awareness, higher-order theories, Heidelberg School, Buddhist philosophy, Yogacara, *samskaras*, reflection, non-intentional consciousness, neurophenomenology, meditation.

Korsak M.V.

Chudina T.V.

Zolotukhina N.V.

Dudnik A.V.

Philosophical explication of architecture as a developing system

The synergetic approach is effective not only within the framework of philosophical studies of self-organization processes in open systems but also in the study of the general patterns of the architectural process, in the design of modern structures that meet energy efficiency and environmental requirements. The principles of synergetics have significantly influenced the formation of new thinking in architecture, shaping a new attitude toward the quality, aesthetic, and functional content of the architectural environment. Analyzing the modern architectural process from the perspective of the synergetic approach makes it possible to identify key trends, goals, and prospects for the further development of the architectural environment as a form of uniting objective and subjective existence, the material and the ideal.

Key words: architectural process, synergetics, nonlinearity, self-organization, space, fractal architecture, sociocultural processes, synergetic approach, open systems.

Li Yuzhen

The main approaches to the essence of the concept of personal life orientations

The relevance of research. Chinese culture has a distinct identity. The significant contribution of both traditions and modern trends in society and politics can be noted in shaping the life orientations of the Chinese. Adherence to traditional patriarchal values, orientation towards society, is combined with a focus on personal interests, self-development and obtaining life benefits (Malysheva, 2018; Korzhova, Dun, 2020).

Life orientations are a multi-level system. They objectively exist and function in the practice of social

relationships, and are subjectively recognized and experienced as value categories, norms, and goals. As a result of this awareness, they become a person's personal position. Signs of life orientations are their openness and accessibility to all, indisputability of value and semantic content, and non-commitment to moral aging (Kaunova, 2006).

A large number of scientific works by Russian scientists such as V.S. Bratus, V.G. Alekseeva, S.S. Bubnova, T.V. Kornilova, A.A. Volochkov, D.A. Leontiev, V.E. Chudnovsky are devoted to the topic of life orientations (see the review by Kaunov, 2006).

Key words: life orientations, personality, culture, values, individual.

***Lia Mengtian**
Ulyanova L.N.*

Conceptual system of ancient Chinese aesthetic thought in the context of musical practices

The study of the conceptual system of ancient Chinese aesthetic thought is a necessary content for presenting and explaining Chinese aesthetic thought and connecting Chinese and Western aesthetic cultures. Ancient Chinese philosophy is based on the terms, categories and propositions that appeared on the basis of different disciplines such as poetry, painting, literary creation, etc., and the formation of a conceptual system with its own distinctive characteristics by the formation of ideological content, which runs through the whole system of Chinese aesthetic thought, and fully presents the characteristics of ancient Chinese aesthetic thought. In the process of continuous development of these contents, new concepts are constantly generated on the basis of the interactive development of Chinese and Western civilisations. In this article, we take the perspective of music practice as a cutter to complete the summary of the characteristics of the three meta-units of terms, categories and propositions in the conceptual system of ancient Chinese aesthetics thought, and explain the interrelationships among the three. At the same time, this paper illustrates the actual expression of ancient Chinese aesthetic thought in the context of music practice and various kinds of literary and artistic activities, so as to form an introduction to the theoretical knowledge system of ancient Chinese aesthetic thought in the perspective of music practice.

Key words: Ancient Chinese aesthetics, conceptual system, terms, categories, propositions.

Charikova T.V.

Blog as a socio-cultural phenomenon

The significantly increasing speed of spread of blogs and the growth of the blogosphere as a platform and method of application and implementation of the information society person have necessitated a philosophical and cultural understanding of this phenomenon. This is especially important in the context of the avalanche-like spread of information technology, the replacement of virtual reality and, consequently, the influence of these processes on the culture of modern society. Changes in the sociocultural space, crisis phenomena and processes occurring in society, social instability, actualize the task of considering the blog and its role in the cultural life of society, the blog as a sociocultural phenomenon, consider the blog as a tool for changing sociocultural reality, the origins of the cultural genesis of the blog, the discourse of the blogosphere in narrative culture, as well as in identifying those values that determine the consciousness and behavior of a person in the information society.

Key words: blog, social practice, cultural phenomenon, online diary, blogosphere, blogger, virtual diary, blog posts, virtual reality, «digital capitalism», new media, simulacrum, postmodernism.

Safianov V.I.

Communicative contact as a subject of socio-humanitarian analysis

Purpose: The present research is aimed at creating the foundations of a future theoretical system of communicative contactology. The object is the whole set of communication and communication processes, the subject of this comprehensive analysis is the phenomenon and concept of “communicative contact” as the main element of all communication and communication processes. Communicative contact is considered as an interdisciplinary concept and an attempt is being made to create its complex, integration model. This model opens up new possibilities for studying various systems of personal and social contacts using modern psychological and sociological tools related to electronic information technologies. The realization of these opportunities can bring great practical results.

Methods: A comprehensive, interdisciplinary approach is proposed in the study of communicative con-

tacts based on the methodology of unity of axiological (ideals, goals, values, meanings), anthropological (psychological and social characteristics of participants in contact interaction) and technological (means, forms, methods, techniques, rules, norms) spheres of communicative contacts. The violation of the harmonious correspondence of these spheres underlies the formation of conflict contacts.

Results: The results of the study are related to solving the problems of creating a theoretical basis for the study of individual and social contacts. This database is designed to serve the implementation of practical tasks to build a culture of effective and fruitful communication contacts. The formation of a culture of communicative contacts is the basis for creating a system of conflict prevention and conflict resolution in the field of communicative contacts.

Conclusions: The solution of the tasks of creating a comprehensive model for the study of communicative contacts is possible by combining the efforts of specialists from the entire complex of socio-humanitarian sciences and creating a holistic teaching on applied communicative contactology.

Key words: communication, conversation, communicative contact, types of contacts, structure of contacts, spheres of contact, conflict communicative contact, conflictological contactology.

Gladysheva E.V.

The relationship between the concepts of “conciliarity”, “communitarianism” and “collectivism” in Russian religious philosophy

The paper records the intersection and substitution of the concepts of “sobornost”, “communitarianism” and “collectivism” present in modern scientific discourse. The ambiguity of the terms prevents us from adequately designating the processes of interaction and unification taking place in modern society. The author of the study refers to the original works of Russian philosophers of the late 19th – 20th centuries in order to identify the specifics of interpretations of these concepts in Russian religious philosophy. The novelty of the study is the formulations and relationship between the concepts of “sobornost”, “communitarianism” and “collectivism” proposed by the author. The concept of “sobornost” separately distinguishes the theological, anthropological, epistemological and social aspects. The following definitions are offered: sobornost is a deep free spiritual unity based on love (which is important) and preserving the individuality of each (religious and metaphysical level); communitarianism is the unity of ideological values and principles, manifested in friendship and spiritual communication; collectivism – compliance with regulatory and legal requirements and professional ethos in a work collective. The work shows how external unification in a work collective (collectivism) can be filled with deep internal content (communitarianism and conciliarity).

Key words: conciliarity, communality of N.A. Berdyaev, communitarianism, collectivism, Russian religious philosophy.

Авторы

Аграфонова М.В. - магистрант. ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза.

Антипов М.А. - аспирант. Московский педагогический государственный университет.

Барсуков Р.Р. - саратовское высшее артиллерийское командное училище. Преподаватель кафедры тактики и боевой работы, майор, г. Саратов. ORCID: 0009-0008-1008-9471

Гарин М.Ю. - аспирант кафедры Культурологии. Институт кино и телевидения (ГИТР).

Гладышева Е.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, «МИРЭА – Российский технологический университет», г. Москва. ORCID: 0000-0002-3411-6437

Дружкин С.М. - ассистент департамента философии и социальных наук. Московский городской педагогический университет. SPIN-код: 7787-1862. ORCID: 0009-0005-6157-1928

Дудник А.В. - старший преподаватель кафедры «Промышленное и гражданское строительство» Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко» Бендеры, Приднестровье, Молдова. SPIN-код: 4418-7563

Жидяева Е.С. - кандидат социологических наук, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Завгородний Т.О. - аспирант, Санкт-Петербургский Государственный Университет. ORCID 0000-0001-8361-2747

Зарянова А.С. - руководитель проектов департамента по внешним коммуникациям ООО «Яков и Партнёры», соискатель ученой степени кандидата социологических наук. Институт государственной службы и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИГСУ РАНХиГС).

Зинатуллин Р.Ф. - саратовское высшее артиллерийское командное училище, начальник кафедры тактики и боевой работы, кандидат военных наук, полковник, г. Саратов. ORCID: 0009-0009-4904-6193

Золотухина Н.В. - старший преподаватель кафедры «Архитектура и дизайн» Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко» Бендеры, Приднестровье, Молдова. SPIN-код: 1380-5095

Кангина Е.Н. - аспирант. Преподаватель. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Российский технологический университет МИРЭА.

Капелюш М.Б. - старший преподаватель кафедры «Реклама и связь с общественностью», Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Корсак М.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры «Архитектура и дизайн». Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко» Бендеры, Приднестровье, Молдова. SPIN-код: 9665-1457

Костерина М.Г. - кандидат искусствоведения. Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

Кравченко В.И. - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Реклама и связь с общественностью», Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Ли Юйчжэнь - магистр 2 курс. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Лукинова И.А. - кандидат философских наук, преподаватель. Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь.

Матющенко В.С. - кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой, ФГБОУ ВО Амурская государственная медицинская академия, Благовещенск. SPIN-код: 5264-8218

Насипова С.Б. - руководитель центра повышения квалификации и дополнительного образования НАО «Кызылординский университет имени Коркыт Ата», Республика Казахстан.

Петрова С.И. - кандидат культурологии, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Пьянзина И.В. - Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

Родин К.В. - Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского.

Россинская Е.А. - кандидат филологических наук. Московский педагогический государственный университет. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Московский институт психоанализа. ORCID: 0000-0001-7723-2983. SCOPUS ID: 56765595000

Россинский А.Г. - кандидат философских наук. Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

Сафонова Е.А. - соискатель ученой степени кандидата наук Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского, магистр театрального искусства, художественный руководитель Театра «Фортуна», заведующий структурным подразделением МАУ КДК «Красногорье».

Сафьянов В.И. - доктор философских наук, профессор. Московский политехнический университет.

Семина Н.В. - кандидат исторических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза.

Сунь Чао - аспирант. Алтайский государственный университет.

Ульянова Л.Н. - кандидат философских наук, профессор. Высшая школа музыки и театра, Владимирский Государственный Университет, г. Владимир.

Федорчукова Л.А. - саратовское высшее артиллерийское командное училище. Лаборант кафедры тактики и боевой работы, г. Саратов. ORCID: 0000-0003-0507-9371

Цзя Мэнтянь - аспирант. Владимирский Государственный Университет, г. Владимир.

Чарикова Т.В. - старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет путей сообщения», г. Омск. SPIN-код: 1647-9519

Чудина Т.В. - старший преподаватель кафедры «Архитектура и дизайн» Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко» Бендеры, Приднестровье, Молдова.

Authors

Agrafonova M.V., Master's student. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Penza State University», Penza.

Antipov M.A., Graduate Student. Moscow Pedagogical State University.

Barsukov R.R., Major. Saratov Higher Artillery Command School. Lecturer of the Department of Tactics and Combat Work, Saratov.

Charikova T.V., The senior teacher. Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Omsk State Transport University», Omsk.

Chudina T.V., Senior Lecturer of the Department "Architecture and Design". Bendery Polytechnic Branch. State Educational Institution "Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko" Bendery, Transnistria, Moldova.

Druzhkin S.M., Assistant at the Department of Philosophy and Social Sciences Moscow city university.

Dudnik A.V., Senior Lecturer of the Department "Industrial and Civil Engineering". Bendery Polytechnic Branch. State Educational Institution "Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko" Bendery, Transnistria, Moldova. SPIN-code: 4418-7563

Fedorchukova L.A., Saratov Higher Artillery Command School. Assistant of the Department of Tactics and Combat Work, Saratov.

Garin M.Y., Postgraduate student of the Department of Cultural Studies. Institute of Cinema and Television (GITR).

Gladysheva E.V., PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University, Moscow. ORCID: 0000-0002-3411-6437

Jia Mengtian, Postgraduate student. Vladimir State University, Vladimir.

Kangina E.N., Lecturer. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Russian Technological University. Postgraduate student.

Kapelyush M.B., Senior Lecturer of the Department of Advertising and Public Relations, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Korsak M.V., Associate Professor of the Department "Architecture and Design", Candidate of Philosophical Sciences. Bendery Polytechnic Branch. State Educational Institution "Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko" Bendery, Transnistria, Moldova. SPIN code: 9665-1457

Kosterina M.G., Candidate of Art History. Altai State University, Barnaul.

Kravchenko V.I., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Li Yuzhen, Master's degree 2nd year. Lomonosov Moscow State University.

Lukinova I.A., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, North-Caucasus Federal University, Stavropol.

Matyushchenko V.S., PhD, Associate Professor. Head of Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Amur State Medical Academy, Blagoveshchensk.

Nasipova S.B., Head of the Center for Advanced Training and Additional Education of the NAO "Korkyt Ata Kyzylorda University".

Petrova S.I., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar.

Pyanzina I.V., Altai State University, Barnaul.

Rodin K.V., Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky.

Rossinskaya E.A., Candidate of Philological Sciences. Moscow State Pedagogical University. Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba. Moscow Institute of Psychoanalysis. ORCID: 0000-0001-7723-2983. SCOPUS ID: 56765595000

Rossinsky A.G., Candidate of Philosophical Sciences. Altai State University.

Safianov V.I., Doctor of Philosophy, Professor. Moscow Polytechnic University.

Safonova E.A., Applicant for the academic degree of candidate of sciences of the Luhansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky, master of theater arts, artistic director of the Fortuna Theater, head of the structural division of the MAU KDK Krasnogorye.

Semina N.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Penza State University», Penza.

Sun Chao, Graduate Student of the Altai State University Barnaul.

Ulyanova L.N., PhD in Philosophy, Professor. Higher School of Music and Theatre, Vladimir State University, Vladimir.

Zaryanova A.S., Project Manager of the Department of External Communications of Yakov and Partners LLC, Candidate of Sciences in Sociology, Department of Public Relations and Media Policy, Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Zavgorodniy T.O., Postgraduate Student, Saint Petersburg State University. ORCID 0000-0001-8361-2747

Zhidiyeva E.S., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Academy of Marketing and Social Information Technologies, Krasnodar.

Zinatullin R.F., Saratov Higher Artillery Command School. Head of the Department of Tactics and Combat Work, Candidate of Military Science, The Colonel, Saratov.

Zolotukhina N.V., Senior Lecturer of the Department "Architecture and Design". Bendery Polytechnic Branch. State Educational Institution "Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko" Bendery, Transnistria, Moldova. SPIN-code: 1380-5095